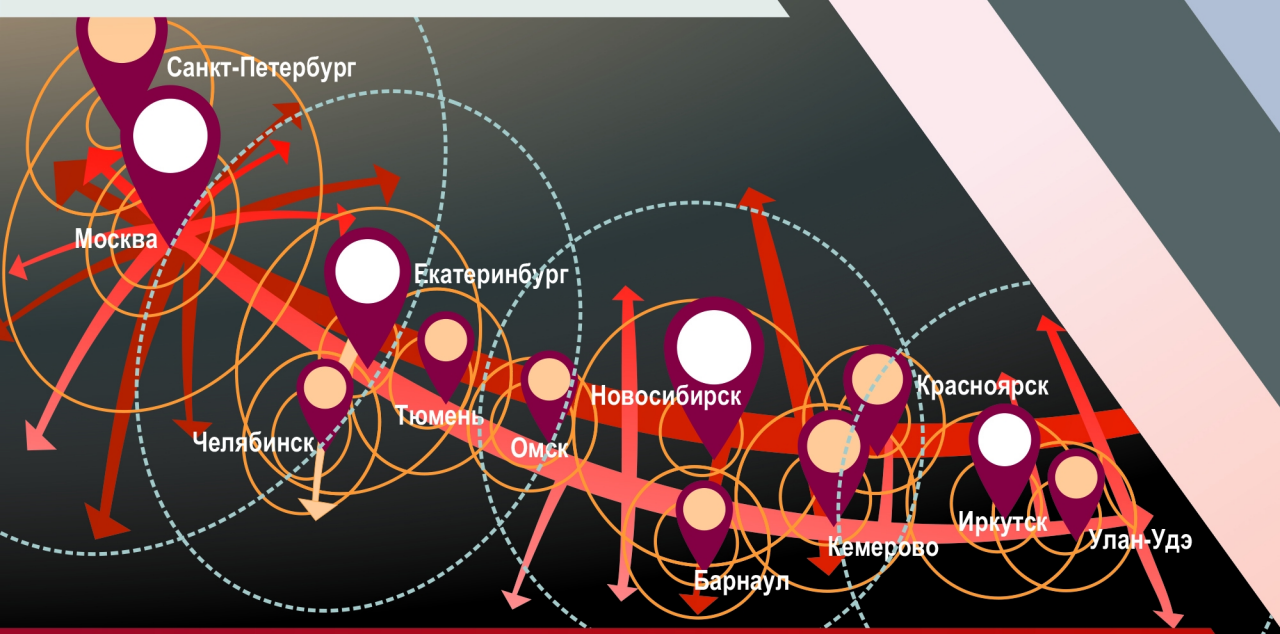

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

3 (29)
2022

TERRITORY DEVELOPMENT

Quarterly
scientific-practical journal

FOUNDED IN 2015

2022. № 3 (29)

EDITORIAL BOARD

Vladimir V. Glinskiy, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Leonid K. Bobrov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Nikolay I. Krasnyakov, Doctor of Law, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Vladimir F. Minakov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, St. Petersburg)

Lyudmila K. Serga, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.

© Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Siberian Institute of Management — branch of RANEPa”

Founder
Federal State-funded Educational Institution
of Higher Education
“Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration”

“Territory Development” journal —
media partner of division
of the Russian Historical Society
(Novosibirsk)

Editor in chief
Leonid V. Savinov, Doctor of Political Science

Executive Editor
Elena A. Belaya
Candidate of Pedagogical Sciences

Assistant Editor
Sergey M. Koba

Editorial office address:
630102, Novosibirsk,
Nizhegorodskaya street, 6

Phone: +7 (383) 373-14-59
rasv_ter@siu.ranepa.ru

Editors:
T. V. Borodina
N. A. Vnukova

Technical Editor *O. A. Gladunova*

SibAGS Publishing House.
Nizhegorodskaya street 6, Novosibirsk, 630102.

Release date 28.09.2022.
OCE print. Format 60x84 1/8.
Conventional printed sheet 11,16.
Publisher's signature 11,23.
Edition of 500 copies. Order 17.

The mass media registration certificate
ПМ № ФС77-81592
dated August 6, 2021,
issued by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
(Roskomnadzor).

Printed
on the printing facility
of the Siberian Institute of Management —
branch of RANEPa.
Nizhegorodskaya street 6, Novosibirsk, 630102.
Subscription price 180.

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Ежеквартальный
научно-практический журнал

ОСНОВАН В 2015 Г.

2022. № 3 (29)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глинский Владимир Васильевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Бобров Леонид Куприянович, доктор технических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Красняков Николай Иванович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Минаков Владимир Федорович, доктор технических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Серга Людмила Константиновна, кандидат экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.

© ФГБОУ ВО «Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС»

Учредитель
ФГБОУ ВО
«Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Журнал «Развитие территорий» —
информационный партнер отделения
Российского исторического общества
в г. Новосибирске

Главный редактор
Леонид Вячеславович Савинов
доктор политических наук

Ответственный редактор
Елена Александровна Белая
кандидат педагогических наук

Ответственный секретарь
Сергей Михайлович Коба

Адрес редакции:
630102, г. Новосибирск,
ул. Нижегородская, 6.

Тел. +7 (383) 373-14-59
rasv_ter@siu.ranepa.ru

Редакторы:
Т. В. Бородина
Н. А. Внукова

Технический редактор *О. А. Гладунова*

Издательство СибАГС.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Дата выхода в свет 28.09.2022.
Печать ОСЕ. Формат 60x84 1/8.
Усл. п. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,23.
Тираж 500 экз. Заказ 17.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-81592
от 6 августа 2021 г.,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

Отпечатано
на полиграфической базе
Сибирского института управления —
филиала РАНХиГС.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Цена по подписке 180 руб.

EDITORIAL COUNCIL

Yuri I. Shokin, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)

Valery A. Kryukov, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)

Vyacheslav I. Molodin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)

Sergey M. Drobyshevsky, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)

Ruben O. Agavelyan, Doctor of Psychology, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Mikhail A. Alekseev, Doctor of Economics, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Sergey V. Biryukov, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Vladimir N. Borisov, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)

Roman N. Borovskikh, Doctor of Law (Russian Federation, Tomsk)

Vladimir A. Volokh, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Anna I. Guseva, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Paul Desendorf, PhD, University of West Carolina (USA, Kallouhy)

Vladimir Yu. Zorin, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Andrey S. Zuev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Nikolay E. Kalenov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor (Russian Federation, Omsk)

Irina V. Knyazeva, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor (Russian Federation, Yekaterinburg)

Kremer Raimund, PhD (Germany, Potsdam)

Chimiza K.-O. Lamazhaa, Doctor of Philosophy, Professor (Russian Federation, Moscow)

Arbaban K. Magomedov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Ulyanovsk)

Izabella P. Malinova, Doctor of Philosophy, Professor (Russian Federation, Yekaterinburg)

Lyudmila A. Mokretsova, Doctor of Pedagogy (Russian Federation, Professor, Biysk)

Alexander V. Novokreschenov, Doctor of Sociology, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Roza A. Nurtazina, Doctor of Political Sciences, Professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Tatyana V. Poplavskaya, Doctor of Philology, Professor (Belarus, Minsk)

Mikhail L. Pyatov, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, St. Petersburg)

Olga V. Simagina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Galina V. Timofeeva, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)

Batykan M. Torogeldieva, Doctor of Political Science, Professor (Kyrgyzstan, Bishkek)

Irbulat T. Utepbergenov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Kazakhstan, Almaty)

Tatyana E. Fassenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Alexey V. Fedyakin, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Larisa L. Khoperskaya, Doctor of Political Sciences, Professor (Kyrgyzstan, Bishkek)

Sergey N. Chirun, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Kemerovo)

Cheng Runyu, PhD (China, Shanghai)

Vladimir I. Shishkin, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шокин Юрий Иванович, доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)

Крюков Валерий Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)

Молодин Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)

Дробышевский Сергей Михайлович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Агавелян Рубен Оганесович, доктор психологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Алексеев Михаил Анатольевич, доктор экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Бирюков Сергей Владимирович, доктор политических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Борисов Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Боровских Роман Николаевич, доктор юридических наук (Россия, Томск)

Волох Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

Гусева Анна Ивановна, доктор технических наук, профессор (Россия, Москва)

Зорин Владимир Юрьевич, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

Зуев Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Каленов Николай Евгеньевич, доктор технических наук, профессор (Россия, Москва)

Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Князева Ирина Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Кремер Раймунд, PhD (Германия, Потсдам)

Ламажаа Чимиза Кудер-Ооловна, доктор философских наук, профессор (Россия, Москва)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, доцент (Россия, Ульяновск)

Малинова Изабелла Павловна, доктор философских наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Мокрецова Людмила Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Бийск)

Новокрещёнов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Нуртазина Роза Ауталиповна, доктор политических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Пятов Михаил Львович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Симагина Ольга Владимировна, доктор экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Тимофеева Галина Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Торогельдиева Батыкан Макишевна, доктор политических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)

Утепбергенов Ирбулат Туремуратович, доктор технических наук, профессор (Казахстан, Алматы)

Фасенко Татьяна Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Федякин Алексей Владимирович, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

Хопёрская Лариса Львовна, доктор политических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)

Чирун Сергей Николаевич, доктор политических наук, доцент (Россия, Кемерово)

Ченг Жунью, PhD (Китай, Шанхай)

Шишкин Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

CONTENTS

INFORMATION SYSTEMS AND PROCESSES.....	8
Makarova N.N., Timofeeva G.V., Surkova V.V. CONCEPTS OF DIGITAL ECOSYSTEMS OF TRANSPORT AND LOGISTICS SERVICES FOR BUSINESS STRUCTURES OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX: TERRITORIAL ASPECT	8
Belousova M.N., Belousov V.A. SUBSTANTIATION OF THE BREED AND VARIETAL COMPOSITION OF FRUIT PLANTATIONS: A GAME THEORY APPROACH	14
ECONOMIC RESEARCH.....	21
Bykadorov I.A., Ismayilova Yu.N., Pudova M.V. EQUILIBRIUM AND OPTIMALITY IN MODELS OF INTERREGIONAL TRADE IN MONOPOLISTIC COMPETITION: A UNIFIED APPROACH	21
Kolomak E.A., Sumskaya T.V. THE ROLE OF FEDERAL TRANSFERS IN THE SUBNATIONAL BUDGET SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS ASIAN PART	30
Karelin I.N. ASSESSMENT OF THE EFFICIENCY OF HUMAN CAPITAL USE IN THE REGIONS OF RUSSIA	43
STATE AND CIVIL SOCIETY, IDEOLOGY AND POLITICS.....	54
Kachusov D.A., Kazantsev D.A. YOUTH PATRIOTIC ORGANIZATIONS IN THE NOVOSIBIRSK AND KEMEROVO REGIONS: A STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS	54
Sitnikova E.L. WOMEN'S EMPLOYMENT IN RUSSIA: HISTORICAL AND MODERN ASPECTS	63
PROBLEMS OF ECONOMIC DEVELOPMENT AND MANAGEMENT.....	71
Sinyavskaya T.G., Tregubova A.A., Muzayev M.Z. ACTUARIAL VALUATION OF PENSION RIGHTS IN VOLUNTARY PENSION INSURANCE.....	71
Vyzhitovich A.M., Kelzina N.V.	80
DEVELOPMENT OF THE REPUTATIONAL RISK CONTROL SYSTEM OF FINANCING INVESTMENT PROJECTS.....	80
AUTHOR AFFILIATIONS.....	89
INFORMATION FOR AUTHORS	91

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ПРОЦЕССЫ	8
Макарова Н. Н., Тимофеева Г. В., Суркова В. В. КОНЦЕПТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР АПК: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	8
Белоусова М. Н., Белоусов В. А. ОБОСНОВАНИЕ ПОРОДНО-СОРТОВОГО СОСТАВА ПЛОДОВЫХ НАСАЖДЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-ИГРОВОЙ ПОДХОД	14
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	21
Быкадоров И. А., Исмайлова Ю. Н., Пудова М. В. РАВНОВЕСИЕ И ОПТИМАЛЬНОСТЬ В МОДЕЛЯХ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ ПРИ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ: ЕДИНЫЙ ПОДХОД	21
Коломак Е. А., Сумская Т. В. РОЛЬ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТРАНСФЕРТОВ В СУБНАЦИОНАЛЬНОЙ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ	30
Карелин И. Н. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РЕГИОНАХ РОССИИ	43
ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА	54
Качусов Д. А., Казанцев Д. А. МОЛОДЕЖНЫЕ ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НОВОСИБИРСКОЙ И КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	54
Ситникова Е. Л. ЖЕНСКАЯ ЗАНЯТОСТЬ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ	63
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ	71
Синявская Т. Г., Трегубова А. А., Музаев М. З. АКТУАРНАЯ ОЦЕНКА ПЕНСИОННЫХ ПРАВ В ДОБРОВОЛЬНОМ ПЕНСИОННОМ СТРАХОВАНИИ	71
Выжитович А. М., Кельзина Н. В. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ РЕПУТАЦИОННЫХ РИСКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ	80
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	87
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	91

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ПРОЦЕССЫ

INFORMATION SYSTEMS AND PROCESSES

Развитие территорий. 2022. № 3. С. 08—13.
Territory Development. 2022;(3):08—13.

Информационные системы и процессы

Научная статья

УДК 338.43

DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-08-13

КОНЦЕПТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР АПК: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Надежда Николаевна Макарова¹, Галина Владимировна Тимофеева^{2✉}, Виктория Валерьевна Суркова³

¹ Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Волгоград, Российская Федерация

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

³ Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Галина Владимировна Тимофеева, gv.timofeeva@igsu.ru

Аннотация. В настоящее время актуальна необходимость в развитии современных цифровых экосистем транспортно-логистического обслуживания предпринимательских структур АПК в условиях перехода к цифровой экономике и цифровой логистике, о чем свидетельствует и ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство». В работе обоснованы концепты организации и взаимодействия субъектов цифровой платформы «Транспорт и логистика» в экосистемах транспортно-логистического обслуживания предпринимательских структур АПК в территориальном разрезе.

Ключевые слова: цифровая экосистема, транспортно-логистическое обслуживание, предпринимательские структуры АПК, цепочка поставок, перевалка грузов

Для цитирования: Макарова Н. Н., Тимофеева Г. В., Суркова В. В. Концепты деятельности цифровых экосистем транспортно-логистического обслуживания предпринимательских структур АПК: территориальный аспект // Развитие территорий. 2022. № 3. С. 08—13. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-08-13.

Information systems and processes

Original article

CONCEPTS OF DIGITAL ECOSYSTEMS OF TRANSPORT AND LOGISTICS SERVICES FOR BUSINESS STRUCTURES OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX: TERRITORIAL ASPECT

Nadezhda N. Makarova¹, Galina V. Timofeeva^{2✉}, Viktoria V. Surkova³

¹ Volgograd Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, Volgograd, Russian Federation

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

³ Volgograd Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Corresponding author: Galina V. Timofeeva, gv.timofeeva@igsu.ru

Abstract. Currently, there is an urgent need for the development of modern digital ecosystems of transport and logistics services for agricultural enterprises in the context of the transition to the digital economy and digital logistics, as evidenced by the departmental project “Digital Agriculture”. The paper substantiates the concepts of organization and interaction of subjects of the digital platform “Transport and Logistics” in the ecosystems of transport and logistics services of business structures of the agro-industrial complex in the territorial context.

Keywords: digital ecosystem, transport and logistics services, business structures of the agro-industrial complex, supply chain, cargo transshipment

For citation: Makarova N.N., Timofeeva G.V., Surkova V.V. Concepts of digital ecosystems of transport and logistics services for business structures of agro-industrial complex: territorial aspect. *Territory Development*. 2022;(3):08—13. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-08-13.

Введение

Функционирование современной рыночной экономики, как отмечают эксперты, базируется на выстраивании различного типа систем координации социально-экономических субъектов [1]. В настоящее время развитие предпринимательских структур АПК ориентировано одновременно на автономность, независимость и тенденции к максимальной скоординированности осуществления всеми участниками цепей поставок транспортно-логистического процесса. Данные обстоятельства детерминируют в первую очередь поиск механизмов интеграционного сотрудничества звеньев цепи поставок в рамках взаимодействия экономических субъектов и централизации материального и информационного обеспечения реализации сельскохозяйственной продукции.

В сетевой структуре значительная роль отводится реализации транспортно-логистических функций. Для повышения эффективности деятельности предпринимательских структур АПК и более активного продвижения продукции местных товаропроизводителей в торговую сеть предполагается высокий уровень государственной поддержки в создании цифровой платформы для взаимодействия субъектов экосистем транспортно-логистического обслуживания, в том числе и для цифровизации цепей поставок сети субъектов хозяйствования с учетом их видов деятельности на селе, поскольку, как отмечается, «проявлением сетевого подхода в логистике является активизация деятельности в экономике по формированию логистических систем» [2, с. 169].

Результаты и обсуждение

Транспортно-логистическое обслуживание является важнейшим компонентом цепочки поставок. Решение задач интегрированного управления функциональными областями транспортно-логистического обслуживания сфокусировано на концепции SCM. Концепция цепочки ценностей (value chain) была изложена в вышедшем в 1985 г. в США труде М. Портера «Конкурентное преимущество». Данная концепция внесла неоценимый вклад в управление логистическими цепочками (SCM — Supply chain management).

В рамках мероприятий по цифровизации АПК «будут выстраиваться цифровые цепочки для поддержки логистики снабжения и сбыта продукции параллельно процессам цифровизации транспорта и логистики, обмена информацией, получаемой с транспортных средств, с операторами цифровых платформ, заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, создания цифровых логистических узлов» [3, с. 27].

Ввиду пространственного рассредоточения объектов управления в агроэкономических си-

стемах представляется необходимым предъявлять повышенные требования к развитию интегрированного транспортно-логистического обслуживания с учетом современных вызовов. При использовании соответствующих средств телекоммуникации и информационной инфраструктуры должен обеспечиваться оперативный обмен информацией с минимальным уровнем ее искажения.

Достичь успеха в данном случае возможно с помощью цифровых инноваций. Международная практика и опыт преуспевающих отечественных сельскохозяйственных производителей свидетельствуют о том, что внедрение инноваций в сфере транспортно-логистического обслуживания будет способствовать снижению расходов, экономии времени и энергоэффективности. Возможность применения в совокупности инновационных и цифровых технологий предпринимательскими структурами АПК будет выступать неотъемлемым элементом формирования конкурентных преимуществ в длительной перспективе, что позволит оставаться им лидером в отрасли.

Как утверждают западные специалисты, получение значимого экономического эффекта от цифровизации сельского хозяйства, превышающего уровень затрат на его достижение, состоит в том, что система аграрного производства обусловлена наличием большого количества параметров, телеметрический контроль и управление которыми имеют решающее значение для конечного результата. Данная оптимизация немыслима без применения соответствующих облачных платформ и сервисов. Их внедрение способствует формированию предпосылок кардинального повышения эффективности и снижения уровня рисков, минимизации их последствий не только в отрасли, но и для всех участников цепочки создания стоимости, включая поставщиков, сбытовое и логистическое звенья [4].

При исследовании процесса цифровизации с позиции транспортно-логистического обслуживания имеет место затруднение с термином «цифровая логистика», поскольку первоисточник данной дефиниции — понятие «цифровая экономика» в настоящее время не имеет единого определения.

Таким образом, следует выделить суть цифровой экономики, которая заключается в технологической трансформации, пригодной для массового и эффективного применения цифровых устройств и технологий.

На наш взгляд, предельно содержательное понятие цифровой логистики представлено в статье «Основные тренды цифровой логистики», где оно трактуется как «поиск, хранение и способ передачи информации, а также цифровые технологии, обеспечивающие выявление и прогнозирование

потребностей, оптимизации маршрутов, направлений материальных и информационных потоков, в том числе сокращение времени существования в цепях поставок» [5, с. 70].

Становление цифровой экономики (цифровая трансформация) совершается посредством реализации конкретных цифровых проектов. Так, в конце 2018 г. Министерством сельского хозяйства Российской Федерации был утвержден ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство», продуктом которого будет являться платформа «Цифровое сельское хозяйство», способная обеспечить всех участников агропромышленного комплекса достоверной информацией о производителе, условиях хранения и транспортировке продукции. Еще одним продуктом проекта «Цифровое сельское хозяйство» предстанет платформа «Агрорешения», подключенная, в свою очередь, к платформе «Транспорт и логистика».

Агропромышленный комплекс представляет собой отрасль с огромным потенциалом, поэтому грамотное внедрение цифровых решений позволит предпринимательским структурам АПК выйти на совершенно иной уровень используемых технологий.

Сегодня вопросы цифровизации транспортной логистики и ее роли в сбыте сельскохозяйственной продукции стоят как никогда остро, особенно в условиях роста экспортных потоков, что требует модернизации системы логистики и создания интеллектуальных логистических систем в компаниях производителей и перевозчиков.

Авторские выводы о транспортно-логистическом обслуживании в формате цифровой логистики сельскохозяйственных товаропроизводителей сводятся к следующим положениям: а) агрегирование информации происходит через некие каналы связи для управления транспортно-логистической системой; б) транспортно-логистическая система — это транспортная система и в то же время инфраструктурная составляющая экономики высоких скоростей, генерирующая на каждом *этапе* транспортно-логистической цепочки добавленную стоимость посредством интеграции предоставляемых услуг; в) экосистемная организация транспортно-логистического обслуживания предпринимательских структур АПК, базирующаяся на применении современных информационных технологий и концепции цифровых платформ, способствует формированию объемной пространственно-сетевой структуры.

Внедрение цифровой платформы сопровождается решением одной из важнейших задач предпринимательских структур АПК — обеспечения непрерывного продвижения информации о всех материальных потоках. В логистике применение беспроводных сетей передачи информации: GSM, Bluetooth, Wi-Fi, GPS — обеспечивает прозрачность процессов в цепочке поставок.

В работе «Сила цепочки поставок на основе блокчейна» авторы выделяют сильные стороны

цифровых цепей поставок в сравнении с традиционными по следующим параметрам:

- 1) скорость (например, доставка покупок дронами);
- 2) гибкость (способность быстро реагировать и приспосабливаться к различным изменениям);
- 3) укрепление глобальных связей (создание эффективных глобальных цепочек поставок);
- 4) инвентаризация в режиме реального времени;
- 5) интеллект (способность использовать искусственный интеллект и нейронные сети);
- 6) прозрачность и масштабируемость;
- 7) инновационный характер;
- 8) проактивность (умение быстро реагировать на изменение спроса) [6].

Однако замена традиционной цепи поставок цифровой — это сравнительно тяжелый и длительный процесс. По версии аудиторской компании из «большой четверки» Deloitte, сегодня происходит превращение классических цепей поставок в цифровые «сети поставок» матричного типа, где каждое звено в каждый момент времени воздействует на всю сеть в целом и преобразует ее (рис. 1, приводится на английском в соответствии с оригиналом).

Для того чтобы сформировать динамичную и совместно развивающуюся транспортно-логистическую бизнес-экосистему различные группы интересов, потенциально восприимчивые к инновациям, вовлекаются в процесс интеграции. Как отмечает Н. А. Гвилия, «цифровой прорыв подобен вихрю — неизбежному движению различных отраслей по направлению к „цифровому центру“, в котором бизнес-модели, продукты и цепи поставок максимально оцифровываются» [8, с. 122].

Понимание региональной экономики, в том числе в контексте транспортно-логистической деятельности, как мезоэкономики вынесено на периферию научного дискурса, поскольку «экономика мейнстрима традиционно фокусируется на анализе экономических систем на микро- и макроуровнях и игнорирует мезоуровень» [9, с. 28]. При этом, как подчеркивает С. Г. Кирдина-Чэндлер, «на мезоуровне происходит объективизация, обезличивание потребностей и устремлений участников экономической деятельности и превращение их в самостоятельные сущности, необходимые для функционирования всей системы» [10, с. 10].

В контексте нашего исследования транспортно-логистическая деятельность корпоративных структур в экономических регионах образует мезоуровень транспортно-логистического обслуживания, включая в себя корпоративный и региональный уровни. В свою очередь региональный уровень предполагает территориальный подход к построению мезо-транспортно-логистических систем, составляющими которых являются кластерные и «сити» подсистемы.

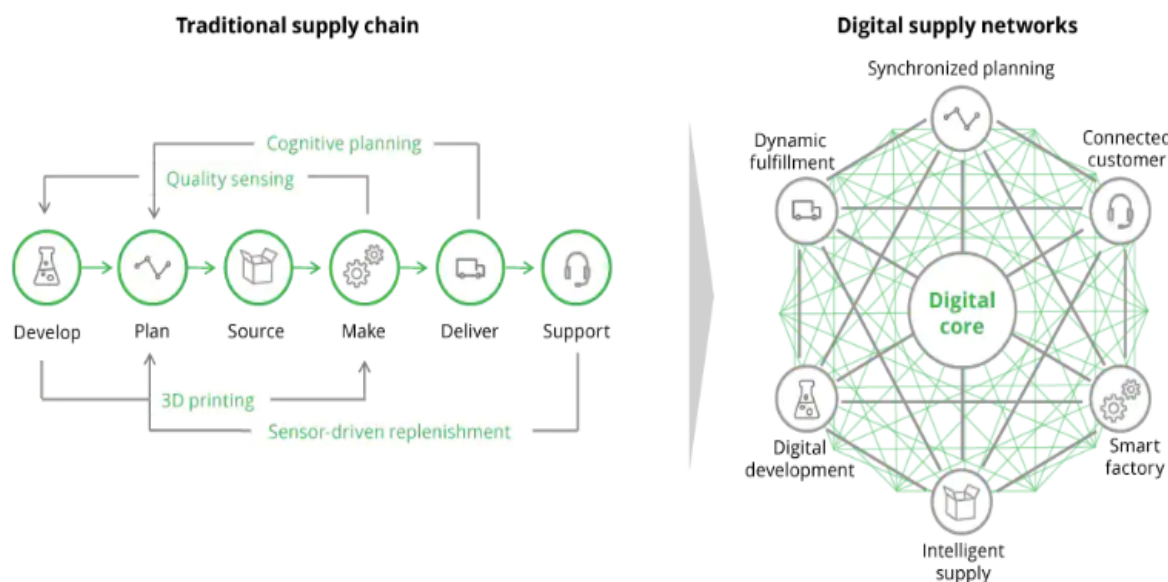

Рис. 1. Преобразование классической цепи поставок в цифровую «сеть поставок» [7]
Transformation of the classical supply chain into a digital “supply chain” [7]

Как было отмечено выше, импульс процессам цифровой трансформации системы аграрного производства придали ведомственная программа «Цифровое сельское хозяйство» и концепция ее цифровой платформы.

По мнению авторов, модель организации и взаимодействия субъектов цифровой платформы «Транспорт и логистика» в экосистемах транспортно-логистического обслуживания предпринимательских структур АПК можно представить схемой, построенной на принципах платформы (рис. 2).

Взаимодействие субъектов цифровой платформы «Транспорт и логистика» в экосистемах транспортно-логистического обслуживания предпринимательских структур АПК осуществляется с помощью унифицированных и стандартизованных форматов представления данных исключи-

тельно по выработанным и установленным регламентам информационного обмена.

Платформа служит агрегатором информации о транспорте из разных источников. При этом гарантируются равные условия доступа к базам данных всех стейкхолдеров АПК. Посредством цифровых продуктов рационализуется координация внутри и между экономическими субъектами. На цифровых платформах участники перевозочного процесса определяются с обязанностями и взаимодействуют на контрактной основе по заложенному в программе алгоритму, по единым для всех нормам и правилам. Платформенные решения ускоряют процессы производства и обмена, снижают роль посредников, параллельно расширяя спектр возможностей для коммуникации с конечными потребителями.

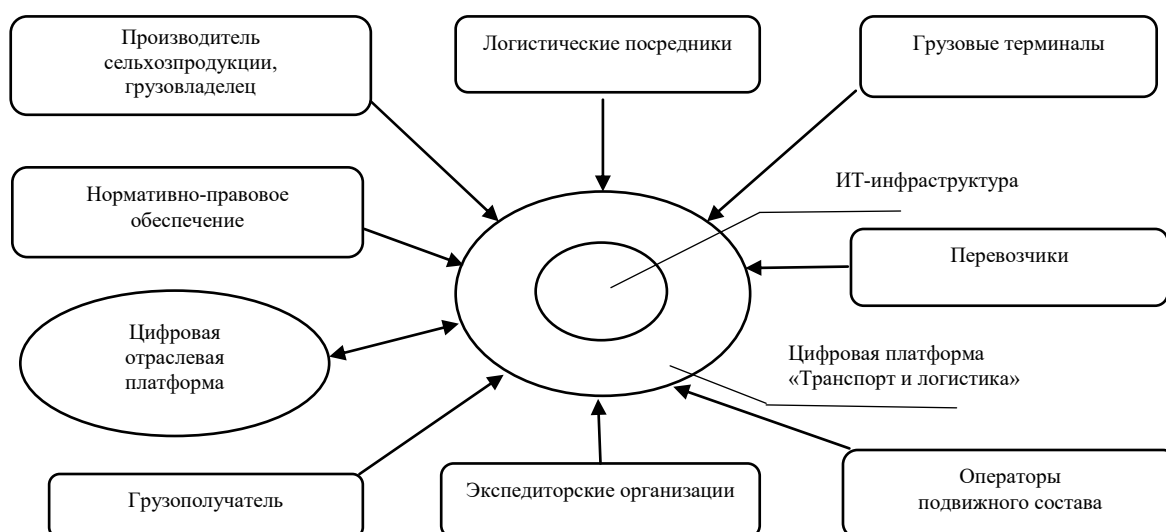

Рис. 2. Схема организации и взаимодействия субъектов цифровой платформы «Транспорт и логистика» в экосистемах транспортно-логистического обслуживания предпринимательских структур АПК
The scheme of organization and interaction of the subjects of the digital platform “Transport and logistics” in the ecosystems of transport and logistics services of business structures of the agro-industrial complex

Сельскохозяйственное производство имеет ярко выраженную сезонность, что и является следствием массовости отправок сельхозпродукции в определенные периоды. В этой связи цифровая платформа способна будет обеспечить провозную и пропускную способность транспортных средств, грузместимость и пропускную способность складов, а также регулировать перевалку грузов с транспорта подвоза-развоза (автомобильного) на магистральный. Вместе с тем должны выполняться повышенные требования к сохранности перевозимых грузов сельскохозяйственной продукции с учетом значительных расстояний доставки.

Одним из ключевых субъектов цифровой платформы в экосистемах транспортно-логистического обслуживания предпринимательских структур АПК являются грузовые терминалы (пункты перевалки), где происходит преобразование логистического транспортного и грузового потока.

Сегодня перевалка грузов в контейнерах представляет собой наиболее экономичный и быстро развивающийся способ доставки продукции ввиду быстрой перевалки (обработки) грузов. Отличительными чертами терминального обслуживания являются: специфика входного транспортного потока, особенности прибывающих грузов, приемы последующего логистического обслуживания.

Вместе с тем сложностью функционирования системы транспортно-логистического обслуживания предпринимательских структур АПК на отечественном рынке выступает внедрение методики логистической координации доставки грузов. В данных обстоятельствах особое значение придается развитию логистической инфраструктуры в территориальном разрезе, главным образом в части деятельности терминально-складских комплексов и логистических информационных систем управления перевозками. В этом случае цель цифровой экосистемы транспортно-логистического обслуживания предпринимательских структур АПК может заключаться:

- в обслуживании территориальной производственной, складской, транспортной или иной агроэкономической системы;

- в совершении сквозной прослеживаемости и координации процесса доставки материальных ресурсов в пределах всей цепи поставок.

Для восприятия происходящих процессов важно подчеркнуть, что логистика репрезентирует методологию сквозной организационно-аналитической стратегической зоны, отвечающую за эффективность цепей поставок предпринимательских структур АПК. Следовательно,

есть основания рассматривать «управление цепями сквозных поставок» как одну из концепций ресурсосбережения в логистике.

Создание сквозных транспортно-логистических цепочек связано с процедурой цифровой трансформации цепей поставок. Данная процедура, по мнению специалистов, должна включать ряд проектных решений, касающихся формирования коммуникационной сетевой структуры (Multi Party Network), в частности с использованием технологии блокчейн, интегрированной системы планирования цепи поставок, экосистемы цифровых двойников, а также цифровой платформы контроля и мониторинга событий в цепи поставок (Supply Chain Control Tower) [11]. Сквозное отслеживание повышает прозрачность процесса доставки, возможность отслеживать товар от товаропроизводителя сельхозпродукции до покупателя.

Выводы

Посредством цифровой платформы цепь поставок в полной мере становится интегрированной экосистемой, которая абсолютно прозрачна для всех задействованных игроков (производители, потребители, дистрибьюторы, розничные клиенты, перерабатывающие компании, поставщики транспортно-логистических услуг и контрагенты, имеющие права доступа и ключи к системе).

Создание на цифровой платформе инновационной транспортно-логистической экосистемы будет являться огромным конкурентным преимуществом для предпринимательских структур отечественного АПК, вследствие чего в рамках такой платформы имеется возможность контролировать непосредственных контрагентов, а также своевременно осуществлять обмен данными между всеми субъектами транспортно-логистической системы.

Текущие события в мире вызывают множество вопросов к дальнейшим перспективам развития, в частности в области автоматизации управления транспортно-логистического обслуживания предпринимательских структур АПК. Поскольку для реализации рассматриваемых проектов необходимо оборудование, в том или ином виде производящееся в странах, которые сейчас заняли выжидательную позицию и приостановили поставки, по мнению авторов, происходящие события еще больше ориентируют российских субъектов цифровой платформы «Транспорт и логистика» на поиск поставщиков терминалов, серверов и другого оборудования из Азиатского региона.

Список источников

1. Клейнер Г. Б., Щепетова С. Е., Щербаков Г. А. Системные механизмы координации участников инновационной деятельности // Экономическая наука современной России. 2017. № 4 (79). С. 19—33.
2. Евтодиева Т. Е. Сравнительная характеристика системной и сетевой форм организации логистики // Проблемы современной экономики. 2011. № 1. С. 169—170.
3. Цифровая трансформация сельского хозяйства России: офиц. изд. М. : Росинформагротех, 2019. 80 с.
4. J'son & Partners Consulting. (J'son & Partners) Analysis of the market of cloud IoT platforms and applications for digital agriculture in the world and prospects in Russia // Retrieved from. URL: https://json.tv/en/ict_telecom_analytics_view/analysis-of-the-market-of-cloud-iot-platforms-and-applications-for-digital-agriculture-in-the-world-and-prospects-in-russia.

5. Основные тренды цифровой логистики / В. Л. Василенок, А. И. Круглова, Е. И. Алексашкина, В. В. Негреева, С. А. Пластунова // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия. Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 1. С. 69—78.
6. Azzi R., Chamoun R. K., Sokhn M. The power of a blockchain-based supply chain // *Computers & Industrial Engineering*. 2019. Vol. 135. P. 582—592.
7. Embracing a digital future. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/us/articles/4181_embracing-a-digital-future/embracing-a-digital-future.pdf
8. Гвилия Н. А. Современные методики оценки уровня цифровизации интегрированных межкорпоративных логистических систем // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 8 (94). С. 121—129.
9. Гареев Т. Р. Региональный институционализм: terra incognita или terra ficta? // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). 2010. № 2. С. 27—37.
10. Курдина-Чэндлер С. Г. Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). 2019. № 11 (3). С. 7—20.
11. Сергеев В. И., Сергеев И. В. Цифровой фреймворк: к методологии цифровой трансформации цепей поставок // *Логистика и управление цепями поставок*. 2020. № 1 (96). С. 3—12.

References

1. Klejner G.B., Shhepetova S.E., Shherbakov G.A. Sistemnye mekhanizmy koordinatsii uchastnikov innovatsionnoy dejatel'nosti [System mechanisms of coordination of innovation activity participants], *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii* [Economic Science of modern Russia], 2017, no. 4 (79), pp. 19—33.
2. Evtodieva T.E. Sravnitel'naja harakteristika sistemnoj i setевой form organizatsii logistiki [Comparative characteristics of system and network forms of logistics organization], *Problemy sovremennoj jekonomiki* [Problems of the modern economy], 2011, no. 1, pp. 169—170.
3. Cifrovaja transformacija sel'skogo hozjajstva Rossii [Digital transformation of agriculture in Russia]: ofic. izd. Moscow, Rosinformagroteh, 2019, 80 p.
4. J'son & Partners Consulting. (J'son & Partners) Analysis of the market of cloud IoT platforms and applications for digital agriculture in the world and prospects in Russia, Retrieved from. Available at: https://json.tv/en/ict_telecom_analytics_view/analysis-of-the-market-of-cloud-iot-platforms-and-applications-for-digital-agriculture-in-the-world-and-prospects-in-russia.
5. Vasilenok V.L., Kруглова A.I., Aleksashkina E.I., Negreeva V.V., Plastunova S.A. Osnovnye trendy cifrovoj logistiki [The main trends in digital logistics], *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya. Jekonomika i jekologicheskij menedzhment* [Scientific journal of NIU ITMO. Series. Economics and Environmental management], 2020, no. 1 pp. 69—78.
6. Azzi R., Chamoun R.K., Sokhn M. The power of a blockchain-based supply chain, *Computers & Industrial Engineering*, 2019, vol. 135, pp. 582—592.
7. Embracing a digital future. Available at: https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/us/articles/4181_embracing-a-digital-future/embracing-a-digital-future.pdf
8. Gvilija N.A. Sovremennye metodiki ocenki urovnja cifrovizatsii integrirovannyh mezhkorporativnyh logisticheskikh system [Modern methods for assessing the level of digitalization of integrated corporate logistics systems], *Regional'nye problemy preobrazovaniya jekonomiki* [Regional problems of economic transformation], 2018, no. 8 (94), pp. 121—129.
9. Gareev T.R. Regional'nyj institucionalizm: terra incognita ili terra ficta? [Regional institutionalism: terra incognita or terra ficta?], *Journal of Institutional Studies (Zhurnal institucional'nyh issledovaniy)* [Journal of Institutional Studies], 2010, no. 2, pp. 27—37.
10. Kirdina-Chjendler S.G. Mekhanizm denezhnogo obrashheniya kak ob'ekt mezojekonomicheskogo analiza [The mechanism of monetary circulation as an object of economic analysis], *Journal of Institutional Studies (Zhurnal institucional'nyh issledovaniy)* [Journal of Institutional Studies (Journal of Institutional Studies)], 2019, no. 11 (3), pp. 7—20.
11. Sergeev V.I., Sergeev I.V. Cifrovoy frejmwork: k metodologii cifrovoj transformatsii cepej postavok [Digital Framework: towards the Methodology of Digital Transformation of Supply Chains], *Logistika i upravlenie cepjami postavok* [Logistics and Supply Chain Management], 2020, no. 1 (96), pp. 3—12.

Информация об авторах

Макарова Надежда Николаевна — доктор экономических наук, профессор, Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Волгоград, Российская Федерация. E-mail: yamg@mail.ru

Тимофеева Галина Владимировна — доктор экономических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: gv.timofeeva@igsu.ru

Суркова Виктория Валерьевна — старший преподаватель, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация. E-mail: vikusik_34@mail.ru

Information about the authors

Nadezhda N. Makarova — Doctor of Economics, Professor, Volgograd Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, Volgograd, Russian Federation. E-mail: yamg@mail.ru

Galina V. Timofeeva — Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: timoff62@mail.ru

Viktoria V. Surkova — Senior Lecturer, Volgograd Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation. E-mail: vikusik_34@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.05.2022; одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 12.07.2022.

The article was submitted 07.05.2022; approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 12.07.2022.

ОБОСНОВАНИЕ ПОРОДНО-СОРТОВОГО СОСТАВА ПЛОДОВЫХ НАСАЖДЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-ИГРОВОЙ ПОДХОД

Мария Николаевна Белоусова¹, Виталий Андреевич Белоусов²

^{1, 2} Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

¹ mn_belousova@guu.ru

² va_belousov@guu.ru

Аннотация. На садоводческую отрасль существенное влияние оказывают климатические факторы, которые невозможно точно предсказать. Целью данного исследования является обоснование породно-сортового состава насаждений, обеспечивающих максимальную прибыль, с учетом привлекательности сорта и влияния погодных условий на результаты хозяйствования. С использованием методов теории игр, анализа и сравнения разработана теоретико-игровая модель породного и сортового состава плодовых насаждений. На основе обработанного материала и расчетных показателей предложен состав групп сортов семечковых и косточковых культур для предприятия. Полученные результаты показывают, что использование теоретико-игровой модели эффективно для разработки и выбора наилучших производственных решений в условиях неопределенности.

Ключевые слова: модель, теоретико-игровой подход, стратегия, плодовые насаждения, породно-сортовой состав

Для цитирования: Белоусова М. Н., Белоусов В. А. Обоснование породно-сортового состава плодовых насаждений: теоретико-игровой подход // Развитие территорий. 2022. № 3. С. 14—20. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-14-20.

Information systems and processes

Original article

SUBSTANTIATION OF THE BREED AND VARIETAL COMPOSITION OF FRUIT PLANTATIONS: A GAME THEORY APPROACH

Mariya N. Belousova¹, Vitaliy A. Belousov²

^{1, 2}The State University of Management, Moscow, Russian Federation

¹ mn_belousova@guu.ru

² va_belousov@guu.ru

Abstract. The horticultural industry is significantly influenced by climatic factors which cannot be accurately predicted. The purpose of this study is to substantiate the breed and variety composition of plantings that provide maximum profit, taking into account the attractiveness of the variety and the influence of weather conditions on the results of management. Using the methods of game theory, analysis and comparison, a game-theoretic model of the breed and varietal composition of fruit plantations has been developed. Based on the processed material and calculated indicators, the composition of groups of varieties of seed and stone crops for the enterprise is proposed. The results show that the use of a game-theoretic model is effective for the development and selection of the best production solutions under conditions of uncertainty.

Keywords: model, game-theoretic approach, strategy, fruit plantations, breed and varietal composition

For citation: Belousova M.N., Belousov V.A. Substantiation of the Breed and Varietal Composition of Fruit Plantations: a Game Theory Approach. Territory Development. 2022; (3):14—20. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-14-20.

При разработке стратегии в условиях неопределенности, когда значительное влияние на производственный процесс оказывают случайные факторы, рекомендуется использовать теоретико-игровые модели.

На садоводческую отрасль существенное влияние оказывают климатические факторы (случайные), которые невозможно точно предсказать. При этом наиболее прибыльные культуры больше всего страдают от воздействия негативных погодных факторов. Такая ситуация существенно усложняет выбор и обоснование проектных ре-

шений. В этих задачах целесообразно использовать теоретико-игровую модель.

Цель исследования — обосновать породно-сортовой состав насаждений, обеспечивающий максимальную прибыль, с учетом привлекательности сорта и влияния погодных условий на результаты хозяйствования.

В теории игр рассматриваются вопросы поиска оптимального поведения участников конфликтной ситуации. Участники, используя определенные стратегии, стремятся добиться для себя максимального эффекта. Анализ ситуации сводится к выбору оптимальных стратегий для каждого участника и определению суммы выигрыша. Выигрышем может быть относительно более вы-

сокая эффективность использования ресурсов, производственных фондов, экономических рычагов в производстве, хозяйственной деятельности.

Использование теории игр в экономике позволяет получить информацию для обоснования принятия решений по повышению эффективности [1—4].

Теория игр и ее оптимальное применение для решения экономических задач в сельском хозяйстве обсуждаются в работе ученых [5]. Однако это исследование не отражает особенностей садоводческого хозяйства.

В работе [6] был рассмотрен вопрос о том, с какой продукцией лучше начинать создание и развитие малого бизнеса в аграрной сфере (а именно выращивание овощей) и какое поведение помогает снизить убытки с помощью методов теории игр.

Проблеме применения теории игр для оптимального выращивания овощей и фруктов в теплице посвящена работа [7]. Однако в данном исследовании не была представлена оптимальная структура производства, которая обеспечивала бы максимальную прибыль.

В исследовании ученых [8] выбор стратегических альтернатив — это выбор овощных культур для выращивания: картофеля, капусты или зеленого лука. Но в данной работе не были отражены особенности породного и сортового состава плодовых насаждений.

Каждая формализованная игра характеризуется:

- количеством субъектов, являющихся участниками конфликта;
- возможным набором действий (стратегиями) каждого участника;
- функциями выигрыша, отражающего степень удовлетворения интересов;
- результатом игры, к которому приводят выбранные стратегии.

Формализуем данную игру. Активным игроком в данном случае является лицо, принимающее решение, пассивным — природа.

Построение функционала оценивания осуществим на основе следующей информации:

- возможность наступления различных состояний погоды;
- уровни урожайности многолетних насаждений, которые формируются под влиянием этих погодных условий;
- затраты на производство и реализацию плодов;
- цены реализации плодов.

Поскольку климатические условия по-разному влияют на косточковые и семечковые плодовые культуры, то возникает необходимость в составлении двух матриц. Первая матрица должна содержать «чистые» стратегии, которые учитывают только закладку косточковых разного срока созревания, и «чистые» стратегии природы, которые характеризуют возможные состояния погоды, оказывающие влияние на косточковые культуры. Вторая матрица игры — «чистые» стратегии, которые учитывают закладку только семечковых

разного срока созревания, и «чистые» стратегии, которые характеризуют возможные состояния погоды, оказывающие влияние на насаждения семечковых культур.

Для первой матрицы рассмотрим «чистые» стратегии предприятия $1\ x_k$, $k = \overline{1, 14}$:

- закладка сортов черешни среднего срока созревания (x_1);
- закладка сортов черешни позднего срока созревания (x_2);
- закладка ранних сортов абрикоса (x_3);
- закладка сортов абрикоса среднего срока созревания (x_4);
- закладка сортов абрикоса позднего срока созревания (x_5);
- закладка насаждений вишни раннеспелых сортов (x_6);
- закладка насаждений вишни среднеспелых сортов (x_7);
- закладка насаждений вишни позднеспелых сортов (x_8);
- закладка насаждений персика раннеспелых сортов (x_9);
- закладка насаждений персика среднеспелых сортов (x_{10});
- закладка насаждений персика позднеспелых сортов (x_{11});
- закладка насаждений сливы раннеспелых сортов (x_{12});
- закладка насаждений сливы среднеспелых сортов (x_{13});
- закладка насаждений сливы позднеспелых сортов (x_{14}).

Возможные состояния погоды q_j , $j = \overline{1, 6}$, оказывающие влияние на косточковые многолетние насаждения:

- температура $-4\ ^\circ\text{C}$ и ниже в фазе розового бутона (q_1);
- температура $-0,6\text{—}2\ ^\circ\text{C}$ и ниже в период цветения (q_2);
- чрезмерные осадки в период с третьей декады мая по первую декаду июля (q_3);
- засуха в период вегетации (q_4);
- зимние заморозки свыше $-30\ ^\circ\text{C}$ (q_5);
- состояния погоды, которые являются благоприятными для данных культур (q_6).

Вероятность (p) наступления различных погодных условий q_j , $j = \overline{1, 6}$ и их влияние на уровень урожайности косточковых определим по данным метеорологических станций и по колебаниям уровней урожайности многолетних насаждений.

Для второй матрицы рассмотрим «чистые» стратегии предприятия x_k , $k = \overline{1, 6}$:

- закладка насаждений яблони летних сортов (x_1);
- закладка насаждений яблони осенних сортов (x_2);
- закладка насаждений яблони зимних сортов (x_3);

- закладка насаждений груши летних сортов (x_4);
- закладка насаждений груши осенних сортов (x_5);
- закладка насаждений груши зимних сортов (x_6).

Возможные состояния погоды q_j , $j = \overline{1, 6}$ для составления второй матрицы:

- температура -4°C и ниже в фазе розового бутона (q_1);
- температура $-0,6^\circ\text{C}$ и ниже в период цветения (q_2);
- резкие понижения температуры осенью (q_3);
- оттепели зимой с температурами $0 \dots +4^\circ\text{C}$ (q_4);
- зимние заморозки свыше -30°C (q_5);
- состояния погоды, которые являются благоприятными для данных культур (q_6).

Вероятность (p) наступления различных погодных условий q_j , $j = \overline{1, 6}$ и их влияние на уровень урожайности семечковых определим так же, как и для первой матрицы.

По данным специализированных предприятий и информации метеорологических станций региона, в результате влияния погодных факторов возможны: недополучение значительной части урожая вследствие зимних заморозков; потеря подавляющей части урожая при заморозках в фазе розового бутона и в период цветения; потеря незначительной части урожая черешни и вишни вследствие чрезмерных осадков в период созревания; получение максимально возможного урожая (табл. 1). При наличии оросительных систем засуха в период вегетации не будет влиять на уровень урожайности плодовых, но приведет к росту производственных затрат и снижению цен на продукцию вследствие ухудшения вкусовых качеств.

Таблица 1

Урожайность косточковых при различных погодных условиях для Краснодарского края, ц/га
Stone fruit yield under various weather conditions for the Krasnodar Territory, c/ha

Породно-сортовой состав	Возможные состояния погоды					
	$q_1 (p_1 = 0,13)$	$q_2 (p_2 = 0,26)$	$q_3 (p_3 = 0,25)$	$q_4 (p_4 = 0,05)$	$q_5 (p_5 = 0,01)$	$q_6 (p_6 = 0,30)$
x_1	2,9	2,9	48,8	57,4	2,9	57,4
x_2	6,3	9,0	76,2	89,6	4,5	89,6
x_3	8,8	8,8	74,4	87,5	4,4	87,5
x_4	3,4	3,4	67,9	67,9	3,4	67,9
x_5	8,4	4,2	84	84,0	6,7	84,0
x_6	9,1	9,1	101,5	101,5	10,2	101,5
x_7	3,3	3,3	55,3	65,0	6,5	65,0
x_8	3,6	7,2	60,8	71,5	7,2	71,5
x_9	3,2	6,3	53,6	63,1	6,3	63,1
x_{10}	7,0	7,0	140,7	140,7	1,4	140,7
x_{11}	5,3	10,6	105,7	105,7	1,1	105,7
x_{12}	7,2	14,5	144,9	144,9	1,4	144,9
x_{13}	5,6	4,0	80,5	80,5	8,1	80,5
x_{14}	7,6	7,6	75,5	75,5	7,6	75,5
x_{15}	8,9	8,9	89	89,0	8,9	89,0

Под влиянием погодных факторов возможны недополучение незначительной части урожая семечковых (в случаях резких перепадов температур осенью, оттепелей продолжительностью более пяти дней зимой), потеря подавляющего его большинства (при заморозках в фазе розового бутона и в период цветения). В отличие от предыдущей

матрицы не рассматривается влияние на уровень урожайности осадков, поскольку выращивание семечковых в Краснодарском крае, по данным специализированных предприятий и информации метеорологических станций региона, является целесообразным лишь при наличии оросительных систем (табл. 2).

Таблица 2

Урожайность семечковых при различных погодных условиях для Краснодарского края, ц/га
The yield of sunflower seeds under various weather conditions for the Krasnodar territory, c/ha

Породно-сортовой состав	Возможные состояния погоды					
	$q_1 (p_1 = 0,07)$	$q_2 (p_1 = 0,14)$	$q_3 (p_3 = 0,15)$	$q_4 (p_1 = 0,20)$	$q_5 (p_5 = 0,01)$	$q_6 (p_1 = 0,43)$
x_1	7,4	8,9	103,4	88,6	14,8	147,7
x_2	8,7	10,5	122,0	104,5	17,4	174,2
x_3	9,2	11,0	110,2	119,3	18,4	183,6
x_4	7,9	9,5	110,7	94,9	15,8	158,2
x_5	9,6	11,5	134,3	115,1	19,2	191,8
x_6	8,4	10,3	101,2	109,7	16,9	168,7

Прибыль (убыток) от реализации косточковых в расчете на 1 га определим в сопоставимых ценах 2021 г. При расчете прибыли учтем повышение уровня цен в связи с сокращением предложения плодов, снижения цен на черешню и вишню при чрезмерных осадках в период с третьей декады мая по третью декаду июня, следствием чего является очень низкие товарные качества плодов.

По результатам расчетов, наибольший уровень доходности в случае значительных осадков в период с третьей декады мая по третью декаду июня, засухи в период вегетации и благоприятных климатических условий будет обеспечивать выращивание персика, особенно сортов позднего срока созревания. В то же время при неблагоприятных погодных условиях (заморозки в фазе розового бутона и в период цветения, зимние заморозки свыше -30°C) выращивание персика приведет к наибольшим убыткам.

На основе проведенных расчетов можем сделать выводы, что выращивание персика обеспечит наиболее полное использование погодных условий и тем самым — получение наибольших прибылей в случаях избыточного увлажнения, засухи в период вегетации и благоприятных для выращивания косточковых состояниях погоды. Закладки насаждений абрикоса — минимальные, по сравнению с другими культурами, убытки при зимних заморозках свыше -30°C и поздневесенних заморозках.

Применим теоретико-игровую модель для определения породно-сортового состава насаждений, который обеспечит максимизацию прибыли на ООО ОПХ им. К. А. Тимирязева.

По результатам расчета оценок Байеса, для соответствующих решений по группе косточковых культур оптимальной для садоводческого предприятия является чистая стратегия x_{12} — закладка насаждений персика позднего срока созревания, на втором и третьем местах соответственно — закладка насаждений персика раннего и среднего сроков созревания.

Решения $x_1, x_7, x_8, x_9, x_{13}, x_{14}, x_{15}$ — выращивание, соответственно, черешни раннего срока созревания, вишни и сливы — нецелесообразны, поскольку $M(F_1), M(F_7), M(F_8), M(F_9), M(F_{13}), M(F_{14}), M(F_{15})$ имеют отрицательные значения.

По группе семечковых культур по данному критерию оптимальной является стратегия x_3 — закладка зимних сортов яблони, затем в порядке убывания рейтинга: осенние сорта яблони, осенние и зимние сорта груши, летние сорта семечковых.

По критерию минимальной дисперсии для косточковых лучшим является решение x_{13} — выращивание сливы раннего срока созревания, затем в порядке убывания рейтинга: вишни позднего срока созревания, сливы позднего и среднего сроков созревания, вишни раннего и среднего сроков созревания, абрикоса раннего срока созревания, черешни раннего и позднего сроков созревания, абрикоса позднего и среднего сроков созревания, черешни среднего срока созревания, персика среднего, раннего и позднего сроков со-

зревания. Для семечковых — выращивание летних сортов груши, затем в порядке убывания рейтинга: летних и осенних сортов яблони, зимних и осенних — груши, зимних сортов яблони.

В исследуемом случае из всех возможных состояний погодных условий наиболее вероятным является «благоприятные погодные условия» — $q_6 = 0,3$. Оптимальным для предприятия, согласно модальному критерию, является закладка насаждений персика позднего срока созревания.

Поскольку $Mo(Q) = q_6$, то неблагоприятные отклонения удовлетворяют условию: $f(x_k : q_j) < f(x_k ; Mo(Q)) = (x_k ; q_6)$.

Согласно критерию минимального ожидаемого значения неблагоприятных отклонений от моды, лучшим решением является выращивание сливы раннего срока созревания, затем в порядке убывания рейтинга: вишни позднего срока созревания, сливы позднего и среднего сроков созревания, черешни раннего срока созревания, абрикоса, вишни раннего и среднего сроков созревания, черешни среднего и позднего сроков созревания. Наихудшим вариантом, который будет обеспечивать самые неблагоприятные отклонения, т. е. высокий уровень риска, является выращивание персика.

Для семечковых культур из всех возможных состояний погодных условий наиболее вероятным является «благоприятные погодные условия» — $q_6 = 0,43$.

Тогда оптимальным для предприятия, согласно модальному критерию, является закладка зимних сортов яблони.

Согласно критерию минимального ожидаемого значения неблагоприятных отклонений от моды, лучшим вариантом следует считать выращивание летних сортов яблони, худшим — осенних сортов груши.

На следующем этапе по каждому варианту решений для косточковых культур была построена матрица неиспользованных возможностей, показывающая сумму недополученной прибыли по сравнению с максимально возможной при данных погодных условиях.

По результатам исследований делаем вывод, что закладка насаждений абрикоса среднего и позднего сроков созревания обеспечит минимально возможные убытки при трех возможных состояниях погоды (зимние и поздние весенние заморозки), суммарная вероятность которых составляет 40 %; худшие результаты при этих условиях — насаждения персика. Наиболее полное использование других возможных состояний погоды (в 60 % случаев) обеспечит закладка насаждений персика позднего срока созревания. При этих состояниях погоды наибольшие суммы недополученных доходов наблюдаются при наличии насаждений вишни, сливы и ранних сортов черешни.

С учетом вероятности наступления различных состояний погоды, согласно данному критерию, лучшим решением является закладка насаждений персика, после него — абрикоса позднего

и среднего сроков созревания, менее привлекательным — абрикоса раннего, черешни среднего и позднего сроков созревания, наименее привлекательным — закладка насаждений вишни и сливы.

На следующем этапе по каждому варианту решений для семечковых культур была построена матрица неиспользованных возможностей, показывающая сумму недополученной прибыли по сравнению с максимально возможной при данных погодных условиях.

Согласно проведенным расчетам, в условиях убыточного производства в наибольшей мере не используются альтернативные возможности при наличии насаждений яблони летних и зимних сортов. В условиях прибыльного производства (благоприятные и умеренно благоприятные погодные условия) альтернативные возможности используются неудовлетворительно при наличии насаждений груши и яблони летних сортов.

При учете вероятности наступления различных погодных условий, лучшей «чистой» страте-

гией будет закладка насаждений яблони зимних сортов, затем — яблони и груши осенних сортов, груши зимних сортов, худшими вариантами — груши и яблони летних сортов.

Таким образом, результаты оценки по различным критериям не совпадают, а закладка насаждений различных типов позволит минимизировать риск и гарантировать получение положительных результатов при различных погодных условиях. Поэтому следующим этапом будет определение пропорций, в которых необходимо закладывать насаждения, с целью минимизации убытков, независимо от погодных условий.

На основе обработанного материала ООО ОПХ им. К. А. Тимирязева и рассчитанных показателей предлагаем структуру площадей многолетних насаждений. Учитывая существующие каналы сбыта, наличие и мощность плодохранилищ, удельный вес семечковых культур должен составлять 55 %, косточковых — 45 % (табл. 3).

Таблица 3

Рекомендуемая структура групп сортов семечковых и косточковых культур по срокам созревания в ООО ОПХ им. К. А. Тимирязева, %

Recommended structure of groups of varieties of seed and stone crops by maturation dates in the Experimental production farm named after K.A. Timiryazev, %

Культура	Фактическая структура площадей молодых насаждений	Расчетный вариант	Отклонение
Семечковые, из них:	21,3	45,1	23,8
яблоня, всего	17,3	31,5	14,2
летние сорта	3,1	4,1	1,0
осенние сорта	5,2	14,5	9,3
зимние сорта	9,0	13,0	4,0
груша, всего	4,0	13,6	9,7
летние сорта	0,8	1,3	0,5
осенние сорта	1,2	8,6	7,4
зимние сорта	2,0	3,7	1,7
Косточковые, из них:	78,7	54,9	-23,8
черешня, всего	66,9	8,7	-58,2
раннеспелые сорта	13,4	0,1	-13,3
среднеспелые сорта	33,5	6,2	-27,3
позднеспелые сорта	20,0	2,4	-17,7
абрикос, всего	2,4	13,3	10,9
раннеспелые сорта	0,5	0,2	-0,3
среднеспелые сорта	1,2	8,6	7,4
позднеспелые сорта	0,7	4,6	3,9
персик, всего	9,4	32,8	23,4
раннеспелые сорта	3,3	7,9	4,6
среднеспелые сорта	2,4	14,8	12,4
позднеспелые сорта	3,7	10,1	6,3
Всего	100,0	100,0	0,0

В результате расчетов рекомендуется увеличить долю семечковых культур на 23,8 %, из них яблок на 14,2 % и груш на 9,7 %. Среди косточковых культур уменьшить долю черешни на 58,2 %, увеличить долю абрикосов на 10,3 %, увеличить долю персиков на 23,4 %.

В результате реализации проекта индекс рентабельности составит 1,51, а степень устойчивости проекта — 28,1 %. Предлагаемый проект минимизирует риск потери прибыли в результате потери урожая от неблагоприятных погодных условий, но не максимизирует прибыль при бла-

гоприятных погодных условиях. Учитывая достаточно высокую вероятность наступления неблагоприятных погодных условий (22 % для семечковых, 40 % для косточковых), по соотношению ожидаемый эффект от реализации проекта — уровень риска данный проект характеризуется средним уровнем эффективности и умеренным уровнем риска (по сравнению с другими проектами в садоводстве). Реализация таких проектов целесообразна за счет привлеченных или заемных средств.

Оптимизация породного и сортового состава является основной мерой, используемой для ми-

нимизации рисков потери урожая от неблагоприятных погодных условий. Кроме того, для снижения рисков садоводческим хозяйствам необходимо внедрять агротехнические мероприятия по защите плодовых насаждений от заморозков, обеспечению насаждений и т. д.

Возможность использования теории игр в садоводческой отрасли подтверждается исследованием ученых [5]. С помощью теории игр решена задача оптимального выращивания овощей и фруктов в теплице. Авторы доказали, что применение теории игр способствует успешному развитию теплиц.

Текущие результаты подтверждаются исследованиями, в которых использовалась теория игр для определения того, какие товары будут выращивать фермеры [8]. Авторы использовали теорию игр для анализа решений, принимаемых фермерами-садоводами при определении того, какие садовые продукты лучше всего сажать в соответствии с их поведением и отношением к рискам, связанным с ведением сельского хозяйства.

Для отрасли садоводства характерно значительное влияние климатических факторов, которые невозможно точно предсказать. При этом

наиболее прибыльными культурами являются косточковые раннего и среднего сроков созревания, которые в наибольшей степени страдают от воздействия негативных погодных факторов. Такая ситуация значительно усложняет выбор и обоснование проектных решений.

Актуальной задачей повышения эффективности производства является внедрение экономико-математических моделей. При разработке стратегии в условиях неопределенности, когда на производственный процесс оказывают весомое влияние случайные причины, целесообразным является использование теоретико-игровой модели. Данная модель эффективна при разработке и выборе лучших производственных решений в условиях неопределенности, когда на производственный процесс оказывают весомое влияние случайные факторы, которые невозможно точно предсказать. Применение теоретико-игровой модели позволило определить породно-сортовой состав насаждений, который обеспечивает максимизацию прибыли с учетом привлекательности сорта и влияния на результаты хозяйствования погодных условий.

Список источников

1. Гвоздкова И. А. Эколого-ориентированные математические модели управления рисками и обеспечением безопасности // Вестник университета. 2016. № 9. С. 200—207.
2. Михель Е. А., Зайцев А. А., Родионов Д. Г. Построение теоретико-игровой модели взаимодействия промышленных предприятий // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4 (53). С. 94—101.
3. Сигал А. В. Теоретико-игровое моделирование принятия решений в экономике при неполной информации // Таврический вестник информатики и математики. 2017. № 1 (34). С. 68—81.
4. Game Theory and Its Optimum Application for Solving Economic Problems / S. Allayarova, F. Kilichevab, K. Rakhimovac, A. Mamasadikovd, S. Khamrayevae, A. Durmanov // Turkish Journal of Computer and Mathematics Education. 2021. Vol. 12 (11). P. 3432—3441.
5. Game Theory and Its Application in Agriculture (Greenhouse Complexes) / A. Durmanov, A. Tulaboev, M. Li, A. Maksumkhanova, M. Saidmurodzoda, O. Khafizov // 2019 International Conference on Information Science and Communications Technologies (ICISCT). 2019. P. 1—7.
6. Application of Mathematical Theory Games When Decision on the Creation Small Business in the Agricultural Industry Republic of Uzbekistan / I. Tursunov, B. Yangiboyev, A. Babadjanov, A. Tabaev, A. Durmanov // Solid State Technology. 2020. Vol. 63 (4). P. 325—333.
7. Features of the Application of Game Theory in the Tasks Organizational and Economic Mechanisms Greenhouse Economy / S. Umarov, A. Durmanov, M. Li, K. Khushvaktova, K. Yakubova, N. Shanasirova // Turkish Journal of Computer and Mathematics Education. 2021. Vol. 12 (11). P. 3544—3550.
8. Game Theory Application in Decision Making of Horticulture Farming / P. Setyowati, H. Toiba, S. Sujarwo, S. Syafri- al, C. Nugroho // Agricultural Socio-Economics Journal. 2021. Vol. 21 (1). P. 59—64.

References

1. Gvozdkova I.A. Jekologo-orientirovannye matematicheskie modeli upravlenija riskami i obespecheniem bezopasnosti [Eco-oriented mathematical models of risk management and security], *Vestnik universiteta [Bulletin of the University]*, 2016, no. 9, pp. 200—207.
2. Mihel' E.A., Zajcev A.A., Rodionov D.G. Postroenie teoretiko-igrovoj modeli vzaimodejstvija promyshlennyh predpri- jatij [Building a game-theoretic model of interaction between industrial enterprises], *Biznes. Obrazovanie. Pravo [Business. Education. Law]*, 2020, no. 4 (53), pp. 94—101.
3. Sigal A.V. Teoretiko-igrovoe modelirovanie prinjatija reshenij v jekonomike pri nepolnoj informacii [Theoretical and game modeling of decision making in economics with incomplete information], *Tavricheskij vestnik informatiki i matematiki [Tauride Bulletin of Computer Science and Mathematics]*, 2017, no. 1 (34), pp. 68—81.
4. Allayarova S., Kilichevab F., Rakhimovac K., Mamasadikovd A., Khamrayevae S., Durmanov A. Game Theory and Its Optimum Application for Solving Economic Problems, *Turkish Journal of Computer and Mathematics Education*, 2021, vol. 12 (11), pp. 3432—3441.
5. Durmanov A., Tulaboev A., Li M., Maksumkhanova A., Saidmurodzoda M., Khafizov O. Game Theory and Its Appli- cation in Agriculture (Greenhouse Complexes), *2019 International Conference on Information Science and Communications Technologies (ICISCT)*, 2019, p. 1—7.

6. Tursunov I., Yangiboyev B., Babadjanov A., Tabaev A., Durmanov A. Application of Mathematical Theory Games When Decision on the Creation Small Business in the Agricultural Industry Republic of Uzbekistan, *Solid State Technology*, 2020, vol. 63 (4), pp. 325—333.

7. Umarov S., Durmanov A., Li M., Khushvaktova K., Yakubova K., Shanasirova N. Features of the Application of Game Theory in the Tasks Organizational and Economic Mechanisms Greenhouse Economy, *Turkish Journal of Computer and Mathematics Education*, 2021, vol. 12 (11), pp. 3544—3550.

8. Setyowati P., Toiba H., Sujarwo S., Syafrial S., Nugroho C. Game Theory Application in Decision Making of Horticulture Farming, *Agricultural Socio-Economics Journal*, 2021, vol. 21 (1), pp. 59—64.

Информация об авторах

Белюсова Мария Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация. E-mail: mn_belousova@guu.ru

Белюсов Виталий Андреевич — старший преподаватель, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация. E-mail: va_belousov@guu.ru

Information about the authors

Mariya N. Belousova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, The State University of Management, Moscow, Russian Federation. E-mail: mn_belousova@guu.ru

Vitaliy A. Belousov — Senior Lecturer, The State University of Management, Moscow, Russian Federation. E-mail: va_belousov@guu.ru

Статья поступила в редакцию 04.05.2022; одобрена после рецензирования 02.07.2022; принята к публикации 12.07.2022.

The article was submitted 04.05.2022; approved after reviewing 02.07.2022; accepted for publication 12.07.2022.

Развитие территорий. 2022. № 3. С. 21—29.
Territory Development. 2022;(3):21—29.

Экономические исследования

Научная статья
УДК 330.45 + 51—77
DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-21-29

РАВНОВЕСИЕ И ОПТИМАЛЬНОСТЬ В МОДЕЛЯХ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ ПРИ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ: ЕДИНЫЙ ПОДХОД

Игорь Александрович Быкадоров¹, Юлия Николаевна Исмаилова², Марина Владимировна Пудова^{3✉}

^{1, 2, 3} Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация
Автор, ответственный за переписку: Пудова Марина Владимировна, pudova-mv@ranepa.ru

Аннотация. Исследуются модели межрегиональной торговли при монополистической конкуренции производителей. Рассматриваются ситуации рыночного равновесия и общественной оптимальности. Показано: (1) в ситуации симметричного рыночного равновесия эластичности производственных издержек являются выпуклой комбинацией эластичностей выручки от индивидуальных потреблений; (2) в ситуации симметричной общественной оптимальности эластичности производственных издержек являются выпуклой комбинацией эластичностей элементарных полезностей от индивидуальных потреблений.

Ключевые слова: межрегиональная торговля, транспортные издержки «iceberg types», рыночное равновесие, общественная оптимальность, эластичность

Благодарности: исследование выполнено в рамках внутреннего гранта Сибирского института управления РАНХиГС, апрель — июнь 2022 г. Авторы считают своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность своим коллегам по НОЦ «Цифровая трансформация экономики» и особенно по кафедре бизнес-статистики и аналитики Сибирского института управления РАНХиГС за полезные обсуждения.

Для цитирования: Быкадоров И. А., Исмаилова Ю. Н., Пудова М. В. Равновесие и оптимальность в моделях межрегиональной торговли при монополистической конкуренции: единый подход // Развитие территорий. 2022. № 3. С. 21—29. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-21-29.

Economic research

Original article

EQUILIBRIUM AND OPTIMALITY IN MODELS OF INTERREGIONAL TRADE IN MONOPOLISTIC COMPETITION: A UNIFIED APPROACH

Igor A. Bykadorov¹, Yuliya N. Ismayilova², Marina V. Pudova^{3✉}

^{1, 2, 3} Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation
Corresponding author: Marina V. Pudova, pudova-mv@ranepa.ru

Abstract. The models of interregional trade under monopolistic competition of producers are studied. The situations of market equilibrium and social optimality are considered. It is shown: (1) in a situation of symmetrical market equilibrium, the elasticities of production costs are a convex combination of elasticities of revenue from individual consumption; (2) in a situation of symmetrical social optimality, the elasticities of production costs are a convex combination of elasticities of elementary utilities from individual consumption.

Keywords: interregional trade, iceberg types transport costs, market equilibrium, social optimality, elasticity

Acknowledgements: the study was carried out within the framework of an internal grant from the Siberian Institute of Management RANEPa April — June 2022. The authors consider it their pleasant duty to express sincere gratitude to their

colleagues at the Scientific and Educational Center “Digital Transformation of the Economy” and especially at the Department of Business Statistics and Analytics Siberian Institute of Management RANEPa for useful discussions.

For citation: Bykadorov I.A., Ismayilova Yu.N., Pudova M.V. Equilibrium and Optimality in Models of Interregional Trade in Monopolistic Competition: a Unified Approach. Territory Development. 2022;(3):21—29. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-21-29.

Введение

Понятие монополистической конкуренции, введенное в [1], сейчас бурно развивается благодаря знаменитой статье [2] о модели закрытой экономики (одна страна/регион), работам [3 ; 4] о международной/межрегиональной торговле, а также работе [5], описывающей гетерогенный случай. Обычно в моделях монополистической конкуренции исследуются две концепции:

- рыночное равновесие [см., например: 6—14];
- общественная оптимальность [см., например: 12 ; 15 ; 16].

Одной из наиболее интересных тем в этих исследованиях является так называемая сравнительная статика, т. е. влияние параметров модели на равновесные и оптимальные переменные: потребление, размеры фирм, размеры рынков, общественное благосостояние и т. д. [см., например: 17—19]. В [20] был предложен единый подход к изучению рыночного равновесия и общественной оптимальности. Для случая международной/межрегиональной торговли между двумя странами/регионами в [20] получены следующие результаты:

- в ситуации симметричного рыночного равновесия эластичность производственных издержек является выпуклой комбинацией эластичностей выручки от индивидуальных потреблений;
- в ситуации симметричной общественной оптимальности эластичность производственных издержек является выпуклой комбинацией эластичностей элементарных полезностей от индивидуального потребления;
- в ситуации рыночного равновесия обратная эластичность производственных издержек является выпуклой комбинацией обратных эластичностей выручки от индивидуальных потреблений; более того, коэффициенты этой выпуклой комбинации имеют прозрачный экономический смысл: они являются отношением полного внутреннего потребления к размеру фирм.

В предлагаемой статье результаты работы [20] обобщаются на случай произвольного (но конечного и фиксированного) числа регионов. Тем самым обобщаются хорошо известные факты о закрытой (один регион) экономике с монополистической конкуренцией производителей: 1) в ситуации рыночного равновесия эластичность выручки равна эластичности полных издержек и 2) в ситуации общественной оптимальности эластичность полезности равна эластичности полных издержек. Это позволяет прояснить природу понятий рыночного равновесия и общественной оптимальности.

Однородная модель межрегиональной торговли

Опишем сравнительно общую модель межрегиональной торговли при монополистической

конкуренции производителей. Прежде всего, конечно, следует пояснить, что такое монополистическая конкуренция.

Основные предположения монополистической конкуренции. Как обычно, в моделях монополистической конкуренции [1—3] предполагается, что

- все потребители идентичны, каждый обладает одной единицей труда;
- труд является единственным производственным фактором: потребление, выпуск и т. д. измеряются в труде;
- все производители (фирмы) идентичны, но производят «товарные разнообразия» («varieties», почти одинаковые товары);
- каждая фирма производит только одно «товарное разнообразие» («variety»), устанавливает цены на него, но на его спрос влияет спрос на другие «varieties»; каждое «variety» производится только одной фирмой;
- функция спроса определяется аддитивно-сепарабельной функцией полезности;
- число (масса) фирм достаточно велико, поэтому влияние каждой фирмы на всю экономику региона (регионов) игнорируется;
- свобода входа: фирмы входят на рынок до тех пор, пока их прибыль положительна, и выходят с рынка, когда их прибыль становится отрицательной (ноль-прибыльность);
- спрос и предложение на труд в каждом регионе сбалансированы;
- транспортные межрегиональные издержки $\tau \geq 1$ относятся к типу «iceberg»: для того чтобы продать одну единицу товара в другом регионе, требуется произвести $\tau \cdot 1$ единиц товара.

Экономические агенты и системы показателей, отражающих функционирование региональных и межрегиональных рынков. В базовых моделях основными экономическими агентами являются потребители и производители. В более развитых моделях появляются посредники (ритейлеры).

Пусть в экономике имеется K регионов. Обозначим $I = \{1, 2, \dots, K\}$ — множество индексов. Пусть

N_k — число (масса) фирм в регионе $k \in I$;

L_k — число потребителей (жителей) в регионе $k \in I$.

Отметим, что L_k — это параметры (известные и фиксированные), в то время как N_k — переменные, определяемые эндогенно.

Замечание. В моделях монополистической конкуренции число фирм предполагается достаточно большим. Поэтому вместо стандартного понятия «число фирм» используется понятие «масса фирм». Более точно — рассматриваются интервалы $[0, N_k]$, $k \in I$ равномерно распределенных в регионе $k \in I$ фирм. Стандартной интерпретацией понятия «масса фирм» явля-

ется следующая: если на длинной дороге равномерно расположены автозаправочные станции, то нас интересует не количество этих станций, а длина дороги.

Потребители. Введем индивидуальные потребления и соответствующие цены. Пусть

$x_{kj}^{(i)}$ — количество товара (товарного разнообразия, «variety»), производимого фирмой $i \in [0, N_k]$ в регионе $k \in I$ и потребленного в регионе $j \in I$ одним (репрезентативным) потребителем;

$p_{kj}^{(i)}$ — соответствующие цены.

Замечание. Следуя традициям монополистической конкуренции, используется обозначение « $x^{(i)}$ » вместо « $x(i)$ » и т. д.

Далее, пусть ω_k — (средняя) заработная плата в регионе $k \in I$.

Наконец, пусть $u(\cdot)$ — функция элементарной полезности («субполезности»). Предполагается отказ от конкретного функционального вида функции. Поэтому важно определить минимальные требования, предъявляемые к функции элементарной полезности. Итак, предполагается, что функция $u(\cdot)$ является нужное количество раз (например, трижды) дифференцируемой:

1) $u(0) = 0$ — если потребитель ничего не потребил, то и удовольствия никакого не получил;

2) $u'(\cdot) > 0$ — поведение потребителя рационально: нет избыточности потребления, т. е. чем больше товара потребляется, тем больше удовольствия получается;

3) $u''(\cdot) < 0$ — уменьшение прироста полезности от потребления новой единицы товара.

Далее, задача репрезентативного потребителя в регионе $k \in I$ имеет следующий вид:

Максимизировать

$$\sum_{j \in I} \int_0^{N_j} u(x_{jk}^{(i)}) di$$

при бюджетном ограничении

$$\sum_{j \in I} \int_0^{N_j} p_{jk}^{(i)} x_{jk}^{(i)} di \leq \omega_k.$$

Используя условия первого порядка, получаем обратные функции спроса (т. е. цены, по которым репрезентативный потребитель согласен покупать соответствующее количество соответствующего товара):

$$p_{jk}^{(i)} = p_{jk}^{(i)}(x_{jk}^{(i)}, \lambda_k) = \frac{u'(x_{jk}^{(i)})}{\lambda_k}, i \in [0, N_j], j \in I, k \in I,$$

где $\lambda_k, k \in I$ — множители Лагранжа.

Производители. Введем теперь понятие «размер фирмы» — количество выпускаемой фирмой продукции. Введем параметры

$$\tau_{kj} \geq 1, \tau_{kk} = 1, k \in I, j \in I,$$

которые могут рассматриваться как транспортные (торговые) издержки «iceberg type»: для того чтобы продать одну единицу товара в другом регионе, требуется произвести $\tau-1$ единиц товара.

Замечание. История появления термина «iceberg»: считается, что при транспортировке товар «тает», как айсберг.

Каждая фирма-производитель в каждом регионе производит продукцию для потребителей каждого региона. Поэтому

$$q_{kj}^{(i)} = L_j \tau_{kj} x_{kj}^{(i)}, i \in [0, N_k], k \in I, j \in I$$

является полным выпуском фирмы $i \in [0, N_k]$ региона $k \in I$ для продажи в регионе $j \in I$. Более того,

$$Q_k^{(i)} = \sum_{j \in I} q_{kj}^{(i)}, i \in [0, N_k], k \in I$$

является размером фирмы $i \in [0, N_k]$ региона $k \in I$.

Пусть производственные издержки определяются для каждой фирмы каждого региона функцией $V(\cdot)$, удовлетворяющей следующему условию — функция $V(\cdot)$ является дважды дифференцируемой:

1) $V(0) > 0$ — диктуется стандартной ситуацией, возникающей при линейных производственных издержках ($V(Q) = c \cdot Q + f$, где c — предельные издержки, f — фиксированные издержки); интерпретация: прежде чем начать выпуск продукции, надо построить завод (понести фиксированные издержки f), поэтому $V(0) = f > 0$;

2) $V'(\cdot) > 0$ — с ростом выпуска продукции общие производственные издержки возрастают.

Итак, прибыли $\pi_k^{(i)}$ фирмы $i \in [0, N_k]$ региона $k \in I$ имеют вид

$$\pi_k^{(i)} = \sum_{j \in I} L_j \cdot \frac{u'(x_{kj}^{(i)}) \cdot x_{kj}^{(i)}}{\lambda_j} - \omega_k \cdot V(Q_k^{(i)}),$$

$$i \in [0, N_k], k \in I.$$

(Ясно, что фирма выбирает обратные функции спроса в качестве цен.) Введем так называемую выручку от одного потребителя:

$$R_\lambda(\xi) = \frac{u'(\xi) \xi}{\lambda}.$$

Тогда

$$\pi_k^{(i)} = \sum_{j \in I} L_j \cdot R_{\lambda_j}(x_{kj}^{(i)}) - \omega_k \cdot V(Q_k^{(i)}), i \in [0, N_k], k \in I.$$

Наконец, баланс по труду в регионе $k \in I$ имеет вид

$$\int_0^{N_k} V(Q_k^{(i)}) di = L_k, k \in I.$$

Симметричный случай. Напомним: предполагается, что все потребители одинаковые, все фирмы-производители одинаковые. Поэтому, как обычно, рассматривается симметричный случай. Более точно, опускаем индекс i в индивидуальных потреблении, обратных функциях спроса, размерах фирм, прибылях и балансах по труду. Тогда

$$\begin{aligned} p_{kj} &= p_{kj}(x_{kj}, \lambda_j) = \frac{u'(x_{kj})}{\lambda_j}, k \in I, j \in I, \\ q_{kj} &= L_j \tau_{kj} x_{kj}, k \in I, j \in I, \\ Q_k &= \sum_{j \in I} q_{kj}, k \in I, \\ \pi_k &= \sum_{j \in I} L_j \cdot R_{\lambda_j}(x_{kj}) - \omega_k \cdot V(Q_k), k \in I, \\ N_k \cdot V(Q_k) &= L_k, k \in I. \end{aligned}$$

Более того, торговые балансы (экспорт равен импорту) имеют вид

$$\begin{aligned} L_i \cdot \sum_{j \in I} N_j \cdot p_{ji}(x_{ji}, \lambda_i) \cdot x_{ji} &= \\ = N_i \cdot \sum_{j \in I} L_j \cdot p_{ij}(x_{ij}, \lambda_j) \cdot x_{ij}, i \in I, \end{aligned}$$

т. е., используя формулы для обратных функций спроса и балансы по труду,

$$\sum_{j \in I} \frac{L_j}{V(Q_j)} \cdot R_{\lambda_i}(x_{ji}) = \frac{1}{V(Q_i)} \cdot \sum_{j \in I} L_j \cdot R_{\lambda_j}(x_{ij}), i \in I.$$

Симметричное рыночное равновесие и симметричная общественная оптимальность. При рыночном равновесии фирмы-производители выбирают обратные функции спроса

$$p_{kj} = p_{kj}(x_{kj}, \lambda_j) = \frac{u'(x_{kj})}{\lambda_j}, k \in I, j \in I$$

и максимизируют прибыли

$$\pi_k = \sum_{j \in I} L_j \cdot R_{\lambda_j}(x_{kj}) - \omega_k \cdot V(Q_k), k \in I.$$

Поэтому выполняются условия первого порядка

$$\frac{\partial \pi_k}{\partial x_{ki}} = 0, k \in I, i \in I,$$

а также условия второго порядка

$$\pi_k'' < 0, k \in I,$$

т. е., если выполняются условия первого порядка, то матрицы $\pi_k'' < 0, k \in I$ являются отрицательно определенными.

При моделировании в условиях монополистической конкуренции стандартно предполагается, что фирмы-производители входят на рынок до тех пор, пока их прибыль положительна. Таким образом, условие свободы входа означает условие ноль-прибыльности:

$$\pi_k = 0, k \in I.$$

Итак, по определению, симметричным рыночным равновесием является набор

$$\left(\{x_{ij}^{equ}\}_{i \in I}^{j \in I}, \{p_{ij}^{equ}\}_{i \in I}^{j \in I}, \{\lambda_i^{equ}\}_{i \in I}, \{N_i^{equ}\}_{i \in I}, \{\omega_i^{equ}\}_{i \in I} \right),$$

удовлетворяющий следующим условиям:

— рациональность в потреблении

$$p_{kj} = p_{kj}(x_{kj}, \lambda_j) = \frac{u'(x_{kj})}{\lambda_j}, k \in I, j \in I;$$

— рациональность в производстве

$$\begin{aligned} \frac{\partial \pi_k}{\partial x_{ki}} &= 0, k \in I, i \in I, \\ \pi_k'' &< 0, k \in I; \end{aligned}$$

— свобода входа

$$\pi_k = 0, k \in I;$$

— балансы по труду

$$N_k \cdot V(Q_k) = L_k, k \in I;$$

— торговые балансы

$$\sum_{j \in I} \frac{L_j}{V(Q_j)} R_{\lambda_i}(x_{ji}) = \frac{1}{V(Q_i)} \cdot \sum_{j \in I} L_j \cdot R_{\lambda_j}(x_{ij}), i \in I.$$

Помимо рыночного равновесия, когда фирмы максимизируют свою прибыль, представляет интерес также оптимизация роли государства, которое стремится максимизировать «полезность» потребителей. Если более точно, максимизируется общественное благосостояние при выполнении только условий балансов по труду. Таким образом, симметричной общественной оптимальностью является набор

$$\left(\{x_{ij}^{opt}\}_{i \in I}^{j \in I}, \{N_i^{opt}\}_{i \in I} \right),$$

удовлетворяющий следующим условиям:

— максимизация общественного состояния

$$\frac{\partial W}{\partial x_{ij}} = 0, i \in I, j \in I, W'' < 0;$$

— балансы по труду

$$N_i \cdot V(Q_i) = L_i, i \in I.$$

Природа понятий «рыночное равновесие» и «общественная оптимальность» кажется совершенно разной. Действительно, при рыночном

равновесии сначала определяются обратные функции спроса (цены, по которым потребители согласны покупать определенное количество товаров), потом фирмы максимизируют свои прибыли при соблюдении свободы входа (ноль-прибыльности), балансов по труду и торговых балансов. В условиях общественной оптимальности функция общественного благосостояния максимизируется только при условиях балансов по труду. Наша ближайшая цель — показать возможность изучения этих двух концепций: рыночного равновесия и общественной оптимальности с единых позиций.

Результаты исследования

Рассмотрим семейство функций

$$S_{ij}(x_{ij}, A) := L_j A(x_{ij}), i \in I, j \in I,$$

где A — некоторая вещественная функция.

Для индивидуальных потреблений (равновесных x_{ij}^{equ} и общественно оптимальных x_{ij}^{opt}) обозначим

$$\begin{aligned} q_{ij}^{equ} &= L_j \tau_{ij} x_{ij}^{equ}, i \in I, j \in I, \\ q_{ij}^{opt} &= L_j \tau_{ij} x_{ij}^{opt}, i \in I, j \in I. \end{aligned}$$

Тогда

$$Q_i^{equ} = \sum_{j \in I} q_{ij}^{equ} = \sum_{j \in I} L_j \tau_{ij} x_{ij}^{equ}, i \in I$$

является равновесным размером каждой фирмы в регионе $i \in I$, а

$$Q_i^{opt} = \sum_{j \in I} q_{ij}^{opt} = \sum_{j \in I} L_j \tau_{ij} x_{ij}^{opt}, i \in I$$

является общественно оптимальным размером каждой фирмы в регионе $i \in I$.

Обозначим

$$\begin{aligned} S_{ij}^{equ} &:= S_{ij}(x_{ij}^{equ}, R_{\lambda_j^{equ}}) \equiv L_j \frac{u'(x_{ij}^{equ}) x_{ij}^{equ}}{\lambda_j^{equ}}, i \in I, j \in I, \\ S_{ij}^{opt} &:= S_{ij}(x_{ij}^{opt}, R_{\lambda_j^{opt}}) \equiv L_j u'(x_{ij}^{opt}), i \in I, j \in I. \end{aligned}$$

Как обычно, пусть

$$\varepsilon_g(\xi) = \frac{g'(\xi)\xi}{g(\xi)}$$

эластичность функции g . Отметим, что

$$\varepsilon_{R_{\lambda_j^{equ}}}(\xi) = \varepsilon_{R_{\lambda_j^{opt}}}(\xi) = \varepsilon_R(\xi), j \in I,$$

где $R(\xi) = u'(\xi)\xi$ — нормализованная выручка [ср.: 21].

Важное замечание. В формулируемых ниже утверждениях предполагается, что состояния рыночного

равновесия и общественной оптимальности существуют (и, более того, единственны). Вопросы условий существования и единственности являются отдельными задачами (часто очень непростыми), что не является темой этого исследования. Отметим, что ситуации рыночного равновесия и общественной оптимальности являются наблюдаемыми.

Основным результатом работы является утверждение 1.

Утверждение 1

1. В ситуации рыночного равновесия эластичности нормализованной выручки от индивидуального потребления и эластичности производственных издержек удовлетворяют условиям

$$\sum_{k \in I} \frac{S_{ij}^{equ}}{S_{ik}^{equ}} \cdot \varepsilon_R(x_{ij}^{equ}) = \frac{q_{ij}^{equ}}{Q_i^{equ}} \varepsilon_V(Q_i^{equ}), i \in I, j \in I.$$

2. В ситуации общественной оптимальности эластичности функции элементарной полезности от индивидуальных потреблений и эластичности производственных издержек удовлетворяют условиям

$$\sum_{k \in I} \frac{S_{ij}^{opt}}{S_{ik}^{opt}} \cdot \varepsilon_u(x_{ij}^{opt}) = \frac{q_{ij}^{opt}}{Q_i^{opt}} \varepsilon_V(Q_i^{opt}), i \in I, j \in I.$$

Из него вытекает следующее **Следствие**:

1. В ситуации рыночного равновесия эластичность производственных издержек является выпуклой комбинацией эластичностей нормализованной выручки от индивидуального потребления:

$$\sum_{j \in I} \sum_{k \in I} \frac{S_{ij}^{equ}}{S_{ik}^{equ}} \cdot \varepsilon_R(x_{ij}^{equ}) = \varepsilon_V(Q_i^{equ}), i \in I.$$

2. В ситуации общественной оптимальности эластичность производственных издержек является выпуклой комбинацией эластичностей функции элементарной полезности от индивидуальных потреблений:

$$\sum_{j \in I} \sum_{k \in I} \frac{S_{ij}^{opt}}{S_{ik}^{opt}} \cdot \varepsilon_u(x_{ij}^{opt}) = \varepsilon_V(Q_i^{opt}), i \in I.$$

Следствие утверждения 1 обобщает хорошо известный факт о закрытой экономике (т. е. для случая одного региона) при монополистической конкуренции производителей: 1) в ситуации рыночного равновесия эластичность выручки равна эластичности полных издержек и 2) в ситуации общественной оптимальности эластичность элементарной полезности равна эластичности полных производственных издержек.

Отметим, что очевидным недостатком формул утверждения 1 и его следствия является слабая интерпретируемость коэффициентов S_{ij}^{equ} и S_{ij}^{opt} . Надеемся, нижеследующие утверждения лишены этого недостатка.

Утверждение 2

В ситуации симметричного рыночного равновесия эластичности нормализованной выручки от индивидуальных потреблений и эластичности производственных издержек удовлетворяют условиям

$$\sum_{j \in I} \frac{q_{ij}^{equ}}{\varepsilon_R(x_{ij}^{equ})} = \frac{Q_i^{equ}}{\varepsilon_V(Q_i^{equ})}, i \in I.$$

Далее, можно ли получить аналог утверждения 2 для ситуации общественной оптимальности? К сожалению, прямой аналогии нет, но можно рассмотреть следующее утверждение.

Утверждение 3

В ситуации симметричной общественной оптимальности эластичности элементарной полезности от индивидуальных потреблений и эластичности производственных издержек удовлетворяют условиям

$$\sum_{j \in I} \frac{\sum_{k \in I} L_k u(x_{ik}^{opt})}{K \cdot L_j u(x_{ij}^{opt})} \cdot \frac{q_{ij}^{opt}}{\varepsilon_u(x_{ij}^{opt})} = \frac{Q_i^{opt}}{\varepsilon_V(Q_i^{opt})}, i \in I.$$

(Напоминаем, здесь K — количество регионов.)

Доказательства

Доказательство Утверждения 1

1. Рыночное равновесие.

Для

$$\pi_k = \sum_{j \in I} L_j \cdot \frac{R(x_{kj})}{\lambda_j} - \omega_k \cdot V(Q_k), k \in I$$

условия первого порядка дают

$$\frac{\partial \pi_k}{\partial x_{ki}} \equiv L_i \cdot \left(\frac{R'(x_{ki}^{equ})}{\lambda_i} - \omega_k \tau_{ki} \cdot V'(Q_k^{equ}) \right) = 0, \\ k \in I, i \in I,$$

или

$$\frac{L_k \cdot \frac{R(x_{ki}^{equ})}{\lambda_i^{equ}}}{\omega_k V(Q_k^{equ})} \cdot \varepsilon_R(x_{ki}^{equ}) = \frac{q_{ki}^{equ}}{Q_k^{equ}} \cdot \varepsilon_V(Q_k^{equ}), \\ k \in I, i \in I,$$

т. е., используя условие свободы входа,

$$\frac{L_k \cdot \frac{R(x_{ki}^{equ})}{\lambda_i^{equ}}}{\sum_{j \in I} L_j \cdot \frac{R(x_{kj})}{\lambda_j}} \cdot \varepsilon_R(x_{ki}^{equ}) = \frac{q_{ki}^{equ}}{Q_k^{equ}} \cdot \varepsilon_V(Q_k^{equ}), \\ k \in I, i \in I.$$

2. Общественная оптимальность.

Для

$$W = \sum_{i \in I} \left(\frac{L_i}{V(Q_i)} \cdot \sum_{k \in I} (L_k \cdot u(x_{ik})) \right)$$

условия первого порядка дают

$$\frac{\partial W}{\partial x_{ij}^{opt}} \equiv \left(-\tau_{ij} \sum_{k \in I} L_k \cdot \frac{u(x_{ik}^{opt}) V'(Q_i^{opt})}{(V(Q_i^{opt}))^2} + \frac{u'(x_{ij}^{opt})}{V(Q_i^{opt})} \right) L_i L_j = \\ = 0, i \in I, j \in I,$$

т. е.

$$\frac{L_j u(x_{ij}^{opt})}{\sum_{k \in I} L_k u(x_{ik}^{opt})} \cdot \varepsilon_u(x_{ij}^{equ}) = \frac{q_{ij}^{equ}}{Q_i^{equ}} \cdot \varepsilon_V(Q_i^{equ}), \\ i \in I, j \in I.$$

Утверждение 1 доказано.

Доказательство Следствия

Поскольку

$$\frac{L_k \cdot \frac{R(x_{ki}^{equ})}{\lambda_i^{equ}}}{\sum_{j \in I} L_j \cdot \frac{R(x_{kj})}{\lambda_j}} \cdot \varepsilon_R(x_{ki}^{equ}) = \frac{q_{ki}^{equ}}{Q_k^{equ}} \cdot \varepsilon_V(Q_k^{equ}), \\ k \in I, i \in I,$$

то

$$\sum_{k \in I} \frac{L_k \cdot \frac{R(x_{ki}^{equ})}{\lambda_i^{equ}}}{\sum_{j \in I} L_j \cdot \frac{R(x_{kj})}{\lambda_j}} \cdot \varepsilon_R(x_{ki}^{equ}) = \varepsilon_V(Q_k^{equ}), i \in I.$$

Далее, поскольку

$$\frac{L_j u(x_{ij}^{opt})}{\sum_{k \in I} L_k u(x_{ik}^{opt})} \cdot \varepsilon_u(x_{ij}^{equ}) = \frac{q_{ij}^{equ}}{Q_i^{equ}} \cdot \varepsilon_V(Q_i^{equ}), \\ i \in I, j \in I,$$

то

$$\sum_{j \in I} \frac{L_j u(x_{ij}^{opt})}{\sum_{k \in I} L_k u(x_{ik}^{opt})} \cdot \varepsilon_u(x_{ij}^{equ}) = \varepsilon_V(Q_i^{equ}), i \in I.$$

Следствие доказано.

Доказательство Утверждения 2

Для

$$\pi_k = \sum_{j \in I} L_j \cdot \frac{R(x_{kj})}{\lambda_j} - \omega_k \cdot V(Q_k), k \in I$$

условия первого порядка дают

$$\frac{\partial \pi_k}{\partial x_{ki}} \equiv L_i \cdot \left(\frac{R'(x_{ki}^{equ})}{\lambda_i} - \omega_k \tau_{ki} \cdot V'(Q_k^{equ}) \right) = 0, \\ k \in I, i \in I,$$

или

$$\frac{1}{\lambda_i} = \omega_k \tau_{ki} \cdot \frac{V'(Q_k^{equ})}{R'(x_{ki}^{equ})}, k \in I, i \in I,$$

т. е., используя условия свободы входа

$$\sum_{j \in I} L_j \cdot \frac{R(x_{kj})}{\lambda_j} - \omega_k V(Q_k), k \in I,$$

получаем

$$\sum_{i \in I} L_i \omega_k \tau_{ki} \cdot \frac{V'(Q_k^{equ})}{R'(x_{ki}^{equ})} \cdot R(x_{ki}^{equ}) = \omega_k V(Q_k^{equ}), k \in I.$$

Поскольку

$$L_i \tau_{ki} x_{ki}^{equ} = q_{ki}^{equ},$$

окончательно получаем

$$\sum_{i \in I} \frac{q_{ki}^{equ}}{\varepsilon_R(x_{ki}^{equ})} = \frac{Q_k^{equ}}{\varepsilon_V(Q_k^{equ})}, k \in I.$$

Утверждение 2 доказано.

Доказательство Утверждения 3

Для

$$W = \sum_{i \in I} \left(\frac{L_i}{V(Q_i)} \cdot \sum_{k \in I} (L_k \cdot u(x_{ik})) \right)$$

условия первого порядка дают

$$\sum_{k \in I} L_k \cdot \frac{u(x_{ik}^{opt}) V'(Q_i^{opt}) \tau_{ij}}{V(Q_i^{opt})} = u'(x_{ij}^{opt}), i \in I, j \in I,$$

т. е.

$$\sum_{k \in I} \frac{L_k \cdot u(x_{ik}^{opt})}{L_j u(x_{ij}^{opt})} \cdot \frac{q_{ij}^{opt}}{\varepsilon_u(x_{ij}^{equ})} = \frac{Q_i^{opt}}{\varepsilon_V(Q_i^{opt})}, i \in I, j \in I.$$

Поэтому

$$\sum_{j \in I} \frac{\sum_{k \in I} L_k u(x_{ik}^{opt})}{KL_j u(x_{ij}^{opt})} \cdot \frac{q_{ij}^{opt}}{\varepsilon_u(x_{ij}^{equ})} = \frac{Q_i^{opt}}{\varepsilon_V(Q_i^{opt})}, i \in I.$$

(Напоминаем, что K — количество регионов.)

Заключение

В работе исследуется в структуре монополистической конкуренции однородная модель межрегиональной торговли типа Диксит — Стиглиц — Кругман с аддитивно сепарабельными функциями полезности. Единственным производственным фактором является труд.

Особое внимание уделено двум следующим концепциям:

1. Рыночное равновесие — оптимизация поведения производителя: фирмы-производители максимизируют прибыли, используя обратные функции спроса (предоставленные им репрезентативными потребителями), условия свободы входа на рынок (фирмы входят на рынок, пока их прибыль положительна), балансы по труду (в каждом регионе суммарные издержки равны общему количеству труда), торговые балансы (в каждом регионе экспорт равен импорту).

2. Общественная оптимальность — оптимизация поведения государства в интересах потребителей: государство (точнее все регионы вместе) максимизирует функцию общественного благосостояния при единственном ограничении — балансы по труду в каждом регионе.

Понятия «рыночное равновесие» и «общественная оптимальность» кажутся совершенно разными по сути и даже противоречащими друг другу: возможно, интересы производителей и общества в целом сильно не совпадают. В работе предлагается единый подход к исследованию этих концепций. В частности, основной результат (утверждение 1) показывает, что структура базовых формул для ситуаций симметричного рыночного равновесия и симметричной общественной оптимальности одинакова: зависит от функции

$$S_{ij} = (x_{ij}, A) := L_j \cdot A(x_{ij}), i \in I, j \in I,$$

но вычисленной в различных точках. Это позволяет прояснить природу понятий рыночного равновесия и общественной оптимальности.

Список источников

1. Chamberlin E. H. The Theory of Monopolistic Competition: A re-Oriented of the Theory of Value. 1st. ed. Cambridge : MA : Harvard University Press, 1933.
2. Dixit A. K., Stiglitz J. E. Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity // American Economic Review. 1977. Vol. 67. P. 297—308.
3. Krugman P. R. Increasing Returns, Monopolistic Competition, and International Trade // Journal of International Economics. 1979. Vol. 9. P. 469—479.
4. Krugman P. R. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade // American Economic Review. 1980. Vol. 70. P. 950—959.
5. Melitz M. J. The Impact of Trade on Intra-Industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity // Econometrica. 2003. Vol. 71. P. 1695—1725.

6. Behrens K., Murata Y. General Equilibrium Models of Monopolistic Competition: a New Approach // *Journal of Economic Theory*. 2007. Vol. 136. P. 776—787.
7. Belyaev I., Bykadorov I. Dixit–Stiglitz–Krugman Model with Nonlinear Costs // *Lecture Notes in Computer Science*. 2020. Vol. 12095. P. 157—169.
8. Brander J., Krugman P. A ‘Reciprocal Dumping’ Model of International Trade // *Journal of international economics*. 1983. Vol. 15. P. 313—321.
9. Bykadorov I. Dixit–Stiglitz–Krugman Model with Investments in R&D // *Lecture Notes in Computer Science*. 2021. Vol. 12755. P. 397—409.
10. Bykadorov I. Investments in R&D in Monopolistic Competitive Trade Model // *Lecture Notes in Computer Science*. 2020. Vol. 12095. P. 170—183.
11. Bykadorov I., Kokovin S. Can a Larger Market Foster R&D under Monopolistic Competition with Variable Markups? // *Research in Economics*. 2017. Vol. 71. P. 663—674.
12. Dhingra S. Trading Away Wide Brands for Cheap Brands // *American Economic Review*. 2013. Vol. 103. P. 2554—2584.
13. Melitz M. J., Ottaviano G. I. P. Market Size, Trade, and Productivity // *Review of Economic Studies*. 2008. Vol. 75. P. 295—316.
14. *Monopolistic Competition: Beyond the Constant Elasticity of Substitution* / E. Zhelobodko, S. Kokovin, M. Parenti, J.-F. Thisse // *Econometrica*. 2012. Vol. 80. P. 2765—2784.
15. Bykadorov I. Monopolistic Competition with Investments in Productivity // *Optimization Letters*. 2019. Vol. 13. P. 1803—1817.
16. Bykadorov I. Social Optimality in International Trade under Monopolistic Competition // *Communications in Computer and Information Science*. 2019. Vol. 1090. P. 1803—1817.
17. *The Elusive Pro-Competitive Effects of Trade* / C. Arkolakis, A. Costinot, D. Donaldson, A. Rodreguez-Clare // *The Review of Economic Studies*. 2019. Vol. 86. P. 46—80.
18. Arkolakis C., Costinot A., Rodreguez-Clare A. New Trade Models, Same Old Gains? // *American Economic Review*. 2012. Vol. 102. P. 94—130.
19. *Why are Losses from Trade Unlikely?* / I. Bykadorov, A. Gorn, S. Kokovin, E. Zhelobodko // *Economics Letters*. 2015. Vol. 129. P. 35—38.
20. Bykadorov I. Equilibrium and Optimality in International Trade Models under Monopolistic Competition: the Unified Approach // *CEUR Workshop Proceedings* 2020. Vol. 2795. P. 12—22.
21. Kokovin S., Molchanov P., Bykadorov I. Increasing Returns, Monopolistic Competition, and International Trade: Re-visiting Gains from Trade // *Journal of International Economics*. 2022. Vol. 137. № 103595.

References

1. Chamberlin E.H. *The Theory of Monopolistic Competition: A re-Orientaton of the Theory of Value*, 1st. ed., Cambridge, MA, Harvard University Press, 1933.
2. Dixit A.K., Stiglitz J.E. Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity, *American Economic Review*, 1977, vol. 67, pp. 297—308.
3. Krugman P.R. Increasing Returns, Monopolistic Competition, and International Trade, *Journal of International Economics*, 1979, vol. 9, pp. 469—479.
4. Krugman P.R. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade, *American Economic Review*, 1980, vol. 70, pp. 950—959.
5. Melitz M.J. The Impact of Trade on Intra-Industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity, *Econometrica*, 2003, vol. 71, pp. 1695—1725.
6. Behrens K., Murata Y. General Equilibrium Models of Monopolistic Competition: a New Approach, *Journal of Economic Theory*, 2007, vol. 136, pp. 776—787.
7. Belyaev I., Bykadorov I. Dixit–Stiglitz–Krugman Model with Nonlinear Costs, *Lecture Notes in Computer Science*, 2020, vol. 12095, pp. 157—169.
8. Brander J., Krugman P.A. ‘Reciprocal Dumping’ Model of International Trade, *Journal of international economics*, 1983, vol. 15, pp. 313—321.
9. Bykadorov I. Dixit–Stiglitz–Krugman Model with Investments in R&D, *Lecture Notes in Computer Science*. 2021, vol. 12755, pp. 397—409.
10. Bykadorov I. Investments in R&D in Monopolistic Competitive Trade Model, *Lecture Notes in Computer Science*, 2020, vol. 12095, pp. 170—183.
11. Bykadorov I., Kokovin S. Can a Larger Market Foster R&D under Monopolistic Competition with Variable Markups?, *Research in Economics*, 2017, vol. 71, pp. 663—674.
12. Dhingra S. Trading Away Wide Brands for Cheap Brands, *American Economic Review*, 2013, vol. 103, pp. 2554—2584.
13. Melitz M.J., Ottaviano G.I.P. Market Size, Trade, and Productivity, *Review of Economic Studies*, 2008, vol. 75, pp. 295—316.
14. Zhelobodko E., Kokovin S., Parenti M., Thisse J.-F. Monopolistic Competition: Beyond the Constant Elasticity of Substitution, *Econometrica*, 2012, vol. 80, pp. 2765—2784.
15. Bykadorov I. Monopolistic Competition with Investments in Productivity, *Optimization Letters*, 2019, vol. 13, pp. 1803—1817.
16. Bykadorov I. Social Optimality in International Trade under Monopolistic Competition, *Communications in Computer and Information Science*, 2019, vol. 1090, pp. 1803—1817.
17. Arkolakis C., Costinot A., Donaldson D., Rodreguez-Clare A. The Elusive Pro-Competitive Effects of Trade, *The Review of Economic Studies*, 2019, vol. 86, pp. 46—80.
18. Arkolakis C., Costinot A., Rodreguez-Clare A. New Trade Models, Same Old Gains?, *American Economic Review*, 2012, vol. 102, pp. 94—130.
19. Bykadorov I., Gorn A., Kokovin S., Zhelobodko E. Why are Losses from Trade Unlikely?, *Economics Letters*, 2015, vol. 129, pp. 35—38.

20. Bykadorov I. Equilibrium and Optimality in International Trade Models under Monopolistic Competition: the Unified Approach, *CEUR Workshop Proceedings 2020*, vol. 2795, pp. 12—22.

21. Kokovin S., Molchanov P., Bykadorov I. Increasing Returns, Monopolistic Competition, and International Trade: Revisiting Gains from Trade, *Journal of International Economics*, 2022, vol. 137, no. 103595.

Информация об авторах

Быкадоров Игорь Александрович — кандидат физико-математических наук, доцент, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: bykadorov-ia@ranepa.ru

Исмайлова Юлия Николаевна — кандидат экономических наук, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ismaylova-yn@ranepa.ru

Пудова Марина Владимировна — кандидат физико-математических наук, доцент, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: pudova-mv@ranepa.ru

Information about the authors

Igor A. Bykadorov — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: bykadorov-ia@ranepa.ru

Yuliya N. Ismaylova — Candidate of Economic Sciences, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ismaylova-yn@ranepa.ru

Marina V. Pudova — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: pudova-mv@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 16.06.2022; одобрена после рецензирования 04.07.2022; принята к публикации 12.07.2022.

The article was submitted 16.06.2022; approved after reviewing 04.07.2022; accepted for publication 12.07.2022.

РОЛЬ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТРАНСФЕРТОВ В СУБНАЦИОНАЛЬНОЙ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ

Евгения Анатольевна Коломак¹, Татьяна Владимировна Сумская^{2✉}

^{1, 2} Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Татьяна Владимировна Сумская, t.v.sumskaya@ngs.ru

Аннотация. Основным условием эффективного функционирования региональных органов власти является их финансовая самостоятельность и устойчивость. Особенно актуальна эта проблема для регионов азиатской части Российской Федерации. Порядок бюджетно-налогового регулирования в данное время в России отличается высокой централизацией, доля межбюджетных трансфертов в структуре региональных доходов достаточно высока, особенно это характерно для регионов азиатской части страны. Целью проводимого исследования является анализ и оценка результатов перечисления трансфертов в бюджеты регионов Российской Федерации в целом и бюджеты субъектов Федерации азиатской части России в частности с помощью экономико-статистического аппарата. Для этого была проведена оценка структуры доходов региональных бюджетов, выполнен анализ показателей неоднородности доходов субъектов Российской Федерации до и после выделения им федеральных трансфертов, выявлены особенности распределения регионов по величине доходов до и после получения ими безвозмездных перечислений, дана количественная оценка уровня дифференциации по доходам бюджетов регионов с помощью расчета индекса Джини и коэффициента фондов. Отмечено, что необходимы меры, не допускающие прямой зависимости между фактическими и прогнозируемыми доходами региональных бюджетов и величиной трансфертов, получаемой ими из федерального бюджета.

Ключевые слова: трансферты, полученные доходы, располагаемые доходы, неоднородность, региональный бюджет, межбюджетные отношения

Благодарности: работа выполнена по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках научного проекта «Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий», соглашение № 075-15-2020-804 от 2 октября 2020 г. (грант № 13.1902.21.0016).

Для цитирования: Коломак Е. А., Сумская Т. В. Роль федеральных трансфертов в субнациональной бюджетной системе Российской Федерации и ее азиатской части // Развитие территорий. 2022. № 3. С. 30—42. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-30-42.

Economic research

Original article

THE ROLE OF FEDERAL TRANSFERS IN THE SUBNATIONAL BUDGET SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS ASIAN PART

Evgeniya A. Kolomak¹, Tatiana V. Sumskaya^{2✉}

^{1, 2} Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Corresponding author: Tatiana V. Sumskaya, t.v.sumskaya@ngs.ru

Abstract. The main condition for the effective function of regional authorities is their financial independence and sustainability. This problem is especially relevant for the regions of the Asian part of the Russian Federation. The order of budget and tax regulation is currently highly centralized in Russia, the share of inter-budget transfers in the structure of regional revenues is quite high, especially this is typical for the regions of the Asian part of the country. The purpose of the study is to analyze and evaluate the results of transfer transfers to the budgets of the regions of the Russian Federation in general and the budgets of the subjects of the Federation of the Asian part of Russia in particular with the help of economic and statistical apparatus. For this purpose the structure of regional budgets revenues was assessed, the analysis of indicators of heterogeneity of revenues of the subjects of the Russian Federation before and after the allocation of federal transfers was carried out, the features of distribution of regions by the value of revenues before and after they received gratuitous transfers were revealed, a quantitative assessment of the level of differentiation in revenues of regional budgets was given by calculating the Gini index and the coefficient of funds. It is noted that measures are necessary to prevent direct correlation between actual and projected revenues of regional budgets and the amount of transfers received by them from the federal budget.

Keywords: transfers, income received, disposable income, heterogeneity, regional budget, inter-budget relations

Acknowledgments: this work was carried out under the grant of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the scientific project “Socio-economic development of the Asian Russia based on the synergy of transport accessibility, system knowledge of the natural resource potential, expanding inter-regional interaction space”, agreement № 075-15-2020-804 from 02.10.2020 (grant № 13.1902.21.0016).

For citation: Kolomak E.A., Sumskaya T.V. The Role of Federal transfers in the Subnational Budget System of the Russian Federation and its Asian Part. Territory Development. 2022;(3):30—42. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-30-42.

Введение

Инструменты вертикальных межбюджетных перераспределений и трансферты бюджетам нижестоящего уровня используют все государства с федеративной формой управления. То, что аккумулированные средства центрального правительства превышают их прямые расходы, имеет две основные причины.

Первая причина заключается в том, что смещение доходов в пользу центрального правительства поддерживается самими принципами распределения доходных и расходных полномочий между уровнями власти, которые рассматриваются в теории общественных финансов [1—4]. Многоуровневая система бюджетных услуг позволяет учитывать характеристики различных типов общественных благ. Государственные услуги должны быть предоставлены центральным правительством по ряду причин: во-первых, если общественные блага национального масштаба более эффективно предоставлять централизованным образом; во-вторых, если государственные услуги создают положительные эффекты и распространяются на другие территории, в этом случае нижний уровень власти недооценивает их эффективность и предоставляет в размерах меньше общественно оптимальных; в-третьих, когда мобильность важных производственных факторов создает возможность для правительств нижнего уровня экспортировать локальные проблемы или импортировать преимущества других территорий. Наконец, если должно быть обеспечено всеобщее равенство в предоставлении государственной услуги. В пользу децентрализованного предоставления государственных услуг предлагаются три аргумента. Первый связан с неоднородностью населения и различием их предпочтений в отношении количества и соотношения предоставляемых благ [5 ; 6]. Вторым аргументом является близость местных правительств к населению и, как следствие, более низкие информационные барьеры и лучшее понимание предпочтений и нужд населения конкретной территории [7]. Третий аргумент состоит в возможности снижения издержек политического экспериментирования, отдельные территории рассматриваются как лаборатории по адаптации новых методов или подходов к государственному регулированию [8].

Распределение между уровнями власти налоговых инструментов государственного регулирования осуществляется с учетом того, что налоговая политика правительств нижнего уровня может создавать внешние эффекты, среди которых выделяется три основные категории: экспорт налогов, нездоровая налоговая конкуренция за мобильную налоговую базу и чрезмерное или

недостаточное налогообложение деятельности, которая создает внешние эффекты. Для предотвращения экспорта налогов местные налоги должны быть привязаны к территории, которая является местом проживания или производственной деятельности [9 ; 10]. Налоговая конкуренция между территориями не получает развития, если налоговая база нижнего уровня власти является немобильной [11 ; 12]. Наконец, местные налоги не должны распространяться на те сферы деятельности, где издержки пространственно локализованы, в то время как выгоды распространяются за пределы данной территории, либо наоборот издержки географически распределены, а выгоды концентрируются на одной территории.

Таким образом, пространственное разнообразие, снижение издержек управления и экспериментирования смещают расходные полномочия к нижнему уровню управления. В то время как рост мобильности факторов и результатов развития влечет расширение сферы внешних эффектов и усиление пространственной конкуренции, что работает в сторону сокращения налоговых полномочий нижнего уровня и их увеличения у центрального правительства. Возникающий разрыв между расходными обязательствами и доходными источниками финансируется через систему трансфертов, мандатов и грантов центрального правительства.

Второй основной причиной вертикальных трансфертов является бюджетное неравенство субъектов федерации и необходимость финансирования гарантированных государством бюджетных благ и услуг. В федерациях проблема межрегиональных различий из-за угрозы сепаратизма стоит более остро, чем в унитарных государствах, качество и количество бюджетных услуг населению не может сильно различаться по территориям. Но, имея сопоставимые расходные обязательства, регионы располагают сильно различающимися доходными потенциалами. Эти разрывы частично компенсируются с помощью трансфертов центрального правительства.

Неоднородность России по всем параметрам экономического и социального положения отмечается во многих исследованиях, посвященных пространственным аспектам развития страны. Необходимость сокращения межрегиональной дифференциации, наряду с примерами неудачных экспериментов субфедеральных властей в начале рыночных реформ, выступают основными аргументами, приводимыми для оправдания высокой централизации государственных финансов и масштабных межбюджетных перераспределений в стране.

Тема политики в отношении субфедеральных бюджетов и горизонтальных трансфертов посто-

янно присутствует в зарубежной и отечественной научных дискуссиях. Вопрос обоснованности распределения доходных полномочий, расходных обязательств и трансфертов не имеет формального решения, так как находится под влиянием не только экономических, но и политических приоритетов [13]. Федеративные государства существенно различаются по уровню централизации бюджетных доходов и расходов, по механизмам и принципам распределения трансфертов [14—16]. Молодые федерации, развивающиеся страны и переходные экономики демонстрируют относительно высокий уровень централизации доходов бюджета и более активное использование вертикальных трансфертов.

Обсуждение различных аспектов проблемы межбюджетных перераспределений в отечественной литературе идет с начала политических и экономических реформ в стране. Рассматриваются вопросы теории федеративных отношений и их реализации в условиях России [17—22]. Некоторые предложения, высказанные авторами, нашли применение в практике горизонтальных финансовых отношений: принцип сочетания выравнивающей и стимулирующих функций трансфертов регионам, выделение в них целевой и нецелевой составляющих зафиксированы в Бюджетном кодексе Российской Федерации. Но дискуссии в литературе продолжаются, их темами являются налоговые и расходные полномочия разного уровня [23—25], распределение обязательств между уровнями власти в Российской Федерации [26—28], типы и размеры межбюджетных перераспределений [29], правовые и методические проблемы выделения трансфертов [30—34]. Реформирование межбюджетных отношений рассматривается через призму эффективности [35—38], структурной региональной политики и стимулирования экономического роста [39; 40]. Анализируется воздействие механизмов финансовой поддержки на управленческие решения и на институциональные реформы в регионах [41]. При этом в публикациях редко

приводится в качестве обоснования развернутое изучение бюджетной статистики. В данной работе предлагается эмпирический анализ отчетов об исполнении бюджетов субъектов Российской Федерации, используется подход, реализованный в бюджетном анализе ранее [42]. Информационной основой являлись данные, представленные на сайте Казначейства России, за 2012—2020 гг.

Роль межбюджетных трансфертов в региональной бюджетной системе

Главными доходными статьями субфедеральных бюджетов являются налоговые доходы, неналоговые доходы и безвозмездные поступления, большую часть последних составляют трансферты из федерального бюджета. Уровень самостоятельности субфедеральных бюджетов может быть охарактеризован с помощью доли налоговых и неналоговых доходов (для этой суммы используется термин «полученные доходы») в совокупном бюджетном доходе субъектов Федерации (табл. 1).

Доля полученных доходов для большей части регионов находится в пределах 60—90 %, при модальном интервале 80—90 % в 2012—2018 гг., 70—80 % — в 2019 г. и 60—70 % — в 2020 г. Отметим, что с 2012 по 2018 г. происходило сокращение числа регионов с долей полученных доходов меньше 60 % общих бюджетных средств с 23 до 19. Однако в 2019 и 2020 гг. количество таких регионов увеличилось до 26 и 36 соответственно. Также отметим, что с 2012 по 2017 г. увеличивается количество субъектов Федерации с уровнем бюджетной самостоятельности больше 80 % — с 29 до 40 в 2016—2017 гг., затем это значение уменьшается и составляет 34 в 2018 г., 26 — в 2019 г. и всего 11 — в 2020 г. Размах вариации в 2012—2016 и 2019 гг. составлял свыше 80 %, в 2017 г. — 79 % и в 2018 и 2020 гг. разность между максимальным и минимальным значениями сократилась до 77 %. В целом наблюдается сокращение самостоятельности органов власти субфедерального уровня, а также степени неоднородности регионов по этой характеристике.

Таблица 1

Распределение регионов Российской Федерации по удельному весу полученных доходов в 2012—2020 гг., единиц
Distribution of the regions of the Russian Federation by the share of income received in 2012—2020, units

Интервал удельного веса доходов, %	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
10—20	2	2	3	2	1	2	0	2	3
20—30	4	2	4	2	3	1	3	4	5
30—40	1	4	2	5	3	6	8	2	6
40—50	6	5	4	2	4	3	2	8	7
50—60	10	10	11	10	7	5	6	10	15
60—70	13	9	11	14	12	16	16	9	21
70—80	18	19	17	14	15	12	16	24	17
80—90	26	29	28	26	29	29	23	17	6
90—100	3	3	5	10	11	11	11	9	5

Как и для всей страны, для регионов азиатской части Российской Федерации (Сибирский и Даль-

невосточный федеральные округа, а также Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненец-

кий автономные округа) модальным являлся интервал 80—90 % в 2012—2018 гг., 70—80 % — в 2019 г. и 60—70 % — в 2020 г. (табл. 2). В целом за период наблюдается довольно существенное сокращение доли полученных доходов в 2020 г., что объясняется пандемией коронавируса и, как следствие, сокращением относительного веса и абсолютного размера налоговых и неналоговых доходов в совокупных доходах

бюджета. В частности, к регионам, в которых сократился совокупный объем налоговых и неналоговых доходов в 2020 г. по сравнению с 2021 г., относятся следующие: Ямало-Ненецкий АО, республики Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия, Алтайский, Красноярский, Приморский, Хабаровский края, Иркутская, Кемеровская, Сахалинская, Тюменская и Томская области.

Таблица 2

Распределение регионов азиатской части России по удельному весу полученных доходов в 2012—2020 гг., единицы
Distribution of the regions of the Asian part of Russia by the share of income received in 2012—2020, units

Интервал удельного веса доходов, %	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
10—20	0	0	0	0	0	0	0	0	1
20—30	2	2	2	2	2	1	1	3	1
30—40	1	2	1	1	1	2	3	1	3
40—50	1	2	1	0	0	1	0	2	1
50—60	4	4	5	4	3	1	1	3	4
60—70	3	1	3	4	3	5	5	5	7
70—80	4	4	3	3	3	1	5	6	2
80—90	8	8	6	6	8	9	6	3	1
90—100	1	1	3	4	4	4	3	1	4

В этих условиях важным ресурсом субфедеральных финансов выступают трансферты из федерального бюджета (табл. 3). Зависимость регионов от безвозмездных перечислений существенно различается.

Доля безвозмездных перечислений из федерального бюджета для большинства регионов находится в интервале от 10 до 40 % в 2012—2019 гг. и от 20 до 50 % — в 2020 г., модальным интервалом является интервал 10—20 % в 2012—2018 гг., 20—30 % — в 2019 г. и 30—40 % —

в 2020 г. Следует отметить, что с каждым годом вплоть до 2017 г. увеличивалось количество регионов, в бюджетах которых удельный вес трансфертов сокращается. Если в 2012 г. в тридцати субъектах Федерации удельный вес трансфертов в совокупных бюджетных доходах составлял менее 20 %, то в 2017 г. таких регионов было уже 42. Однако с 2018 г. количество регионов данного типа начинает сокращаться, в 2018 г. их число составляло 34, в 2019 г. — 27, а в 2020 г. — 11.

Таблица 3

Распределение регионов Российской Федерации по удельному весу безвозмездных перечислений из федерального бюджета в 2012—2020 гг., единицы
Distribution of the regions of the Russian Federation by the specific weight of gratuitous transfers from the federal budget in 2012—2020, units

Интервал удельного веса перечислений, %	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
0—10	5	6	7	11	14	13	11	10	6
10—20	25	26	26	25	29	29	23	17	5
20—30	18	20	18	17	14	13	18	25	19
30—40	15	8	12	12	13	13	15	8	21
40—50	9	12	9	9	4	6	6	9	14
50—60	5	4	4	2	4	3	3	8	7
60—70	2	2	2	5	4	5	6	3	6
70—80	3	3	4	2	2	1	2	3	4
80—90	2	2	3	2	1	2	1	2	3

Но имеются территории, в бюджетных доходах которых финансовые поступления из федерального центра играют существенную роль. Так, в 2014 г. в 13 регионах доля трансфертов из федерального центра составляла свыше 50 %, в остальные годы рассматриваемого периода до

2018 г. включительно таких регионов было 11, в 2019 г. их стало 16, а в 2020 г. — 20.

Ситуацию, когда трансферты центрального правительства играют решающую роль в бюджете субъектов Федерации, нельзя назвать нормальной для государства, декларирующего принцип

бюджетного федерализма. Это свидетельствует о завышенной степени централизации финансовых ресурсов в России. Такое положение пытаются оправдать решением важных национальных и геополитических задач, требующих концентрации ресурсов. Приводятся аргументы о необходимости сглаживать существенные межрегиональные различия для сохранения единства государства. Однако даже с учетом действительно большой внутренней неоднородности страны трудно найти объяснение тому, что все субъекты Российской Федерации получают поддержку из феде-

рального центра, при том что формирование федерального бюджета осуществляется за счет экономической деятельности тех же самых регионов.

Распределение субъектов Федерации азиатской части страны по доле безвозмездных перечислений из федерального бюджета показывает, что наблюдается аналогичная ситуация и в целом по регионам Российской Федерации, в 2019 и 2020 гг. увеличивается количество субъектов Федерации, в которых возрастает доля и абсолютный размер безвозмездных перечислений из федерального бюджета (табл. 4).

Таблица 4

Распределение регионов азиатской части России по удельному весу безвозмездных перечислений из федерального бюджета в 2012—2020 гг., единиц
Distribution of the regions of the Asian part of Russia by the share of gratuitous transfers from the federal budget in 2012-2020, units

Интервал удельного веса перечислений, %	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
0—10	3	1	4	4	5	4	3	4	4
10—20	6	8	5	6	8	10	6	3	1
20—30	4	4	4	3	3	2	7	9	3
30—40	4	1	3	4	4	3	3	1	8
40—50	3	4	4	4	1	2	2	2	3
50—60	1	2	1	0	0	1	1	2	1
60—70	2	2	1	1	2	1	1	1	3
70—80	1	2	2	2	1	1	1	2	0
80—90	0	0	0	0	0	0	0	0	1

Особо отметим, что в 2020 г. рост объема безвозмездных перечислений более чем в полтора раза по сравнению с предыдущим годом наблюдался в 12 субъектах Федерации азиатской России, а именно в Ямало-Ненецком автономном округе, республиках Тыва и Хакасия, Красноярском и Хабаровском краях, Амурской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областях и в Еврейской автономной области. В предыдущие периоды таких субъектов Федерации было пять и менее.

Оценка достижения целей по снижению межрегиональных различий

Для изучения успешности межбюджетных перераспределений с точки зрения выравнивания бюджетной обеспеченности регионов сравнивались показатели разброса для полученных и располагаемых доходов субъектов Российской Федерации на душу населения, т. е. для бюджетных доходов регионов до и после получения ими трансфертов (табл. 5).

Таблица 5

Показатели неоднородности уровня бюджетных доходов на душу населения субъектов Российской Федерации в 2012—2020 гг., тыс. руб.
Indicators of heterogeneity of the level of budget revenues per capita of the subjects of the Russian Federation in 2012—2020, thousand rub.

Показатель	Полученные доходы								
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Минимум	6	7	7	8	8	9	10	9	10
Максимум	287	298	342	448	334	419	490	471	500
Стандартное отклонение	46	49	57	74	62	66	76	84	83
Коэффициент вариации, %	105	105	114	131	108	109	110	112	111
Показатель	Располагаемые доходы								
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Минимум	27	29	30	30	32	34	39	43	58
Максимум	362	379	444	561	659	615	730	1133	1087
Стандартное отклонение	59	63	75	76	87	89	107	143	136
Коэффициент вариации, %	93	95	105	117	111	107	109	128	112

Прежде всего обращает на себя внимание существенное увеличение не только минимальных, но и максимальных значений располагаемых до-

ходов по сравнению с полученными доходами регионов во все годы рассматриваемого периода. Размах вариации по полученным доходам возрас-

тает с 2012 по 2020 г. в 1,7 раз, а по располагаемым доходам — в 3,1 раза. Это свидетельствует о возрастающем объеме средств межбюджетного регулирования в доходах региональных бюджетов.

Стандартное отклонение бюджетной обеспеченности регионов по располагаемым доходам превышает аналогичный показатель по полученным доходам. Однако это происходит в значительной мере из-за роста абсолютных значений доходов бюджета благодаря трансфертам. Самое существенное увеличение стандартного отклонения произошло в 2019 г. (на 70 %). Менее всего стандартное отклонение возросло в 2015 г. (всего на 3 %). Увеличение стандартного отклонения происходит в результате роста значений всех элементов выборки.

Коэффициент вариации отчасти решает проблему влияния разных уровней значений в выборке, он рассчитывается как отношение стандартного отклонения к среднему значению. Это позволяет исключить влияние разного абсолютного уровня доходов бюджета до и после трансфертов. Расчеты показывают, что в 2012—2015, 2017 и 2018 гг. неоднородность доходов субфедеральных бюджетов в Российской Федерации по-

сле передачи им трансфертов из федерального бюджета сократилась, о чем свидетельствует меньшее значение коэффициента вариации для показателя совокупных (располагаемых) доходов по сравнению со значением данного коэффициента для полученных (налоговых и неналоговых) доходов. Однако в 2016, 2019 и 2020 гг. коэффициент вариации бюджетной обеспеченности после перечисления трансфертов регионам увеличился, соответственно, достигнуть даже относительного выравнивания в эти годы не удалось. Также отметим очень незначительное сокращение коэффициента вариации в 2017 и 2018 гг.

Результаты расчетов показателей неоднородности уровня бюджетных доходов на душу населения для регионов азиатской части России демонстрируют существенное увеличение минимальных и максимальных значений располагаемых доходов по сравнению с налоговыми и неналоговыми доходами регионов во все годы рассматриваемого периода (табл. 6). Рост размаха вариации в данном случае больше, чем для всех регионов Российской Федерации. Так, по полученным доходам он составил 2,2 раза, а по располагаемым доходам — 3,4 раза.

Таблица 6

Показатели неоднородности уровня бюджетных доходов на душу населения регионов азиатской части России в 2012—2020 гг., тыс. руб.

Indicators of heterogeneity of the level of budget revenues per capita in the regions of the Asian part of Russia in 2012—2020, thousand rub.

Показатель	Полученные доходы								
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Минимум	14	15	16	17	19	20	21	25	24
Максимум	230	253	301	448	334	335	398	454	500
Стандартное отклонение	59	63	76	106	92	84	96	114	124
Коэффициент вариации, %	88	92	98	115	99	91	90	96	102
	Располагаемые доходы								
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Минимум	34	37	40	40	42	43	51	55	67
Максимум	330	359	419	561	659	615	730	1133	1087
Стандартное отклонение	77	81	102	134	139	132	159	231	218
Коэффициент вариации, %	79	79	88	105	106	99	99	120	109

Аналогично ситуации для страны в целом стандартное отклонение бюджетной обеспеченности регионов по располагаемым доходам превышает данный показатель по полученным доходам, при этом увеличение стандартного отклонения для регионов азиатской России выше, чем для всех регионов Российской Федерации. Максимальное увеличение стандартного отклонения произошло в 2019 г. на 103 %, минимальное увеличение характерно для 2015 г. — 26 %.

Что касается коэффициента вариации, то отметим, что 2012—2015 гг. неоднородность доходов бюджетов регионов после передачи им трансфертов из федерального бюджета сократилась, а в 2016—2020 гг., наоборот, увеличилась, причем наиболее существенное увеличение наблюдается в 2019 г.

Для выявления групп регионов, которые выступали основными получателями безвозмездных

перечислений, представляется целесообразным сравнить бюджетные доходы территорий до и после получения трансфертов из федерального бюджета. Распределение субъектов Российской Федерации по величине налоговых и неналоговых (полученных) доходов, а также по величине совокупных (располагаемых) доходов показывает, что безвозмездные поступления из федерального бюджета в существенной мере увеличивают бюджетную обеспеченность субъектов Российской Федерации с низкими доходами (табл. 7). Так, после перечисления регионам трансфертов в 2012 и 2013 гг. значительно сократилось количество, а в 2014—2018 гг. вообще не осталось регионов с душевыми бюджетными доходами ниже 30 тыс. руб., в 2019 г. во всех регионах бюджетные доходы на душу населения после перечисления трансфертов составляли свыше 40 тыс. руб., а в 2020 г. — свыше 50 тыс. руб.

До поступления средств из федерального бюджета субъектам Федерации модальным интервалом для доходов на душу населения был интервал от 20 до 30 тыс. руб. в 2012—2014 гг., от 30 до 40 тыс. руб. — в 2015—2016 гг. и от 40 до 50 тыс. руб. — в 2017—2018 гг. и от 50 до

60 тыс. руб. — в 2020 г. После перечисления регионам трансфертов из федерального бюджета для 2012 г. модальным стал интервал от 30 до 40 тыс. руб., в 2013—2017 гг. — от 40 до 50 тыс. руб., в 2018 г. — от 50 до 60 тыс. руб., в 2019 и 2020 гг. — от 60 до 70 тыс. руб.

Таблица 7

Распределение регионов Российской Федерации по величине полученных и располагаемых доходов в 2012—2020 гг., единиц

Distribution of the regions of the Russian Federation by the amount of received and disposable income in 2012—2020, units

Доход на душу населения, тыс. руб.	2012		2013		2014		2015		2016		2017		2018		2019		2020	
	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД
0—10	3	0	3	0	3	0	3	0	1	0	1	0	0	0	1	0	0	0
10—20	9	0	7	0	6	0	7	0	7	0	4	0	5	0	4	0	5	0
20—30	29	2	23	1	24	0	18	0	15	0	14	0	9	0	3	0	2	0
30—40	18	32	22	27	22	22	24	16	21	10	19	4	16	1	20	0	20	0
40—50	8	19	12	28	12	27	13	28	18	27	20	26	16	10	15	3	15	0
50—60	4	11	3	6	3	11	4	17	5	19	9	20	13	28	14	20	17	2
60—70	3	7	3	4	4	9	3	7	3	8	3	10	7	12	6	22	7	22
70—80	0	2	1	4	2	4	2	5	3	7	2	6	3	6	6	7	2	20
80—90	1	0	2	2	0	1	2	2	2	2	1	5	3	8	2	6	1	9
90—100	1	0	1	2	0	1	1	0	2	3	3	3	1	6	0	7	4	5
100—150	4	4	2	2	5	2	3	2	3	1	3	3	4	4	6	10	4	18
150—200	0	3	1	4	0	4	1	3	1	1	2	1	4	3	3	2	2	1
Свыше 200	3	3	3	3	4	4	4	5	4	7	4	7	4	7	5	8	6	8

Примечание. ПД — полученные доходы; РД — располагаемые доходы.

В целом за рассмотренный период для большинства регионов доходы на душу населения до осуществления безвозмездных перечислений находились в интервале от 20 до 50 тыс. руб., после поступления трансфертов в региональные бюджеты — в пределах 30—70 тыс. руб. в 2012—2016 гг., от 40 до 80 тыс. руб. — в 2017—2018 гг., от 50 до 150 тыс. руб. — в 2019 г. и от 60 до 150 тыс. руб. — в 2020 г. Причем в 2019 и 2020 гг. существенно возрастает количество регионов, в которых бюджетные доходы на душу населения после перечисления трансфертов из федерального бюджета составляет от 100 до 150 тыс. руб. Та-

ким образом, можно говорить о существенном увеличении абсолютного и относительного размеров средств в доходах регионов, поступающих в результате бюджетного регулирования.

Распределение субъектов Российской Федерации азиатской части по величине полученных и располагаемых бюджетных доходов говорит о том, что для этих регионов также характерно существенное увеличение бюджетных доходов после перечисления трансфертов из федерального бюджета во все годы рассматриваемого периода, причем к концу периода данное увеличение становится все более существенным (табл. 8).

Таблица 8

Распределение регионов азиатской части России по величине полученных и располагаемых доходов в 2012—2020 гг., единиц

Distribution of the regions of the Asian part of Russia by the amount of received and disposable income in 2012—2020, units

Доход на душу населения, тыс. руб.	2012		2013		2014		2015		2016		2017		2018		2019		2020	
	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД
0—10	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
10—20	2	0	2	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
20—30	5	0	3	0	4	0	3	0	2	0	4	0	2	0	1	0	1	0
30—40	5	2	5	2	4	1	5	1	5	0	2	0	3	0	3	0	3	0
40—50	2	6	4	6	5	5	4	4	3	3	4	2	2	0	3	0	3	0
50—60	2	3	2	2	2	4	2	5	3	5	4	4	4	2	3	2	4	0
60—70	1	5	1	2	0	3	1	4	2	3	1	5	2	4	2	1	1	2
70—80	0	0	0	2	1	2	0	2	0	5	1	2	2	4	3	3	2	1
80—90	1	0	2	1	0	0	1	0	0	0	0	3	1	2	0	3	0	3
90—100	1	0	1	2	0	1	1	0	2	1	1	0	0	4	0	2	2	3
100—150	3	3	1	1	4	1	2	1	2	1	3	2	2	0	3	5	2	8
150—200	0	3	1	4	0	4	1	3	1	0	1	0	3	2	3	2	2	1
Свыше 200	2	2	2	2	3	3	3	4	3	6	3	6	3	6	3	6	4	6

Примечание. ПД — полученные доходы; РД — располагаемые доходы.

Для того чтобы исключить воздействие роста среднего значения доходов региональных бюджетов после перечисления им трансфертов, полезно оценить распределение налоговых и неналоговых (полученных) доходов и совокупных (располагаемых) доходов бюджетов субъектов Российской Федерации, нормированных относительно их среднего уровня (НПД и НРД) (табл. 9).

Учитывая тот факт, что трансферты направляются практически всем субъектам Федерации, следствием чего является увеличение бюджетной обеспеченности, результаты трансфертных перечислений представляются менее целесообразными. Как следует из данных табл. 9, в течение все-

го рассмотренного периода увеличивается как количество регионов с доходами существенно выше среднего значения, так и количество регионов с самыми низкими бюджетными доходами. Особо обратим внимание на распределение нормированных относительно среднего уровня значений располагаемых доходов, т. е. доходов субъектов Федерации после перечисления средств из федерального бюджета. Группа регионов с нормированным располагаемым доходом от 20 до 70 тыс. руб. на душу населения оказалась самой малочисленной по сравнению с высокодоходной и низкодоходной группами.

Таблица 9

Распределение регионов Российской Федерации по величине нормированных относительно среднего значения показателей полученных и располагаемых доходов в 2012—2020 гг., единиц
Distribution of the regions of the Russian Federation by the value of the normalized relative to the average value of the indicators of received and disposable income in 2012—2020, units

Доход на душу населения, тыс. руб.	2012		2013		2014		2015		2016		2017		2018		2019		2020	
	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД
Менее –30	7	10	7	9	9	29	21	31	18	33	22	37	30	49	34	53	35	54
от –30 до –20	17	28	18	37	24	25	22	28	22	21	18	18	16	8	15	6	16	5
от –20 до –10	24	21	27	16	22	6	20	6	20	9	18	7	13	5	11	8	10	4
от –10 до 0	17	6	13	3	12	9	6	6	7	7	9	7	7	9	6	2	6	3
0—10	5	6	4	4	3	4	2	2	2	3	3	2	3	0	3	4	1	3
10—20	2	2	4	3	4	1	2	2	4	3	2	3	3	3	2	1	4	5
20—30	2	0	1	2	2	1	3	1	2	0	2	2	1	1	1	1	1	2
30—40	0	0	2	0	0	0	0	0	2	0	2	0	3	0	2	0	1	0
40—50	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	2	1	2	0
50—60	1	0	1	2	3	1	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	0
60—70	4	3	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
70—80	1	0	2	0	1	0	2	0	1	2	1	0	1	0	1	1	0	1
80—90	1	1	0	0	0	1	0	0	2	0	1	1	0	0	1	0	1	0
90—100	1	1	0	1	1	0	0	1	0	0	1	0	0	2	1	1	0	0
100—150	0	2	1	3	0	3	1	3	1	2	1	1	4	0	2	1	2	1
150—200	2	1	1	1	2	0	1	1	0	1	1	3	0	3	0	2	1	1
Свыше 200	1	2	2	2	2	4	3	3	4	4	3	3	4	4	4	4	4	6

Примечание. НПД — нормированные относительно среднего значения полученные доходы; НРД — нормированные относительно среднего значения располагаемые доходы.

Аналогичные выводы можно сделать для регионов азиатской части России (табл. 10). Количество субъектов Федерации в средних группах в течение всего периода уменьшается, при том что число территорий в крайних группах увеличива-

ется. Особо отметим, что более половины регионов начиная с 2014 г. по показателям нормированных относительно среднего значения полученных и располагаемых бюджетных доходов находятся в самой крайней группе.

Таблица 10

Распределение регионов азиатской части России по величине нормированных относительно среднего значения показателей полученных и располагаемых доходов в 2012—2020 гг., единиц
Distribution of the regions of the Asian part of Russia by the value of the normalized relative to the average value of the indicators of received and disposable income in 2012-2020, units

Доход на душу населения, тыс. руб.	2012		2013		2014		2015		2016		2017		2018		2019		2020	
	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД
Менее –30	8	14	9	12	14	15	15	16	14	17	14	16	15	16	15	17	15	17
от –30 до –20	6	2	5	3	2	1	1	1	2	0	1	1	1	0	0	0	1	0
от –20 до –10	2	0	2	1	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0
от –10 до 0	1	0	1	1	1	1	0	0	2	0	0	0	0	1	0	1	1	1
0—10	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	2	1	1	0	1	0	1	0
10—20	1	0	2	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
20—30	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Доход на душу населения, тыс. руб.	2012		2013		2014		2015		2016		2017		2018		2019		2020	
	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД
30—40	1	2	1	0	0	1	2	0	0	0	1	0	1	1	1	0	1	0
40—50	1	1	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0
50—60	1	0	0	1	0	0	0	1	1	0	1	0	0	0	1	0	1	0
60—70	0	1	0	0	1	2	1	1	1	0	1	0	2	0	0	1	0	0
70—80	1	2	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1	1	0	1	0	0	0
80—90	0	0	0	2	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
90—100	0	0	0	1	0	0	0	0	0	2	0	0	0	1	0	0	0	0
100—150	1	0	2	0	1	0	0	1	0	0	0	3	0	2	0	2	1	1
150—200	1	1	1	1	1	1	1	0	1	2	2	0	2	1	0	0	0	2
Свыше 200	0	1	0	1	1	2	2	2	2	1	1	2	1	2	3	3	3	2

Примечание. НПД — нормированные относительно среднего значения полученные доходы; НРД — нормированные относительно среднего значения располагаемые доходы.

Для количественной оценки уровня дифференциации по доходам бюджетов регионов были рассчитаны индекс Джини и коэффициент фондов. Значения данных показателей вычислены для

налоговых и неналоговых (полученных) и совокупных (располагаемых) доходов бюджетов субъектов Российской Федерации (табл. 11).

Таблица 11

Коэффициент фондов и индекс Джини для бюджетных доходов субъектов Российской Федерации
The coefficient of funds and the Gini index for budget revenues of the subjects of the Russian Federation

Год	Коэффициент фондов			Индекс Джини		
	ПД	РД	Разность	ПД	РД	Разность
2012	14,37	6,99	7,38	40,85	34,31	6,54
2013	13,73	7,11	6,62	40,23	34,74	5,49
2014	14,38	7,55	6,83	42,70	36,88	5,82
2015	16,12	8,31	7,81	45,98	38,53	7,45
2016	12,90	7,68	5,22	41,75	36,81	4,94
2017	12,74	7,56	5,18	41,34	36,64	4,70
2018	13,31	7,90	5,41	42,31	37,78	4,53
2019	13,65	8,51	5,14	43,06	39,79	3,27
2020	13,12	6,97	6,15	42,56	36,01	6,55

Примечание. ПД — полученные доходы; РД — располагаемые доходы

Оба коэффициента снижаются после распределения трансфертов, что говорит о сокращении межрегиональных различий. Однако выравнивающий эффект снизился в целом за период, разность между значениями коэффициентов для полученных и располагаемых доходов существенно уменьшилась. Акцент на сглаживание был усилен

в 2015 г., затем произошло значительное сокращение разности.

Значения коэффициента фондов и индекса Джини для регионов азиатской части России показывает, что динамика коэффициента фондов аналогична ситуации, наблюдаемой для всех регионов Российской Федерации (табл. 12).

Таблица 12

Коэффициент фондов и индекс Джини для бюджетных доходов субъектов азиатской части России
The coefficient of funds and the Gini index for budget revenues of the subjects of the Asian part of Russia

Год	Коэффициент фондов			Индекс Джини		
	ПД	РД	Разность	ПД	РД	Разность
2012	13,43	8,15	5,28	42,35	37,48	4,87
2013	13,32	8,05	5,27	42,76	37,98	4,78
2014	14,94	9,05	5,89	45,53	41,51	4,02
2015	19,76	12,75	7,01	50,27	45,60	4,67
2016	15,16	11,61	3,55	45,98	44,82	1,16
2017	13,39	10,85	2,54	43,27	42,99	0,28
2018	13,34	11,19	2,15	43,27	43,28	–0,01
2019	14,30	14,25	0,05	45,25	47,14	–1,89
2020	15,05	11,12	3,93	46,88	43,43	3,45

Примечание. ПД — полученные доходы; РД — располагаемые доходы

Однако следует отметить, что динамика индекса Джини отличаются. В частности, для 2018 и 2019 гг. характерно увеличение данного показателя для располагаемых доходов по сравнению с полученными доходами, т. е. можно сделать вывод о возрастающей дифференциации бюджетной обеспеченности регионов азиатской части Российской Федерации после перечисления им трансфертов из федерального бюджета.

Заключение

Существующая в Российской Федерации система государственного управления отличается неравными отношениями между центром и регионами, имеет место жесткое доминирование вертикали власти. Одним из элементов высокой централизации является концентрация финансовых ресурсов и активная трансфертная деятельность.

Проведенный эмпирический анализ результатов бюджетной субфедеральной политики не выявил существенных отличий ситуации в азиатской части по сравнению с Россией в целом. Предпринимаемые масштабные вертикальные перераспределения федерального центра приводят к некоторому сокращению дифференциации в бюджетной обеспеченности регионов, но получаемый эффект не соответствует объемам задействованных ресурсов. Оценки динамики подтверждают, что субфедеральная бюджетная политика не решила проблему высокого межрегионального

неравенства в России, различия остаются достаточно высокими и тенденция к их снижению не наблюдается. Через трансферты идет возвращение финансовых средств в регионы с вкладом влияния переговоров с федеральным центром.

Структура источников доходов региональных бюджетов очень сильно различается, выявлено большое число субъектов Федерации, чья доходная база является неустойчивой и зависит от трансфертов из федерального центра. Это затрудняет разработку региональными властями долгосрочных программ развития, так как бюджетные ресурсы их реализации оказываются неопределенными. Следует признать, что сегодня распределение трансфертов не служит цели выравнивания бюджетной обеспеченности регионов. В значительной мере перечисление финансовых средств в субъекты Федерации, определяется влиянием переговоров с федеральными властями и приоритетами центрального правительства.

Излишняя централизация государственного управления, узкие полномочия региональных властей и, как следствие, отсутствие базы для конкуренции в институциональном дизайне между субфедеральными правительствами препятствуют развитию инициативы. Большая зависимость региональных финансов от федерального центра ограничивает горизонты перспективных планов территории, ставя под сомнение их обеспеченность ресурсами и реализуемость.

Список источников

1. Масгрейв Р. А., Масгрейв П. Б. Государственные финансы: теория и практика. М. : Бизнес Атлас, 2009. 708 с.
2. Oates W. An essay on fiscal federalism // Journal of Economic Literature. 1999. Vol. 37, no. 3. P. 1120—1149.
3. Oates W. E. On the evolution of fiscal federalism: Theory and institutions // National Tax Journal. 2008. Vol. LXI, no. 2. P. 313—334.
4. Shah A., Boadway R. Fiscal federalism: Principles and practices of multi-order governance. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 628 p.
5. Kollman K., Miller J. H., Page S. E. Political Institutions and Sorting in a Tiebout Model // The American Economic Review. 1997. Vol. 87, no. 5. P. 977—992.
6. Tiebout C. M. A pure theory of local expenditures // Journal of Political Economy. 1956. Vol. 64, no. 5. P. 416—424.
7. Levaggi R. Decentralized Budgeting Procedures for Public Expenditure // Public Finance Review. 2002. Vol. 30, no. 4. P. 273—295.
8. McLure C. E. Administrative Considerations in the Design of Regional Tax Incentives // National Tax Journal. 1980. Vol. 33, no. 2. P. 248—256.
9. Bahl R., Puryear D. Regional Tax Base Sharing: Possibilities and Implications // National Tax Journal. 1976. Vol. 29, no. 3. P. 328—335.
10. Oates W., Schwab M. The Allocative and Distributive Implications of Local Fiscal Competition / ed. D. A. Kenyon, J. Kincaid // Competition Among States and Local Governments. Washington : The Urban Institute Press, 1991. P. 127—145.
11. Wildasin D. Interjurisdictional Capital Mobility: Fiscal Externalities and a Corrective Subsidy // Journal of Urban Economics. 1989. Vol. 25. P. 193—212.
12. Wilson J. D. A Theory of Interregional Tax Competition // Journal of Urban Economics. 1986. Vol. 19. P. 296—345.
13. Peterson P. E. The Price of Federalism. Washington, D.C. : The Brookings Institution, 1995. 239 p.
14. Hueglin T., Fenna A. Comparative federalism: a systematic inquiry. Quebec city : Broadview press, 2006. 390 p.
15. Nemec J., Wright G. Public Finance. Theory and practice in Central European transition. Bratislava : NISPAcee, 1997. 458 p.
16. Wallack J., Spinivasan T. N. Federalism and economic reform. International perspectives. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 516 p.
17. Zhuravskaya E. Federalism in Russia. Russia after the global economic crisis. Washington, D.C. : Peterson Institute for International Economics, 2010. P. 59—77.
18. Климанов В. В., Коротких А. М. Распределение межбюджетных трансфертов: теоретические предпосылки и российская практика // Финансовый журнал. 2016. № 5. С. 7—15.
19. Климанов В. В., Лавров А. М. Межбюджетные отношения в России на современном этапе // Вопросы экономики. 2004. № 11. С. 111—125.
20. Лавров А. М. Бюджетная реформа в России. От управления затратами к управлению результатами. М. : Ком-Книга, 2005. 555 с.

21. Пчелинцев О. С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М. : Наука, 2004. 258 с.
22. Христенко В. Б. Межбюджетные отношения и управление региональными финансами: опыт, проблемы, перспективы. М. : Дело, 2002. 606 с.
23. Голованова Н. В., Домбровский Е. А. Федеральный центр и регионы: изменение разграничения полномочий в 2005—2015 годах // Финансовый журнал. 2016. № 2. С. 41—51.
24. Горлова О. С. Бюджетная политика Российской Федерации в области доходов бюджетов: совершенствование механизма реализации // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10—2. С. 431—435.
25. Чернявский А. Проблемы сбалансированности региональных бюджетов // Финансы. 2015. № 8. С. 15—21.
26. Акиндинова Н., Чернявский А., Чепель А. Региональные бюджеты в условиях кризиса: можно ли достичь сбалансированности? // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 31—48.
27. Арлашкин И. Ю., Дерюгин А. Н., Прока К. А. Разграничение полномочий между уровнями власти в Российской Федерации: бюджетные аспекты // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 4. С. 85—93.
28. Домбровский Е. А. Десять шагов к сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации // Финансы и кредит. 2015. № 37. С. 52—64.
29. Ерошкина Л. А. Развитие межбюджетных отношений и форм межбюджетных трансфертов в Российской Федерации // Казанский экономический вестник. 2015. № 4. С. 79—86.
30. Дерюгин А. Н., Назаров В. С., Мамедов А. А. Формирование консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в среднесрочной перспективе: проблемы и решения // Финансовый журнал. 2014. № 3. С. 5—19.
31. Ерошкина Л. А. Стратегические направления развития межбюджетных отношений в Российской Федерации // Финансы. 2016. № 7. С. 7—15.
32. Климанов В. В., Михайлова А. А. Межбюджетные отношения: последние тенденции и перспективы развития // Государственный аудит. Право. Экономика. 2016. № 4. С. 31—34.
33. Хугаева М. Совершенствование межбюджетных отношений в России // Экономическая политика. 2014. № 4. С. 146—152.
34. Чернышова Н. А. Тенденции и региональные приоритеты в предоставлении межбюджетных трансфертов в последнее десятилетие // Общественные финансы. 2016. № 2. С. 48—72.
35. Бухарский В. В., Лавров А. М. Оценка выравнивающего и стимулирующего эффектов межбюджетных трансфертов субъектам РФ // Финансовый журнал. 2017. № 1. С. 9—21.
36. Проблемы межбюджетных отношений в России / А. А. Мамедов, В. С. Назаров, А. Г. Силуанов, А. А. Алаев, А. В. Зарубин. М. : Институт Гайдара, 2012. 188 с.
37. Силуанов А. Г. Межбюджетные отношения в условиях развития федерализма в России. М. : Дело, 2011. 296 с.
38. Силуанов А. Г., Стародубовская И. В., Назаров В. С. Методологические подходы к оценке эффективности межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации // Экономическая политика. 2011. № 1. С. 5—22.
39. Валиева Д. Г., Боговиз А. В. Региональное неравенство в Российской Федерации и механизмы его сглаживания // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2—2. С. 350—354.
40. Михайлова А. А., Климанов В. В., Сафина А. И. Влияние межбюджетных трансфертов на экономический рост и структуру региональной экономики // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 91—103.
41. Мониторинг качества управления субнациональными общественными финансами / А. С. Бараховский, А. В. Бусарова, Е. Е. Ваксова, И. Л. Ефимов. М. : ЛЕНАНД, 2005. 112 с.
42. Коломак Е. А., Сумская Т. В. Оценка роли федеральных трансфертов в субнациональной бюджетной системе Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 2. С. 89—105.

References

1. Masgrejv R.A., Masgrejv P.B. Gosudarstvennye finansy: teorija i praktika [Public finances: theory and practice]. Moscow, Biznes Atlas, 2009, 708 p.
2. Oates W. An essay on fiscal federalism, *Journal of Economic Literature*, 1999, vol. 37, no. 3, pp. 1120—1149.
3. Oates W.E. On the evolution of fiscal federalism: Theory and institutions, *National Tax Journal*, 2008, vol. LXI, no. 2, pp. 313—334.
4. Shah A., Boadway R. Fiscal federalism: Principles and practices of multi-order governance. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, 628 p.
5. Kollman K., Miller J.H., Page S.E. Political Institutions and Sorting in a Tiebout Model, *The American Economic Review*, 1997, vol. 87, no. 5, pp. 977—992.
6. Tiebout C.M. A pure theory of local expenditures, *Journal of Political Economy*, 1956, vol. 64, no. 5, pp. 416—424.
7. Levaggi R. Decentralized Budgeting Procedures for Public Expenditure, *Public Finance Review*, 2002, vol. 30, no. 4, pp. 273—295.
8. McLure C.E. Administrative Considerations in the Design of Regional Tax Incentives, *National Tax Journal*, 1980, vol. 33, no. 2, pp. 248—256.
9. Bahl R., Puryear D. Regional Tax Base Sharing: Possibilities and Implications, *National Tax Journal*, 1976, vol. 29, no. 3, pp. 328—335.
10. Oates W., Schwab M. The Allocative and Distributive Implications of Local Fiscal Competition, *Competition Among States and Local Governments*. Washington, The Urban Institute Press, 1991, pp. 127—145.
11. Wildasin D. Interjurisdictional Capital Mobility: Fiscal Externalities and a Corrective Subsidy, *Journal of Urban Economics*, 1989, vol. 25, pp. 193—212.
12. Wilson J.D. A Theory of Interregional Tax Competition, *Journal of Urban Economics*, 1986, vol. 19, pp. 296—345.
13. Peterson P.E. The Price of Federalism. Washington, D.C., The Brookings Institution, 1995, 239 p.
14. Hueglin T., Fenna A. Comparative federalism: a systematic inquiry. Quebec city, Broadview press, 2006, 390 p.
15. Nemec J., Wright G. Public Finance. Theory and practice in Central European transition. Bratislava, NISPAcee, 1997, 458 p.

16. Wallack J., Spinivasan T.N. Federalism and economic reform. International perspectives. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, 516 p.
17. Zhuravskaya E. Federalism in Russia. Russia after the global economic crisis. Washington, D.C., Peterson Institute for International Economics, 2010. R. 59—77.
18. Klimanov V.V., Korotkih A.M. Raspreделение mezhbjudzhetnyh transfertov: teoreticheskie predposylki i rossijskaja praktika [Distribution of inter-budget transfers: theoretical background and Russian practice], *Finansovyy zhurnal [Financial Journal]*, 2016, no. 5, pp. 7—15.
19. Klimanov V.V., Lavrov A.M. Mezhhjudzhetnye otnoshenija v Rossii na sovremennom jetape [Inter-budgetary relations in Russia at the present stage], *Voprosy jekonomiki [Economic issues]*, 2004, no 11, pp. 111—125.
20. Lavrov A.M. Bjudzhetnaja reforma v Rossii. Ot upravlenija zatratami k upravleniju rezul'tatami [Budget reform in Russia. From cost management to results management]. Moscow, KomKniga, 2005, 555 p.
21. Pchelincev O.S. Regional'naja jekonomika v sisteme ustojchivogo razvitiya [Regional economy in the system of sustainable development]. Moscow, Nauka, 2004, 258 p.
22. Hristenko V.B. Mezhhjudzhetnye otnoshenija i upravlenie regional'nymi finansami: opyt, problemy, perspektivy [Regional economy in the system of sustainable development]. Moscow, Delo, 2002, 606 p.
23. Golovanova N.V., Dombrovskij E.A. Federal'nyj centr i regiony: izmenenie razgranichenija polnomochij v 2005—2015 godah [Federal Center and regions: changing borders in 2005-2015], *Finansovyy zhurnal [Financial Journal]*, 2016, no. 2, pp. 41—51.
24. Gorlova O.S. Bjudzhetnaja politika Rossijskoj Federacii v oblasti dohodov bjudzhetov: sovershenstvovanie mehanizma realizacii [Budget policy of the Russian Federation in the field of budget revenues: improvement of the realizacii mechanism], *Jekonomika i predprinimatel'stvo [Economics and entrepreneurship]*, 2015, no. 10—2, pp. 431—435.
25. Chernjavskij A. Problemy sbalansirovannosti regional'nyh bjudzhetov [Problems of balancing regional budgets], *Finansy [Finance]*, 2015, no. 8, pp. 15—21.
26. Akindinova N., Chernjavskij A., Chepel' A. Regional'nye bjudzhetny v uslovijah krizisa: mozžno li dostich' sbalansirovannosti? [Regional budgets in a crisis: is it possible to achieve balance?], *Voprosy jekonomiki [Economic issues]*, 2016, no. 10, pp. 31—48.
27. Arlashkin I.Ju., Derjugin A.N., Proka K.A. Razgranichenie polnomochij mezhdu urovnjami vlasti v Rossijskoj Federacii: bjudzhetnye aspekty [Differentiation of powers between levels of government in the Russian Federation: budgetary aspects], *Nauchno-issledovatel'skij finansovyy institut. Finansovyy zhurnal [Financial Research Institute. Financial Journal]*, 2015, no. 4, pp. 85—93.
28. Dombrovskij E.A. Desjat' shagov k sbalansirovannosti bjudzhetov sub#ektov Rossijskoj Federacii [Ten steps to balance the budgets of the subjects of the Russian Federation], *Finansy i kredit [Finance and credit]*, 2015, no. 37, pp. 52—64.
29. Eroshkina L.A. Razvitie mezhbjudzhetnyh otnoshenij i form mezhbjudzhetnyh transfertov v Rossijskoj Federacii [Development of inter-budgetary relations and forms of inter-budgetary transfers in the Russian Federation], *Kazanskij jekonomicheskij vestnik [Kazan Economic Bulletin]*, 2015, no. 4, pp. 79—86.
30. Derjugin A.N., Nazarov V.S., Mamedov A.A. Formirovanie konsolidirovannyh bjudzhetov sub#ektov Rossijskoj Federacii v srednesrochnoj perspektive: problemy i reshenija [Formation of consolidated budgets of the subjects of the Russian Federation in the medium term: problem and solutions], *Finansovyy zhurnal [Financial Journal]*, 2014, no. 3, pp. 5—19.
31. Eroshkina L.A. Strategicheskie napravlenija razvitiya mezhbjudzhetnyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii [Strategic directions of development of inter-budgetary relations in the Russian Federation], *Finansy [Finance]*, 2016, no. 7, pp. 7—15.
32. Klimanov V.V., Mihajlova A.A. Mezhhjudzhetnye otnoshenija: poslednie tendencii i perspektivy razvitiya [Inter-budgetary relations: recent trends and development prospects], *Gosudarstvennyj audit. Pravo. Jekonomika [State audit. Right. Economy]*, 2016, no. 4, pp. 31—34.
33. Hugaeva M. Sovershenstvovanie mezhbjudzhetnyh otnoshenij v Rossii [Improving inter-budgetary relations in Russia], *Jekonomicheskaja politika [Economic policy]*, 2014, no. 4, pp. 146—152.
34. Chernyshova N.A. Tendencii i regional'nye prioritety v predostavlenii mezhbjudzhetnyh transfertov v poslednee desjatiletie [Tendencies and regional priorities in the provision of inter-budget transfers in the last decade], *Obshhestvennye finansy [Public finance]*, 2016, no. 2, pp. 48—72.
35. Buharskij V.V., Lavrov A.M. Ocenka vyравnivajushhego i stimulirujushhego jeffektov mezhbjudzhetnyh transfertov sub#ektam RF [Assessment of the leveling and stimulating effects of inter-budget transfers to the subjects of the Russian Federation], *Finansovyy zhurnal [Financial Journal]*, 2017, no. 1, pp. 9—21.
36. Mamedov A.A., Nazarov V.S., Siluanov A.G., Alaev A.A., Zarubin A.V. Problemy mezhbjudzhetnyh otnoshenij v Rossii [Problems of inter-budgetary relations in Russia]. Moscow, Institut Gajdara, 2012, 188 p.
37. Siluanov A.G. Mezhhjudzhetnye otnoshenija v uslovijah razvitiya federalizma v Rossii [Inter-budgetary relations in the context of the development of federalism in Russia]. Moscow, Delo, 2011, 296 p.
38. Siluanov A.G., Starodubrovskaja I.V., Nazarov V.S. Metodologicheskie podhody k ocenke jeffektivnosti mezhbjudzhetnyh otnoshenij v sub#ektah Rossijskoj Federacii [Methodological approaches to assessing the effectiveness of inter-budgetary relations in the subjects of the Russian Federation], *Jekonomicheskaja politika [Economic policy]*, 2011, 1, pp. 5—22.
39. Valieva D.G., Bogoviz A.V. Regional'noe neravenstvo v Rossijskoj Federacii i mehanizmy ego sglazhivaniya [Regional inequality in the Russian Federation and its smoothing mechanisms], *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Altai State University]*, 2011, no. 2—2, pp. 350—354.
40. Mihajlova A.A., Klimanov V.V., Safina A.I. Vlijanie mezhbjudzhetnyh transfertov na jekonomicheskij rost i strukturu regional'noj jekonomiki [The impact of inter-budget transfers on economic growth and the structure of the regional economy], *Voprosy jekonomiki [Economic issues]*, 2018, no. 1, pp. 91—103.
41. Barahovskij A.C., Busarova A.B., Vaksova E.E., Efimov I.L. Monitoring kachestva upravlenija subnacional'nymi obshhestvennymi finansami [Monitoring the quality of management of subnational public finances]. Moscow, LENAND, 2005, 112 p.
42. Kolomak E.A., Sumskaja T.V. Ocenka roli federal'nyh transfertov v subnacional'noj bjudzhetnoj sisteme Rossijskoj Federacii [Assessment of the role of federal transfers in the subnational budget system of the Russian Federation], *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 89—105.

Информация об авторах

Коломак Евгения Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru

Сумская Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru

Information about the authors

Evgeniya A. Kolomak — Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru

Tatiana V. Sumskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru

Статья поступила в редакцию 14.05.2022; одобрена после рецензирования 25.06.2022; принята к публикации 12.07.2022.

The article was submitted 14.05.2022; approved after reviewing 25.06.2022; accepted for publication 12.07.2022.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Илья Николаевич Карелин

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Российская Федерация, karelin@corp.nstu.ru

Аннотация. Целью настоящей работы является оценка человеческого капитала и эффективности его использования на основе показателей средней и предельной производительности в регионах России. Оценка человеческого капитала произведена с учетом наличия цифровых компетенций, необходимых для современной экономики. Средняя производительность человеческого капитала определяется как отношение валового регионального продукта на одного занятого к показателю человеческого капитала. Предельная производительность человеческого капитала определяется как отношение относительного изменения валового регионального продукта на одного занятого к абсолютному изменению человеческого капитала. На основе полученных результатов охарактеризована региональная дифференциация эффективности использования человеческого капитала и предложены рекомендации по ее снижению.

Ключевые слова: человеческий капитал, уровень человеческого капитала, средняя эффективность человеческого капитала, предельная эффективность человеческого капитала, цифровые компетенции, регионы России

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках реализации программы развития НГТУ, научный проект № С22-19.

Для цитирования: Карелин И. Н. Оценка эффективности использования человеческого капитала в регионах России // Развитие территорий. 2022. № 3. С. 43—53. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-43-53.

Economic research

Original article

ASSESSMENT OF THE EFFICIENCY OF HUMAN CAPITAL USE IN THE REGIONS OF RUSSIA

Ilya N. Karelin

Novosibirsk state technical university, Novosibirsk, Russian Federation, karelin@corp.nstu.ru

Abstract. The purpose of this work is to evaluate human capital and its efficiency based on the indicators of average and marginal productivity in the regions of Russia. The assessment of human capital was made by taking into account the presence of digital competencies necessary for the modern economy. The average productivity of human capital is defined as the ratio of the gross regional product per employee to the indicator of human capital. The marginal productivity of human capital is defined as the ratio of the relative change in the gross regional product per employee to the absolute change in human capital. Based on these results, the regional differentiation of the efficiency of the utilisation of human capital is characterized and recommendations for its reduction are proposed.

Keywords: human capital, level of human capital, average efficiency of human capital, marginal efficiency of human capital, digital competencies, regions of Russia

Acknowledgements: the study was carried out with financial support as part of the implementation of the NSTU development program, scientific project No. C22-19.

For citation: Karelin I.N. Assessment of the efficiency of Human Capital Use in the Regions of Russia. Territory Development. 2022;(3):43—53. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-43-53.

Понятие человеческого капитала в цифровой экономике и эффективности его использования

В начале 1960-х гг. теория человеческого капитала (ЧК) получила дополнительные стимулы для своего развития. Этому способствовали два важных явления в области макроэкономики. Во-первых, как отмечал Г. С. Беккер, значительная часть экономического роста США не объяснялась исключительно традиционными для того времени экономическими факторами, такими как труд, земля и капитал. Во-вторых, существенная

часть роста личных доходов коррелировала с повышением уровня образования [1].

Я. Минцер, разработав модель для изучения характера и причин неравенства в личных доходах, определил человеческий капитал как формальное обучение и навыки, которые существенно влияют на личные доходы [2, с. 299]. Т. Шульц, основатель современной теории человеческого капитала, обобщил свой опыт в области экономики сельского хозяйства и выявил пять основных категорий человеческой деятельности, которые ведут к улучшению человеческих возможностей и, соответственно, человеческого ка-

питала: медицинские услуги, обучение на рабочем месте, формальное образование, повышение квалификации трудоспособного населения, трудовая миграция [3, с. 9]. Г. С. Беккер определил ЧК как уровень образования, профессиональной подготовки, медицинского обслуживания, которые получает человек при сопоставлении доходов и затрат от их использования [4]. С. Фабрикант изучал производительность труда в США с 1889 по 1957 г. В ходе своего анализа он определил ЧК общества как совокупность всех усовершенствований в фундаментальной науке, технологиях, управлении бизнесом, образовании и обучении, которые способствуют производству [5, с. 22].

В начале 1990-х гг. российские ученые и экономисты стали активно включаться в мировые исследовательские программы, в том числе и в исследование проблем человеческого капитала.

В. И. Марцинкевич одним из первых российских экономистов выделил возрастающую роль человеческого капитала и обосновал неизбежность смещения рекомендаций по улучшению эффективности функционирования экономики в сторону выработки мер и предложений в сфере занятости трудоспособного населения, например по профессиональному отбору, обучению, совершенствованию условий труда [6]. А. И. Добрынин, С. А. Дятлов и Е. Д. Цыренова определили человеческий капитал как специально приобретенный и накопленный индивидом уровень физического здоровья, профессиональных знаний, навыков, способностей, мотиваций, используемых им в различных областях экономической деятельности и способствующих росту общей производительности труда [7]. Б. М. Генкин определяет человеческий капитал как набор характеристик человека, которые приносят доход как его владельцу, так и членам его семьи, работодателю и государству в целом. К таким характеристикам автор относит состояние здоровья, природные способности, образование, профессиональные качества, способность к оперативной смене места занятости [8]. Коллектив авторов под руководством Л. И. Абалкина определяет человеческий капитал как «сумму врожденных способностей, общего и специального образования, приобретенного профессионального опыта, творческого потенциала, морально-психологического и физического здоровья, мотивов деятельности, обеспечивающих возможность приносить доход» [9, с. 21]. К недостаткам данных подходов можно отнести неопределенность в выборе конкретных характеристик ЧК и их мер. К преимуществам можно отнести то, что предлагаются к использованию немонетарные характеристики, которые легко поддаются межрегиональному и временному сравнению.

В последнее время важное значение обретает способность занятого населения использовать новые технологии в своей деятельности. В России активно происходит цифровизация всех сфер жизни населения. В Указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Рос-

сийской Федерации на 2017—2030 гг.» основной целью признается создание условий для формирования в Российской Федерации общества знаний, которое должно способствовать, в частности, формированию цифровой экономики. Т. С. Колмыкова и А. В. Зеленов отмечают, что масштабные процессы, связанные с цифровизацией экономической деятельности и индустриальной революцией 4.0, указывают на необходимость создания человеческого капитала качественно нового формата [10].

Для того чтобы люди могли воспользоваться возможностями, предоставляемыми экономикой знаний, им нужен доступ к компьютерам, обучение соответствующим навыкам и техническая поддержка. Экономисты обнаружили, что активные инвестиции в человеческий капитал со стороны государства в итоге способствуют внедрению новых и передовых технологий. Как следствие, в более образованных странах быстрее происходит адаптация новых технологий в хозяйственной деятельности организаций [11].

За основу для определения ЧК был взят подход Н. А. Шепелевой и О. А. Акулова [12], которые рассматривают ЧК как шестикомпонентную структуру, состоящую из капитала здоровья, компетентности, культуры, творчества, мотивации и благонадежности. В авторском подходе предлагается расширить структуру человеческого капитала путем добавления седьмого компонента — капитала цифровых компетенций. Основанием для этого станут два взаимосвязанных тезиса. Во-первых, владение цифровыми компетенциями становится все более важным инструментом в повседневной жизни, поскольку реализует способности людей быть производительными, образованными и критически мыслящими как на индивидуальном уровне, так и на уровне сообщества. Во-вторых, неиспользование цифровых технологий следует трактовать более серьезно, чем просто как проблему подключения к сети Интернет, так как оно связано со снижением социальной и экономической активности человека и общества в целом.

Как видно из представленного анализа, концепция ЧК неотделима от тезиса о его применении в экономической деятельности.

На основе исследования различий в накопленных с момента трудоустройства личных доходах выпускников колледжей в Соединенных Штатах Г. С. Беккер определил эффективность национальных расходов на высшее образование [1]. Его методология заключалась в сравнении личных доходов выпускников колледжей с доходами выпускников средней школы. Различия в доходах между этими двумя группами объяснялись затратами на обучение в них. Благодаря этому факту Г. С. Беккер смог получить оценку нормы прибыли от инвестиций в образование в колледже.

На макроэкономическом уровне становление данного метода связано с работами Н. Г. Мэнкью, Д. Ромера, Д. Вейла [13], Р. Холла и Ч. Джонса [14]. Данные авторы использовали стандартную производственную функцию Кобба — Дугласа

для оценки коэффициента эластичности, который является степенью при переменной человеческого капитала. Р. Холл явно называет коэффициент при показателе используемого человеческого капитала эффективностью его использования.

В этой статье под эффективностью использования ЧК подразумевается эффект от вовлечения его в экономическую деятельность. Выделяется средняя и предельная эффективность ЧК. Средняя эффективность ЧК есть отношение результата (выпущенная продукция, валовой региональный продукт (ВРП) и т. п.) к использованному человеческому капиталу. Предельная эффективность оценивается как отношение прироста результата к приросту используемого ЧК.

Человеческий капитал может оцениваться на микро-, мезо- и макроуровне [15, с. 22, 33].

В данном исследовании оценивается средняя и предельная эффективность ЧК на уровне регионов (субъектов Российской Федерации) ввиду важности определения результативности проводимой региональной политики.

Уровень человеческого капитала в регионах России

За основу индикатора ЧК взят интегральный индекс, построенный с использованием шести компонентов, предложенных в работе Н. А. Шепелевой и О. А. Акулова [12], в котором уровень безработицы капитала мотивации заменен на уровень занятости, что, с нашей точки зрения, лучше отражает этот элемент ЧК. Кроме того, структура ЧК дополнена седьмым компонентом — капиталом цифровых компетенций (табл. 1).

Таблица 1

Состав человеческого капитала региона
The composition of the human capital of the region

Элемент ЧК	Показатель ЧК
1. Капитал здоровья	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет
2. Капитал компетентности	Средняя продолжительность образования экономически активного населения, лет
3. Капитал культуры	Численность зрителей театров и число посещений музеев на 1 000 человек населения, человек
4. Капитал творчества	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в расчете на 100 тыс. человек населения, человек
5. Капитал мотивации	Уровень занятости населения, %
6. Капитал благонадежности	Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек населения, единиц
7. Капитал цифровых компетенций	Индекс цифрового качества населения

В качестве показателя капитала цифровых компетенций предлагается использовать индекс цифрового качества населения (ИЦКН) [16, с. 117; 17], который рассчитывается как среднее из нормализованных значений шести показателей:

1. Отсутствие необходимости, желания пользоваться сетью Интернет (в процентах от общей численности населения в возрасте 15—72 лет, не использовавшего сеть Интернет или использовавшего более года назад).

2. Недостаток навыков для работы в сети Интернет (в процентах от общей численности населения в возрасте 15—72 лет, не использовавшего сеть Интернет или использовавшего более года назад).

3. Навыки работы населения с текстовым редактором (в процентах от общей численности населения, использующего персональный компьютер).

4. Навыки работы населения по передаче файлов между компьютером и периферийными устройствами (цифровая камера, плеер, мобильный телефон) (в процентах от общей численности населения, использующего персональный компьютер).

5. Навыки работы населения с электронными таблицами, цифровой камерой, плеером, мобильным телефоном (в процентах от общей численности населения, использующего персональный компьютер).

6. Навыки использования населением программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов

(в процентах от общей численности населения, использующего персональный компьютер).

Величина ЧК определяется на основе индикаторного подхода. Для каждого из семи элементов применялась процедура минимаксной нормализации по всем регионам за шесть рассматриваемых лет (2015—2020). В зависимости от негативного или позитивного влияния индикатора в составе ЧК для нормализации первых шести показателей используются следующие формулы [16, с. 112—113]:

1) для показателей, характеризующих положительное воздействие на ЧК

$$K_{i,r}^H = \frac{X_{i,r} - X_i^{\min}}{X_i^{\max} - X_i^{\min}};$$

2) для показателей с отрицательным воздействием

$$K_{i,r}^H = \frac{X_i^{\max} - X_{i,r}}{X_i^{\max} - X_i^{\min}},$$

где $K_{i,r}^H$ — нормализованное значение i -го показателя по r -му региону;

$X_{i,r}$ — значение i -го показателя по r -му региону;

$X_i^{\min}$ — минимальное значение i -го показателя по регионам Российской Федерации;

$X_i^{\max}$ — максимальное значение i -го показателя по регионам Российской Федерации.

Интегральная оценка человеческого капитала региона производится по формуле среднеарифметического:

$$H_r = \frac{1}{7} \sum_{i=1}^7 K_{i,r}^H.$$

Данные по ожидаемой продолжительности жизни, численности зрителей театров и числу посещений музеев, численности персонала, занятого исследованиями и разработками, уровню занятости населения, числу зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек населения были взяты из статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели 2016—2021 гг.» [18]. Средняя продолжительность образования экономически активного населения оценивалась на основе распределения по уровням образования занятого и безработного населения, которое также представлено в указанном статистическом сборнике. Данные для вычисления ИЦКН взяты из сборника «Информационное общество в Российской Федерации за 2016—2020 гг.» [19]. Расчет показателей за 2020 г. был

произведен на основании микроданных федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей [20].

Оценка ЧК с учетом цифровой компоненты, согласно данным Росстата по отдельным регионам за 2015—2020 гг. с высокими, средними и низкими показателями, демонстрирует, что стабильно высокие и стабильные позиции в пределах первых десяти мест по индексу ЧК занимают г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь, Московская, Нижегородская области, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа. Эти регионы являются городами федерального подчинения или промышленно развитыми центрами. К регионам со стабильно низкими позициями в пределах последних десяти мест за рассматриваемые периоды относятся республики Алтай, Бурятия, Дагестан, Чечня, Тыва, Хакасия, Забайкальский край и Курганская область. Эти регионы можно охарактеризовать как отстающие регионы по оценке ЧК (табл. 2).

Таблица 2

Оценка человеческого капитала по отдельным регионам Российской Федерации за 2015 и 2020 гг.
Assessment of human capital in selected regions of the Russian Federation for 2015 and 2020

Регион	2015	Место в 2015 г.	2020	Место в 2020 г.	Абсолютный прирост за 2015—2020 гг.	Место по абсолютному приросту
Московская область	0,565	5	0,543	5	–0,022	34
г. Москва	0,716	1	0,634	1	–0,081	85
г. Санкт-Петербург	0,698	2	0,619	2	–0,080	84
Республика Калмыкия	0,444	69	0,455	34	0,012	3
Краснодарский край	0,471	41	0,439	51	–0,032	56
г. Севастополь	0,515	8	0,515	6	0,001	9
Республика Дагестан	0,428	78	0,411	75	–0,017	24
Республика Ингушетия	0,449	67	0,486	9	0,036	1
Республика Северная Осетия — Алания	0,469	46	0,443	44	–0,026	40
Чеченская Республика	0,430	77	0,394	81	–0,036	59
Пермский край	0,470	43	0,442	47	–0,028	47
Нижегородская область	0,540	6	0,501	7	–0,039	64
Курганская область	0,432	75	0,390	82	–0,042	69
Ямало-Ненецкий АО	0,574	4	0,555	4	–0,019	28
Республика Алтай	0,398	83	0,407	77	0,009	4
Республика Тыва	0,356	85	0,377	85	0,021	2
Республика Хакасия	0,404	82	0,395	80	–0,010	17
Алтайский край	0,468	48	0,412	73	–0,055	81
Республика Бурятия	0,406	81	0,413	72	0,007	5
Забайкальский край	0,377	84	0,383	84	0,006	6
Камчатский край	0,530	7	0,478	11	–0,052	78
Амурская область	0,432	76	0,411	74	–0,021	30
Чукотский АО	0,601	3	0,606	3	0,004	8

По величине абсолютного прироста интегрального индекса ЧК наибольшие значения наблюдаются в республиках Ингушетия, Калмыкия, Тыва и Алтай, что можно объяснить изначально низкими показателями ЧК (эффект низкой базы). Наименьший прирост интегрального индекса ЧК был зафиксирован в Республике Чувашия, г. Москве и г. Санкт-Петербурге, что вызвано

достаточно высокими показателями ЧК в 2015 г. (эффект высокой базы). В Республике Ингушетия высокий рост ЧК обусловлен ростом ожидаемой продолжительности жизни, средней продолжительности образования и индексом цифрового качества населения, что, видимо, вызвано реализацией национальных проектов в этом регионе.

Эффективность использования человеческого капитала в субъектах Российской Федерации

Средняя эффективность использования ЧК в регионе r ($AP_{H,r}$) определяется как реальная производительность используемого труда на единицу человеческого капитала:

$$AP_{H,r} = \frac{Y_r}{L_r H_r},$$

где Y_r — реальный ВРП в ценах 2020 г. в регионе r ;

L_r — численность занятого населения в регионе r ;

H_r — показатель ЧК в регионе r ;

r — номер региона по упорядоченному списку, $r \in \{1, \dots\}$

По данным Росстата за 2015, 2020 гг., оценки средней эффективности использования ЧК в 2015 и 2020 гг. для отдельных регионов с максималь-

ными, средними и минимальными значениями показывают, что наиболее высокие значения средней эффективности ЧК в пределах от 7 830,4 до 21 973,7 тыс. руб. в 2020 г. наблюдались в Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском автономных округах, Сахалинской области, которые стабильно занимают 1—4 позиции среди всех субъектов Российской Федерации в рассматриваемых периодах (табл. 3). Низкие значения показателей в диапазоне от 573,4 до 1 069,4 тыс. руб. в 2020 г. — в Карачаево-Черкесской, Чеченской, Кабардино-Балкарской республиках и Республике Ингушетия. Эти регионы занимают 82—85 позиции в 2015 и 2020 гг. в общем списке регионов. Это распределение можно объяснить тем, что в первой группе обозначенных регионов происходит интенсивное аккумулирование и использование ЧК, а вторая группа, наоборот, характеризуется слабым экономическим развитием.

Таблица 3

Оценка средней эффективности человеческого капитала отдельных субъектов Российской Федерации в 2015, 2020 гг., тыс. руб./человек

Assessment of the average efficiency of human capital in some constituent entities of the Russian Federation in 2015, 2020, thousand rub/person

Регион	2015	Место в 2015 г.	2020	Место в 2020 г.	Абсолютный прирост за 2015—2020 гг.	Место по абсолютному приросту
Воронежская область	1 794,6	41	1 977,9	44	183,3	63
Ивановская область	1 054,1	79	1 237,5	81	183,4	62
Ярославская область	1 716,8	44	2 071,1	39	354,2	27
г. Москва	3 700,2	9	4 275,6	8	575,4	8
Ненецкий АО	24 894,6	1	21 973,7	1	-2 920,8	85
Республика Крым	998,8	80	1 325,6	78	326,8	34
Волгоградская область	1 677,4	47	1 807,6	52	130,2	70
Республика Ингушетия	727,4	85	573,4	85	-154,0	82
Кабардино-Балкарская Республика	937,1	83	921,4	84	-15,7	80
Карачаево-Черкесская Республика	967,6	82	1 069,4	82	101,8	74
Чеченская Республика	832,4	84	990,3	83	157,9	65
Удмуртская Республика	1 758,8	42	2 064,7	40	305,9	38
Чувашская Республика	978,1	81	1 298,1	79	320,0	36
Ханты-Мансийский АО	8 086,6	3	7 830,4	4	-256,2	84
Ямало-Ненецкий АО	11 479,0	2	16 130,1	2	4 651,1	1
Иркутская область	2 391,0	16	3 127,4	14	736,4	4
Кемеровская область	1 722,5	43	2 023,4	43	300,9	41
Новосибирская область	1 681,4	46	2 039,7	42	358,3	25
Республика Саха (Якутия)	4 480,3	7	4 905,0	7	424,7	17
Камчатский край	2 655,0	13	3 386,6	13	731,5	5
Магаданская область	5 110,0	6	6 860,1	5	1 750,1	2
Сахалинская область	7 794,4	4	8 505,9	3	711,5	6
Чукотский АО	5 940,8	5	6 388,9	6	448,1	15

По величине роста средней эффективности ЧК за период 2015—2020 гг. лидирующие позиции занимают Магаданская область, Ямало-Ненецкий автономный округ с разбросом значений от 1 750,1 до 4 651,1 тыс. руб./человек. Самые низкие позиции у Ханты-Мансийского и Ненецкого автономных округов с разбросом значений от -2 920,8 до -256,2 тыс. руб./человек. При этом по величине средней эффективности используемого ЧК практически все рассматриваемые регионы занимают первые позиции, и экстремальные изменения показателя объясняются более высокими базовыми значениями показателя, принятого для сравнения.

Предельная эффективность использования ЧК ($MP_{H,r}$) определяется в исследовании как отношение относительного изменения реальной производительности труда, представленной ВРП на одного занятого Y_r / L_r , к абсолютному изменению индекса ЧК (H_r):

$$MP_{H,r} = \Delta \left(\frac{Y_r}{L_r} \right) / \Delta H_r,$$

где $\Delta \left(\frac{Y_r}{L_r} \right)$ — изменение реальной производительности труда в ценах 2020 г., выраженное в виде коэффициента прироста в регионе r ;

ΔH_r — абсолютное изменение показателя ЧК в регионе r ;

r — номер региона, $r \in \{1, \dots\}$.

На практике в большинстве научных работ в качестве показателя эффективности ЧК используется предельная эффективность, оцениваемая как коэффициент в регрессионном уравнении при переменной ЧК. Одним из недостатков данного метода является то, что в этом случае предполагается одинаковая предельная эффективность

использования ЧК для всех рассматриваемых регионов, статистические данные которых используются при оценке. Эту проблему можно решить путем выбора модели, которая предполагает неоднородную эффективность использования ЧК на различных территориях, а именно модели панельных данных с фиксированными эффектами (1), которая дает возможность оценивать эффективность ЧК с учетом территориальных и временных особенностей:

$$\ln \frac{\tilde{I}_{r,t}}{L_{r,t}} = \ln A_{r,t} + \frac{\alpha}{1-\alpha} \ln \left(\frac{K_{r,t}}{Y_{r,t}} \right) + \beta H_{r,t} + \sum_{j=1}^{84} \theta_j \text{reg}_j H_{j,t} + \sum_{k=2}^6 \mu_k \text{year}_k H_{r,k} + \varepsilon_{r,t}, \quad (1)$$

где $\tilde{I}_{r,t}$ — ВРП в i -м регионе в ценах 2020 г. в году t ;

$L_{r,t}$ — численность занятых в r -м регионе в t -м году;

$A_{r,t}$ — общая факторная производительность в r -м регионе в году t , традиционно оценивается как константа в регрессионном уравнении;

α — эластичность валового регионального продукта по основным фондам;

$K_{r,t}$ — основные фонды в r -м регионе в t -м году;

$Y_{r,t}$ — ВРП r -м регионе в году t ;

β — коэффициент эффективности использования ЧК, показывающий, на сколько долей единицы растет ВРП на одного занятого при изменении продолжительности образования занятого населения на один год;

$H_{r,t}$ — показатель человеческого капитала в r -м регионе в t -м году (интерпретируется как эффективность использования ЧК в Чукотском автономном округе в 2015 г.);

θ_j — коэффициент, показывающий изменение эффективности использования ЧК в j -м регионе, т. е. на сколько долей единицы меняется коэффициент β при рассмотрении j -го региона относительно последнего региона по упорядоченному списку — Чукотского автономного округа;

reg_j — набор из 84 фиктивных переменных регионов (не вводится переменная для Чукотского автономного округа, в модели панельных данных количество фиктивных переменных территорий должно быть на один меньше количества территорий);

μ_k — коэффициент, показывающий особенности эффективности использования ЧК в рассматриваемых периодах, т. е. на сколько долей единицы меняется коэффициент β общей эффективности использования человеческого капитала в k -м периоде за 2016—2020 гг. относительно 2015 г.;

year_k — набор из пяти фиктивных переменных для каждого года с 2016 по 2020 г. (не вводится переменная для 2015 г., количество переменных на один меньше количества рассматриваемых периодов 2015—2020 гг.) [21].

Были рассчитаны коэффициенты уравнения регрессии (1) по данным за период 2015—2020 гг. Результаты вычислений предельной эффективно-

сти ЧК некоторых регионов с максимальными и минимальными значениями в 2020 г. приведены в табл. 4.

Таблица 4

Оценка предельной эффективности использования человеческого капитала в 2020 г. в отдельных регионах Российской Федерации

Assessment of the marginal efficiency of the use of human capital in 2020 in selected regions of the Russian Federation

Регион	Предельная эффективность ЧК $\beta + \theta_j + \mu_6$
Ненецкий АО	5,493
Ямало-Ненецкий АО	3,933
Сахалинская область	3,228
Ханты-Мансийский АО	3,129
Чукотский АО	2,560
Магаданская область	2,458
Республика Саха (Якутия)	2,134
г. Москва	1,851
Республика Алтай	−0,871
Республика Дагестан	−0,991
Республика Крым	−1,034
Ивановская область	−1,104

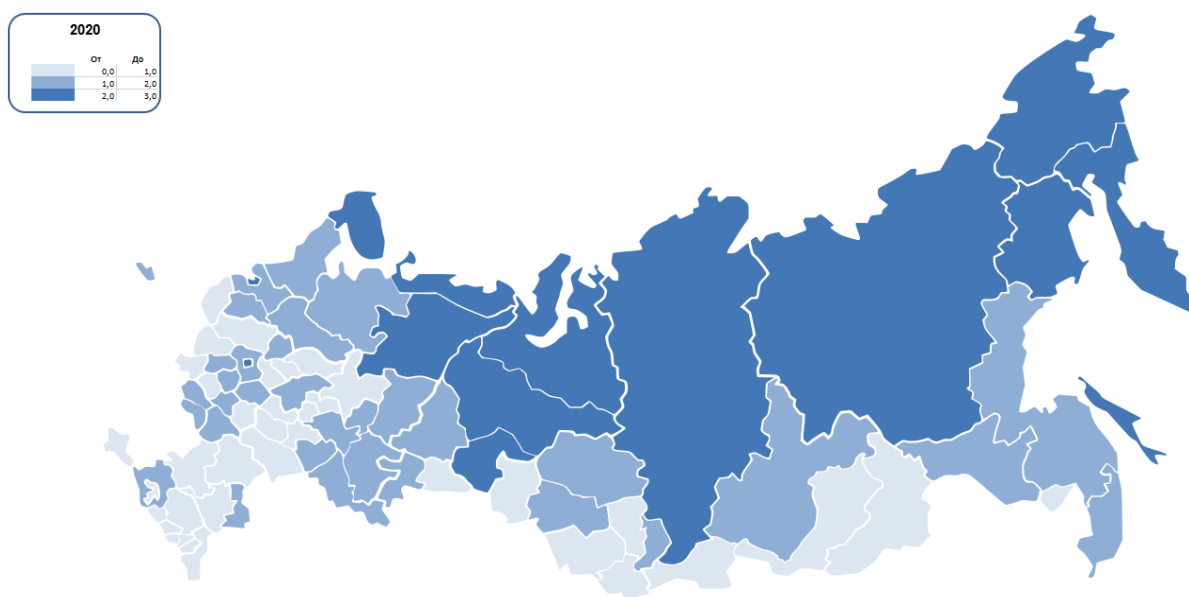
Регион	Предельная эффективность ЧК $\beta + \theta_j + \mu_6$
Карачаево-Черкесская Республика	-1,248
Кабардино-Балкарская Республика	-1,553
Чеченская Республика	-1,825
Республика Ингушетия	-2,194

Предельная эффективность $\beta + \theta_j + \mu_t$ показывает изменение реальной производительности труда в процентах при изменении индекса ЧК на 0,01 в j -м регионе в t -м периоде.

Дифференциация эффективности использования человеческого капитала в России

Для выявления групп регионов, схожих по эффективности использования ЧК, сопоставлены

регионы с показателями предельной эффективности $\beta + \theta_j + \mu_6$ ($t = 6$) и средней эффективности ЧК в j -м регионе в 2020 г. Проведена иерархическая кластеризация методом Уорда на три кластера (рисунок) с использованием евклидовой меры и стандартизацией значений в диапазоне от 0 до 1.

Распределение регионов Российской Федерации по показателям эффективности использования ЧК в 2020 г. на три кластера
Distribution of the regions of the Russian Federation by indicators of the efficiency of the use of the human capital in 2020 into three clusters

В третью группу регионов попали 38 субъектов Российской Федерации с низкими показателями региональной эффективности использования ЧК: в диапазоне от -2,194 до -0,109 % по предельной эффективности и от 573,41 до 1 695,24 руб. по средней эффективности. В этом кластере можно выделить следующие регионы с самыми низкими показателями эффективности использования человеческого капитала: Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская республики, Республика Ингушетия.

Во второй кластер попали 33 региона со средней эффективностью использования ЧК: в диапазоне от 0,043 до 0,885% по предельной эффективности и в диапазоне от 1 969,77 до 2 737,59 руб. по средней эффективности. К регионам второго кластера с самыми низкими показателям эффективность относятся Тульская, Челябинская, Рязанская области. Высокие показатели эффективности наблюдается в Республике Татарстан, Иркутской и Ленинградской областях.

В первую группу попали 14 регионов с самыми высокими показателями: средняя эффективность в пределах от 2 732,03 до 21 973,71 руб., предельная — в диапазоне от 1,203 до 5,493 %. Самые низкие показатели наблюдаются в Республике Саха (Якутия), Камчатском крае и г. Санкт-Петербурге. Самые высокие показатели — в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах.

Результаты кластеризации в виде картограммы представлены на рисунке.

Из 10 регионов Сибирского федерального округа (СФО) в третью группу с низкой эффективностью входят пять регионов (Алтайский край, республики Тыва и Алтай, Омская и Кемеровская области), во вторую группу со средней эффективностью — четыре региона (Новосибирская, Томская, Иркутская области и Республика Хакасия), в первую группу с самой высокой эффективностью попал один регион — Красноярский край. В целом регионы СФО можно охарактеризовать как регионы со средней и низкой эффективностью использования ЧК.

Из рисунка видно, что регионы третьего кластера сосредоточены в основном в Южном и Центральном федеральных округах и на юге Приволжского, Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Регионы второго кластера — это Северо-Западный, Приволжский, Сибирский, Дальневосточный федеральные округа, в первый кластер входят северные регионы Уральского, Сибирского, Дальневосточного федеральных округов.

Можно предположить, что наличие выявленной дифференциации обусловлено рядом специфических региональных факторов, например государственных, рыночных или внутриорганизационных. Применение корреляционного анализа к результатам расчетов показателей эффективности ЧК позволяет выделить социально-экономические факторы в регионах, влияющие на эффективность использования ЧК, для выработки конкретных направлений и мер государственной политики и поддержки в области его использования.

Так, на основе проанализированных работ [22—24] были отобраны факторы, влияющие на эффективность использования ЧК в регионах. Они были разделены на макроэкономические и региональные. К первым отнесены:

1) политический фактор, определяемый общественно-политическими условиями. Он определяет политические возможности региона по управлению собственным развитием и использованию всевозможных ресурсов;

2) инфляционный фактор, способствующий росту деловой активности, экономическому росту и ускорению процесса инвестирования при умеренном уровне инфляции;

3) фактор безработицы, характеризующий уровень деловой активности населения субъектов на текущий момент;

4) фактор цикличности экономики, характеризующий общее состояние роста экономики субъектов Российской Федерации.

Региональными факторами выступают:

1) социально-экономический фактор, определяемый общим состоянием социальной сферы, уровнем жизни населения и структурой экономики региона;

2) производственный фактор, материально-техническая база регионов, воплощенная в ос-

новных фондах в производственной и непроизводственной сферах;

3) демографический фактор, характеризующий возможность включения населения, его трудовых ресурсов в общественное производство;

4) инвестиционный фактор, характеризующий вложения в основные фонды, которые впоследствии формируют границы экономического роста;

5) финансовый фактор, подразумевающий финансовые ресурсы региона и возможности их привлечения;

6) институциональный фактор, обуславливающий функционирование субъектов экономической деятельности;

7) инфраструктурный фактор, характеризующий способность нормального функционирования всех региональных систем;

8) управленческий фактор, определяемый уровнем кадров, состоянием организационных форм, методов управления и т. п.;

9) предпринимательский фактор, представленный способностями общества по рациональному использованию имеющихся ресурсов в экономической деятельности;

10) социально-трудовой фактор, представленный долей занятого населения с положительной связью между полученным образованием и работой;

11) экологический фактор, под которым подразумеваются природные условия и ресурсы места проживания населения, используемые им для обеспечения своей жизнедеятельности и задействованные в материальном и нематериальном производстве регионов.

На основе официальной статистики Росстата [18], данных Единой межведомственной информационно-статистической системы, Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по выборам для каждого фактора подобраны показатели, его характеризующие, в разрезе 85 субъектов Российской Федерации за 2020 г. или по последним актуальным данным. При помощи корреляционного анализа было проверено наличие статистически значимой связи между показателями рассматриваемых факторов и показателями эффективности использования ЧК, представленными предельной и средней производительностью по данным за 2020 г. по всем 85 субъектам Российской Федерации (табл. 5).

Таблица 5

Коэффициенты корреляции показателей региональных факторов и уровня эффективности регионального человеческого капитала в 2020 г. в Российской Федерации
Correlation coefficients of indicators of regional factors and the level of efficiency of the regional human capital in 2020 in the Russian Federation

Фактор	Показатель	Коэффициент корреляции с предельной эффективностью ЧК	Коэффициент корреляции со средней эффективностью ЧК
Инвестиционный	Инвестиции в основной капитал на душу населения в 2020 г. (в фактически действовавших ценах), руб.	0,774	0,971
Производственный	Стоимость основных фондов в 2020 г. на конец года; по полной учетной стоимости, млн руб. на 1 000 человек населения	0,786	0,943

Фактор	Показатель	Коэффициент корреляции с предельной эффективностью ЧК	Коэффициент корреляции со средней эффективностью ЧК
Социально-экономический	Производство электроэнергии, млрд кВт·ч на 1 000 человек населения в 2020 г.	0,565	0,521
	Наличие посудомоечных машин в домашних хозяйствах в 2020 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; на конец года; на 100 домохозяйств), штук	0,625	0,565
	Доля ВРП, созданного предприятиями раздела В, в 2020 г.	0,795	0,749
	Среднедушевые денежные доходы населения в 2020 г., руб/мес	0,841	0,722
	Доля ВРП, созданного предприятиями раздела L, в 2020 г.	–0,540	–0,505
	Доля ВРП, созданного предприятиями раздела P, в 2020 г.	–0,645	–0,400
	Доля ВРП, созданного предприятиями раздела Q, в 2020 г.	–0,701	–0,499
Финансовый	Расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в 2020 г., млн руб. на 1 000 человек населения	0,624	0,801
Экологический	Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников в 2020 г., тыс. т на 1 000 человек населения	0,756	0,851

Таким образом, были определены факторы, влияние которых на эффективность ЧК было подтверждено эмпирическим методом. Наибольшие коэффициенты корреляции по абсолютной величине для Российской Федерации замечены с показателями среднедушевых доходов, долей ВРП, созданного предприятиями, занимающимися добычей полезных ископаемых, стоимостью основных фондов и инвестициями в основной капитал на единицу населения. В качестве рекомендации в целях сокращения дифференциации регионов по эффективности ЧК как части общей задачи снижения социально-экономической дифференциации можно предложить региональным органам власти и управления сосредоточить усилия на развитии факторов, улучшающих показатели с положительной корреляцией и сокращающих показатели с отрицательной корреляцией (см. табл. 5). Например, операциональный анализ показал, что в Новосибирской области показатели большинства факторов, влияющих на эффективность ЧК, оказались ниже среднероссийских значений в 2020 г.: производство электроэнергии (кВт·ч на 1 000 человек населения), расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации (млн руб. на 1 000 человек населения), инвестиции в основной капитал на душу населения, стоимость основных по полной учетной стоимости (млн руб. на 1 000 человек населения), доля

ВРП, созданного предприятиями раздела В, среднедушевые денежные доходы населения (руб/мес).

Выводы

1. В статье рассмотрены основные подходы к определению понятия человеческого капитала и оценке его величины. В авторском подходе расширена традиционная структура человеческого капитала добавлением компоненты капитала цифровых компетенций населения.

2. Автором введены и рассчитаны показатели средней и предельной эффективности использования человеческого капитала в регионах Российской Федерации за 2015—2020 гг. По результатам оценки средней эффективности на основе статистических данных и предельной эффективности на основе регрессионного анализа установлена значительная и схожая дифференциация регионов по этим показателям.

3. Предложена типология российских регионов по сочетанию двух показателей — средней и предельной эффективности ЧК за 2020 г., описано три типа регионов в рамках данной типологии: регионы с высокой, средней и низкой эффективностью ЧК. На основе выполненных расчетов предложены меры по сокращению дифференциации регионов по эффективности ЧК.

Список источников

1. Becker G. S. Underinvestment in college education? // The American Economic Review. 1960. No. 50. P. 346—354.
2. Mincer J. Investment in human capital and personal income distribution // The Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66. P. 281—302.
3. Schultz T. W. Investment in human capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. P. 1—17.
4. Беккер Г. Экономический взгляд на жизнь. Лекция лауреата Нобелевской премии в области экономических наук за 1992 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. 1993. Вып. 3.
5. Fabricant S. Basic facts on productivity change. N.Y. : National Bureau of Economic Research, 1959. 49 p.
6. Марцинкевич В. И., Соболева И. В. Экономика человека : [пособие для вузов]. М. : Аспект-Пресс, 1995. 286 с.
7. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб. : Наука, 1999. 309 с.

8. Генкин Б. М. Экономика и социология труда : учеб. для вузов. 5-е изд., доп. М. : НОРМА, 2003.
9. *Стратегический ответ России на вызовы нового века* : моногр. / Л. И. Абалкин, И. А. Погосов, Н. Г. Гловацкая [и др.] ; под общ. ред. Л. И. Абалкина ; Российская академия наук, Институт экономики. М. : Экзамен, 2004. 606 с.
10. Колмыкова Т. С., Зеленев А. В. Новое качество человеческого капитала в контексте цифровой трансформации экономического пространства // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2020. Т. 1, № 4. С. 4—8.
11. Ciccone A., Papaioannou E. Human Capital, the Structure of Production, and Growth // *The Review of Economics and Statistics*. 2009. Vol. 91, no. 1. P. 66—82.
12. Шепелева Н. А., Акулов А. О. Специфика развития человеческого капитала в индустриальном регионе (на примере Кемеровской области) // *Вестник НГУЭУ*. 2016. № 4. С. 253—266.
13. Mankiw N. G., Romer D., Weil D. N. A Contribution to the Empirics of Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1992. Vol. 107, no. 2. P. 408—437.
14. Hall R. E., Jones C. I. Why do some countries produce so much more output per worker than others? // *Quarterly Journal of Economics*. 1999. Vol. 114, no. 1. P. 83—116.
15. *Формирование и использование человеческого капитала в современной экономике* : моногр. / колл. авторов ; под. ред. Г. П. Литвинцевой. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2018. 315 с.
16. Оценка цифровой составляющей качества жизни населения в регионах Российской Федерации / Г. П. Литвинцева, А. В. Шмаков, Е. А. Стукаленко, С. П. Петров // *Terra Economicus*. 2019. № 17 (3). С. 107—127.
17. Литвинцева Г. П., Карелин И. Н. Эффекты цифровой трансформации экономики и качества жизни населения в России // *Terra Economicus*. 2020. Т. 18, № 3. С. 53—71.
18. Регионы России. Социально-экономические показатели 2016—2021 / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 27.04.2022).
19. Информационное общество в Российской Федерации 2016—2020 / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13251> (дата обращения: 27.04.2022).
20. Микроданные федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt21/index.html (дата обращения: 21.12.2021).
21. Карелин И. Н. Эффективность использования человеческого капитала в регионах Российской Федерации // *Вестник НГУЭУ*. 2021. № 1. С. 168—180.
22. Мельников Р. М., Тесленко В. А. Оценка влияния человеческого капитала на экономическую динамику российских регионов // *Регион: Экономика и Социология*. 2018. Т. 97, № 1. С. 93—115.
23. Шабашев В. А., Шорохов С. И. Влияние человеческого капитала на экономический рост в регионах с различной производственной структурой / под ред. В. А. Шабашева. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2015. 203 с.
24. Красулина Т. С. Факторы, влияющие на повышение эффективности использования человеческих ресурсов промышленных предприятий в современных условиях // *Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ»*. 2016. Т. 8, № 1. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/49EVN116.pdf> (дата обращения: 21.12.2021).

References

1. Becker G.S. Underinvestment in college education?, *The American Economic Review*, 1960, no. 50, pp. 346—354.
2. Mincer J. Investment in human capital and personal income distribution, *The Journal of Political Economy*, 1958, vol. 66, pp. 281—302.
3. Schultz T.W. Investment in human capital, *The American Economic Review*, 1961, vol. 51, pp. 1—17.
4. Bekker G. Jekonomicheskij vzgljad na zhizn'. Lekcija laureata Nobelevskoj premii v oblasti jekonomicheskikh nauk za 1992 g. [An economic view of life. Lecture of the Nobel Prize laureate in Economic Sciences for 1992], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg University]*, serija 5, 1993, issue. 3.
5. Fabricant S. Basic facts on productivity change. New York, National Bureau of Economic Research, 1959, 49 p.
6. Marcinkovich V.I., Soboleva I.V. Jekonomika cheloveka [Human Economy], [posobie dlja vuzov]. Moscow, Aspekt-Press, 1995, 286 p.
7. Dobrynin A.I., Djatlov S.A., Cyrenova E.D. Chelovecheskij kapital v tranzitivnoj jekonomike: formirovanie, ocenka, jeffektivnost' ispol'zovanija [Human capital in a transitive economy: formation, evaluation, efficiency of its utilisation]. Saint-Petersburg, Nauka, 1999, 309 p.
8. Genkin B.M. Jekonomika i sociologija truda [Economics and Sociology of labor], ucheb. dlja vuzov. Ed. 5. Moscow, NORMA, 2003.
9. Abalkin L.I., Pogosev I.A., Glovackaja N.G. Strategicheskij otvet Rossii na vyzovy novogo veka [Russia's strategic reply to the challenges of the new century] : monogr. Moscow, Jekzamen, 2004, 606 p.
10. Kolmykova T.S., Zelenov A.V. Novoe kachestvo chelovecheskogo kapitala v kontekste cifrovoj transformacii jekonomicheskogo prostranstva [The new quality of human capital in the context of the digital transformation of the economic space], *Jekonomika i upravlenie: problemy, reshenija [Economics and management: problems, solutions]*, 2020, vol. 1, no. 4, pp. 4—8.
11. Ciccone A., Papaioannou E. Human Capital, the Structure of Production, and Growth, *The Review of Economics and Statistics*, 2009, vol. 91, no. 1, pp. 66—82.
12. Shepeleva N.A., Akulov A.O. Specifika razvitiya chelovecheskogo kapitala v industrial'nom regione (na primere Kemerovskoj oblasti) [The specifics of human capital development in an industrial region (in the example of the Kemerovo region)], *Vestnik NGUJeU [Bulletin of the NSUEM]*, 2016, no. 4, pp. 253—266.
13. Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A Contribution to the Empirics of Growth, *Quarterly Journal of Economics*, 1992, vol. 107, no. 2, pp. 408—437.
14. Hall R.E., Jones C.I. Why do some countries produce so much more output per worker than others?, *Quarterly Journal of Economics*, 1999, vol. 114, no. 1. P. 83—116.
15. Litvincevoj G.P. (ed.) Formirovanie i ispol'zovanie chelovecheskogo kapitala v sovremennoj jekonomike [Formation and use of human capital in the modern economy]: monogr. Novosibirsk, NGTU Publ., 2018, 315 p.

16. Litvinceva G.P., Shmakov A.V., Stukalenko E.A., Petrov S.P. Ocenka cifrovoj sostavljajushhej kachestva zhizni naselenija v regionah Rossijskoj Federacii [Assessment of the digital component of the quality of life of the population in the regions of the Russian Federation], *Terra Economicus*, 2019, no. 17 (3), pp. 107—127.
17. Litvinceva G.P., Karelin I.N. Jeffekty cifrovoj transformacii jekonomiki i kachestva zhizni naselenija v Rossii [The effects of digital transformation of the economy and the quality of life of the population in Russia], *Terra Economicus*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 53—71.
18. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli 2016—2021 [Regions of Russia. Socio-economic indicators 2016—2021]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 27.04.2022).
19. Informacionnoe obshchestvo v Rossijskoj Federacii 2016—2020 [Information Society in the Russian Federation 2016—2020]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13251> (accessed: 27.04.2022).
20. Mikrodannye federal'nogo statisticheskogo nabljudenija po voprosam ispol'zovanija naseleniem informacionnyh tehnologij i informacionno-telekommunikacionnyh setej [Microdata of federal statistical observation on the use of information technologies and informational-telecommunication networks by the population]. Available at: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt21/index.html (accessed: 21.12.2021).
21. Karelin I.N. Jeffektivnost' ispol'zovanija chelovecheskogo kapitala v regionah Rossijskoj Federacii [Effectiveness of the use of human capital in the regions of the Russian Federation], *Vestnik NGUJeU [Bulletin of the NSUEM]*, 2021, no. 1, pp. 168—180.
22. Mel'nikov R.M., Teslenko V.A. Ocenka vlijanija chelovecheskogo kapitala na jekonomicheskiju dinamiku rossijskih regionov [Assessment of the impact of human capital on the economic dynamics of Russian regions], *Region: Jekonomika i Sociologija [Region: Economics and Sociology]*, 2018, vol. 97, no. 1, pp. 93—115.
23. Shabashev V.A., Shorohov S.I. Vlijanie chelovecheskogo kapitala na jekonomicheskij rost v regionah s razlichnoj proizvodstvennoj strukturoj [The influence of human capital on economic growth in regions with different production structures]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2015, 203 p.
24. Krasulina T.S. Faktory, vlijajushhie na povyshenie jeffektivnosti ispol'zovanija chelovecheskih resursov promyshlennyh predpriyatij v sovremennyh uslovijah [Factors influencing the increase in the efficiency of the utilisation of human resources of industrial enterprises in modern conditions], *Internet-zhurnal "NAUKOVEDENIE" [Online journal "Naoukavedenie"]*, 2016, vol. 8, no. 1. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/49EVN116.pdf> (accessed: 21.12.2021).

Информация об авторе

Карелин Илья Николаевич — старший преподаватель, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: karelin@corp.nstu.ru

Information about the author

Ilya N. Karelin — Senior Lecturer, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: karelin@corp.nstu.ru

Статья поступила в редакцию 07.05.2022; одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 12.07.2022.

The article was submitted 07.05.2022; approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 12.07.2022.

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

STATE AND CIVIL SOCIETY, IDEOLOGY AND POLITICS

Развитие территорий. 2022. № 3. С. 54—62.
Territory Development. 2022;(3):54—62.

Государство и гражданское общество, идеология и политика

Научная статья

УДК 323.3

DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-54-62

МОЛОДЕЖНЫЕ ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НОВОСИБИРСКОЙ И КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Дмитрий Анатольевич Качусов¹, Дмитрий Анатольевич Казанцев²

^{1, 2} Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

¹ dmitrij.kachusov@mail.ru

² dimkazanchev@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования выступает состояние молодежных патриотических организаций в Новосибирской и Кемеровской областях. В работе рассматриваются различные типы существующих патриотических организаций, их организационно-правовые формы, основные направления деятельности, цели и задачи, виды реализуемой деятельности. Дается анализ современного состояния патриотического движения в указанных субъектах Российской Федерации, выявляются общие характеристики и региональные особенности в системе и структуре патриотического воспитания.

Ключевые слова: молодежь, школьники, патриотизм, патриотические организации, патриотическое воспитание

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

Для цитирования: Качусов Д. А., Казанцев Д. А. Молодежные патриотические организации Новосибирской и Кемеровской областей: структурно-функциональный анализ // Развитие территорий. 2022. № 3. С. 54—62. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-54-62.

State and civil society, ideology and politics

Original article

YOUTH PATRIOTIC ORGANIZATIONS IN THE NOVOSIBIRSK AND KEMEROVO REGIONS: A STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS

Dmitry A. Kachusov¹, Dmitry A. Kazantsev²

^{1, 2} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

¹ dmitrij.kachusov@mail.ru

² dimkazanchev@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the state of youth patriotic organizations in the Novosibirsk and Kemerovo regions. The paper considers various types of existing patriotic organizations, their organizational and legal forms, main activities, goals and objectives, types of implemented activities. The analysis of the current state of the patriotic movement in these subjects of the Russian Federation is given, the general characteristics and regional peculiarities in the system and structure of patriotic education are revealed.

Keywords: youth, schoolchildren, patriotism, patriotic organizations, patriotic education

Acknowledgments: the research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project No. 20-011-00346 “The factor of patriotic education in the formation of the civic identity of senior schoolchildren of the Siberian Federal District in the conditions of the information society”.

For citation: Kachusov D.A., Kazantsev D.A. Youth Patriotic Organizations in the Novosibirsk and Kemerovo Regions: a Structural and Functional Analysis. *Territory Development*. 2022;(3):54—62. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-54-62.

Введение

В настоящее время в России можно отметить определенный кризис самоидентификации населения. Этому способствует прогрессирующая общемировая тенденция к глобализации, стиранию национальных границ и повышению значимости надгосударственных социальных и политических институтов. В то же время общество само находится в состоянии перманентной трансформации: не пережиты последствия радикальных политических преобразований, приведших к распаду целой политической системы.

И в обществе, и в научной среде, и в политической элите не прекращаются процессы поиска некой общероссийской идеи, способной служить основанием для консолидации социума. В качестве одного из возможных вариантов такого объединяющего основания рассматривается патриотизм как универсальная, разделяемая всеми россиянами идея положительного характера. Актуальность этой категории находит проявление в создании дискуссионных площадок, где все стороны пытаются определить роль и значение патриотизма в системе ценностей всего российского общества.

Большая часть исследователей говорит о сложной, комплексной природе патриотизма как социального явления. Он является результатом социально-культурного развития человеческих обществ и выступает как один из регуляторов поведения индивида в социуме. Нередко в качестве одной из характеристик патриотизма выступает его практико-предметная направленность, ориентация на активную гражданскую позицию и деятельность индивида.

Российский исследователь В. И. Лутовинов характеризует патриотизм как «сложное и многогранное явление...», отмечая, что «истинный патриотизм всегда есть единство духовности, гражданственности и социальной активности человека», что он «является действенной побудительной силой и реализуется в деятельности личности на благо Отечества» [1, с. 24]. Подобным образом определяют патриотизм С. В. Манецкая и С. Н. Томилина, называя его «стержневым нравственно-политическим принципом, социально-личностным чувством гражданина, содержательно базирующимся на подлинной любви, верности и преданности Отечеству, гордости за его прошлое и настоящее, устремленности жить, учиться и трудиться во славу своей страны и своего народа...» [2, с. 1337]. Различают проявление патриотизма на личностном и на общественном уровнях. На первом он выступает как устойчивая характеристика человека, выражающаяся в его мировоззрении, нравственных идеалах и нормах поведения, а на втором — как значимая часть общественного сознания, проявляющаяся в коллективном сознании, в системе основополагающих ценностей, в отношении к своему народу, истории, культуре, государству [3, с. 188].

О ценностно-мировоззренческом значении патриотизма в становлении и развитии личности го-

ворят исследователи Э. В. Зауторова и О. Я. Рейма: «В первую очередь наличие развитых патриотических чувств — это показатель духовно-нравственного становления личности, сформированности ее ценностных ориентаций, мировоззренческих установок, которые заметно отличаются в национальных культурах различных этносов» [4, с. 134]. Также в исследовательской литературе большое значение уделяется изучению вопроса взаимосвязи патриотизма, в особенности среди молодежи, и уровня социальной активности и инициативности молодежи, роли образовательных учреждений и общественных организаций в формировании указанных характеристик [5].

Зарубежные ученые также не оставляют без внимания концепт патриотизма, в том числе и его активно-деятельностный аспект. Например, австрийские ученые К. Гангл, Б. Торглер и Э. Кирхлер в ходе исследования на основе массовых опросов и анкетирования выявили зависимость между наличием патриотических чувств у гражданина и его лояльным поведением и поддержкой государства (на примере уплаты налогов) [6]. Другая группа ученых, исследуя данный феномен в таких странах, как Канада, КНР, Россия и Турция, приходит к выводу, что, с одной стороны, патриотизм активно используется государствами как фактор социальной мобилизации, с другой стороны, он представляет сочетание внутренних эмоциональных и рациональных мотиваций индивида, побуждающих его к деятельности на пользу общества и государства [7].

Особый интерес для авторов представляют определения патриотизма с политологических позиций. Как правило, в них содержится указание на наличие определенных лоялистских установок и личную гражданскую и политическую активность индивида: «...патриотизм можно определить как особую ценностную установку политического сознания, формирующую специфические формы общественных отношений и деятельности, связанные с поддержкой и защитой гражданином политических институтов, отражающих его интересы» [8, с. 115]. Также справедливо указывается, что патриотизм не является неизменным и строго очерченным социальным явлением, он может трансформироваться в зависимости от исторического периода и социально-политических характеристик каждого конкретного общества. На это прямо указывает российский исследователь С. А. Магарил: «Смысловое наполнение понятия „патриотизм“ многозначно, отчасти противоречиво, не является чем-то застывшим, неизменным, и с течением времени модифицируется. При этом исторически предшествующие версии патриотизма подвергаются „износу“ и постепенному распаду в массовом сознании, а само понятие, с течением времени, наполняется новым смыслом» [9, с. 143].

Большое внимание в исследовательской литературе уделяется рассмотрению понятия «патриотизм» со стороны педагогических наук как важного компонента воспитания. Так, специалисты

отмечают: «Бережное отношение к прошлому и настоящему своей Родины и Отечества неразрывно связано с признанием достижений других народов, стремлением узнать их историю, культуру, освоить их прогрессивный опыт, поэтому патриотизм представляет собой сложное образование, отражающее совокупность общечеловеческих и специфических для данного народа ценностей» [10, с. 15]. Н. В. Ипполитова характеризует это понятие с ценностных позиций, понимая его «в психолого-педагогическом аспекте как социально-нравственный императив, составляющий неотъемлемую часть социально-нравственной направленности личности» [11, с. 10].

Также можно выделить государственную или этатистскую трактовку понятия патриотизма, в которой основным субъектом формирования патриотических чувств является государство, а основными проявлениями патриотизма — забота о благе государства как о выразителе широких общественных интересов. Данная трактовка имеет под собой довольно глубокое философско-правовое основание, восходя к мыслителям Античности (Платон), Возрождения (Н. Макиавелли) и Нового времени (Г. Гегель), и активно эксплуатируется действующими политическими и государственными деятелями. Среди исследователей, рассматривающих понятие патриотизма в данном ключе, можно упомянуть В. А. Тихонову, Б. М. Хургаева. Они подчеркивают: «Патриотизм как проявление любви к родине является универсальной ценностью... Ментальные особенности российской нации своими корнями уходят в историю становления и развития самого государства, возникновение которого обеспечило суверенитет и независимость страны» [12, с. 6—7]. Нельзя не упомянуть и о поисках общеприемлемого смыслового символа патриотизма, которым в подавляющем большинстве случаев оказалась история России, особенно военная история, в частности — победа в Великой Отечественной войне.

Таким образом, рассмотрев различные подходы исследователей к определению понятия «патриотизм», можно констатировать, что детерминация этого сложного феномена во многом зависит от того, какие характеристики сам автор считает в нем наиболее значимыми. В данной статье представляется наиболее разумным дать определение с социально-политической точки зрения. Мы можем охарактеризовать данное явление как сложное и динамичное, выражающееся в позитивном отношении к истории, культуре, ценностям ориентирам и достижениям тех социальных общностей, к которым принадлежит человек. Патриотизм подразумевает также готовность индивида прилагать личные усилия во благо своего общества и страны, а при необходимости — и защищать их.

Патриотическое воспитание — это комплексная, систематическая и целенаправленная массовая работа, заключающаяся в вовлечении на постоянной основе детей и подростков в процесс

совместной деятельности, связанный с формированием потребности стать патриотом, патриотического мировоззрения и патриотических чувств. Данный процесс необходимо начинать еще в школьном возрасте, и он должен проходить через весь процесс социализации индивида. Кроме семьи и образовательных учреждений, необходимые для формирования патриотизма условия создают детские и подростковые общественные организации, так как именно в них детям предоставляется возможность для реализации своего творческого и культурно-нравственного потенциала. Так, Г. В. Афонина отмечает: «Наиболее благоприятные условия для формирования патриотизма в современной системе образования существуют в детских общественных организациях, так как они не ограничены стандартами, ориентированы на личностные интересы, потребности и способности ребенка» [13, с. 113].

Главной целью исследования является анализ существующих молодежных организаций Кемеровской и Новосибирской областей, занимающихся вопросами патриотического воспитания. Таким образом, в исследовании будет затронута относительно малоизученная (особенно на уровне отдельных регионов), но имеющая большое значение в процессах политической социализации и идентификации, проблемная область. Для этого необходимо выделить различные типы и виды существующих патриотических организаций, основные направления их деятельности, используемые формы активности, ставящиеся ими цели и задачи. Также следует выявить характерные черты и специфику системы патриотического воспитания в исследуемых регионах. Результаты работы могут представлять интерес как для исследователей-теоретиков, так и для представителей сферы образования, государственного и муниципального управления, непосредственно занимающихся вопросами взаимодействия с молодежью.

Результаты и обсуждение

В настоящее время в стране существует множество детских и молодежных общественных движений — творческих, профессиональных, экологических, исторических и иных, различающихся по направленности и формам деятельности. Особенно широко представлены различные виды патриотических объединений, в институционализации и организации которых принимает активное участие государство, формируя общегосударственные структуры, поддерживая патриотические организации материально, информационно и организационно.

В качестве объекта анализа молодежных патриотических организаций, их структуры и деятельности в статье рассматриваются объединения Новосибирской и Кемеровской областей. Поиск патриотических объединений велся через данные сайта Министерства юстиции за 2021 г., сайтов и страниц общероссийских патриотических объединений (ДОСААФ, «Юнармия» и др.), сайтов

региональных органов власти и образовательных учреждений, а также информационной системы 2ГИС. Проанализировав на основе открытых материалов (таких как официальные сайты и страницы сообществ в сети Интернет, новостные сайты регионов, материалы СМИ и информационных агентств) деятельность молодежных патриотических организаций, можно выделить несколько ключевых положений.

Всего в Кемеровской области нами выявлено (по данным Министерства юстиции Российской Федерации) 25 официально зарегистрированных организаций патриотической направленности с различной специализацией, в Новосибирской области — 37 [14]. Однако необходимо отметить, что объединений, ведущих патриотическую работу в регионах, фактически больше, так как часть из них представляют региональные отделения общероссийских структур. Например, отделения движения «Волонтеры Победы» действуют и в Кемеровской и в Новосибирской областях, но не имеют регистрации как самостоятельные юридические лица. Также не имеют юридического статуса и другие патриотические объединения, в частности поисковые отряды.

Подавляющее большинство патриотических объединений действует в сфере военно-технической, военно-спортивной и военно-исторической подготовки. Данные векторы работы вполне соответствуют ориентации государства на ведение патриотического воспитания через вовлечение молодежи в различные формы массовой военно-патриотической деятельности, зафиксированной в содержании федеральной программы патриотического воспитания [15]. Также они находят отражение в региональных программных документах патриотического воспитания, например в п. IV программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации в Новосибирской области на 2015—2020 годы» и п. 3 Межведомственного плана мероприятий по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016—2020 годы» на территории Кемеровской области соответственно [16 ; 17]. На официальных информационных ресурсах подчеркивается особая значимость развития военно-патриотического направления в общей системе гражданского воспитания в регионах [18 ; 19].

Основную часть из представленных организаций составляют военно-спортивные клубы, военно-исторические клубы, центры допризывной подготовки, поисковые отряды. Большая часть из подростковых и детских патриотических объединений входит в состав общероссийских структур либо действует при поддержке социальных и политических институтов общефедерального уровня или учрежденных ими напрямую организаций: Министерства обороны Российской Федерации и других силовых ведомств, Министерства физической культуры и спорта Российской Федерации, ДОСААФ России, «Юнармии».

Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия» имеет региональные отделения и в Новосибирской области и в Кузбассе. Отличается развитой сетью низовых организаций, которые созданы в образовательных учреждениях всех муниципальных районов и городов [20, с. 18 ; 21]. Также в регионах действуют отделения ДОСААФ России: в Новосибирской области насчитывается 91 первичное отделение [22], в Кузбассе — 24 первичных отделения [23], шесть центров профессиональной подготовки и патриотического воспитания (Кемерово, Новокузнецк, Таштагол, Ленинск-Кузнецкий, Анжеро-Судженск, Мариинск), а также Центральный сибирский парашютный клуб. Некоторые патриотические объединения позиционируются как подразделения указных структур, но не входят в их состав, например общественная организация «Полигон» (ДОСААФ) или Клуб «Сварог» («Юнармия»). Из общефедеральных структур можно еще выделить Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы», задачей которого является сохранение исторической памяти и гражданско-патриотическое воспитание через вовлечение в участие в акциях, заботу о ветеранах, благоустройство памятных мест.

Кроме собственно подразделений ДОСААФ и «Юнармии», в качестве примеров можно назвать центр военной спецподготовки молодежи «Витязь», спортивно-патриотический молодежный клуб «Новое поколение» (Кемеровская область), военно-патриотическая организация «Легион», спортивный клуб «Патриот», центр героико-патриотического воспитания «Пост № 1» (Новосибирская область) и др. Некоторые объединения пользуются поддержкой организаций локального и подведомственного уровня: объединений ветеранов пограничных, воздушно-десантных войск, казачьих организаций и т. д. В качестве примеров можно назвать такие объединения, как казачий конно-спортивный клуб «Русь» (Кемерово), спортивно-патриотический клуб «Десантник» (Новосибирск).

Обращает на себя внимание наличие довольно значительного количества местных, на уровне муниципального района или отдельного города, спортивно-патриотических клубов, в частности центр военно-спортивного и культурно-патриотического воспитания «Лад», спортивный патриотический клуб «Сиам», общественная организация «Пограничник», общественная организация «Легион» (Новосибирская область), спортивно-патриотический клуб «Богатырь», молодежный военно-спортивный клуб «Витязи» (Кемеровская область). Однако в информационном пространстве их деятельность освещена очень скупо, многие не имеют собственных сайтов или страниц в соцсетях, что затрудняет изучение их деятельности.

Некоторые из объединений, например военно-патриотический клуб «Патриот» (Кемерово), центр военно-патриотического воспитания «Поколение» (Новосибирская область), военно-патриотический клуб «Созвездие» (Куйбышев, Но-

восиби́рская область), функционируют как подразделения местных учреждений образования и культуры и не зарегистрированы как самостоятельные организации.

Отдельно следует назвать объединения, действующие под эгидой религиозных организаций, в данном случае Русской Православной Церкви, такие как «Братство православных следопытов» в Новосибирске, «Детский отряд имени святого праведного воина Ф. Ушакова» (Кемерово), «Братство православных следопытов» в Кемерово, отряд «Русичи» (Прокопьевск, Кемеровская область).

Нельзя не упомянуть такие сообщества, как поисковые отряды. Кроме своей основной деятельности (поиск оставшихся без погребения бойцов Красной армии), данные отряды также занимаются привлечением общественного внимания к вопросам сохранения памяти об участниках войны, военно-исторической реконструкцией, популяризацией изучения истории Отечества. В обоих регионах функционируют отделения общероссийской организации «Поисковые отряды России», в том числе в Новосибирской области действуют восемь отрядов [24], в Кемеровской области действует крупный поисковый отряд «Земляк» и несколько меньших отрядов [25].

Также следует выделить военно-исторические клубы, ориентирующиеся в своей деятельности не только на изучение родной истории, но и на вовлечение в этот процесс широкого круга молодежи и взрослых через погружение в нее и представление в наглядной форме — организацию выставок, массовых костюмированных действий, исторических реконструкций. Мы можем выявить несколько крупных объединений в регионах, работающих в этом направлении: автономную НКО «Историческое общество Сибирского федерального округа», военно-исторический клуб «Поколение», военно-исторический клуб «Живая история».

Кроме военно-патриотических и военно-исторических объединений, в сфере патриотического воспитания действуют организации, не концентрирующиеся на военном и спортивном аспектах данного направления, но занимающиеся решением широкого спектра просветительских, культурных, природоохранных задач и поддержкой социально значимых общественных инициатив. В качестве примеров можно назвать некоммерческое партнерство по содействию нравственно-патриотическому воспитанию «Человек», спортивно-патриотическую правозащитную общественную организацию «Братина», общественную эколого-патриотическую организацию «Зеленая дружина», общественную организацию «Общество исторической, гражданской и военной памяти» (Новосибирская область), волонтерское объединение «Данко», общественную организацию по поддержке духовного, нравственного и патриотического развития «Беспокойные сердца» (Кемеровская область).

В Новосибирской области также существует ряд благотворительных фондов гражданско-пат-

риотической направленности: фонд поддержки и развития патриотического воспитания молодежи «Отечество», благотворительный культурный фонд «Патриот», благотворительный фонд поддержки и развития детско-юношеского спорта и патриотического воспитания «РОСТ», фонд развития патриотического сознания «Достояние Сибири». Фонд «Достояние Сибири» связан с межрегиональной общественной организацией по содействию патриотическому воспитанию молодежи и духовному развитию личности, подробная информация о деятельности остальных не представлена в открытых источниках.

В качестве особенности системы патриотического воспитания Новосибирской области можно выделить наличие нескольких региональных структур разного юридического статуса: «Центр патриотического воспитания Новосибирской области» (государственное казенное учреждение), «Городской гражданско-патриотический центр» (муниципальное бюджетное учреждение), «Сибирский центр патриотического воспитания» (автономная НКО). Данные организации не только сами реализуют программы патриотического воспитания, но и координируют деятельности других патриотических объединений. В Кемеровской области подобных структур не обнаружено, сайт «Областного детско-юношеского центра военно-патриотического воспитания и допризывной подготовки» не обновлялся с 2011 г. и не содержит актуальных сведений о его деятельности.

Нельзя не указать на функционирование большого количества школьных музеев в регионах, особенно в Кузбассе. В частности, на территории Кемеровской области, по данным реестра школьных музеев Министерства просвещения Российской Федерации, функционируют 51 школьный музей, в Новосибирской области — 67 [26]. В то же время местные информационные ресурсы свидетельствуют о гораздо большем числе школьных музеев — 431 в Кузбассе на 2018 г. [27], 124 — в Новосибирской области на 2020 г. [28]. Большая часть экспозиций образовательных учреждений создаются силами учеников, учителей и родителей и посвящены, кроме краеведения, Великой Отечественной войне и локальным конфликтам XX в. Система школьных музеев в регионах является важным низовым элементом, обеспечивающим вовлечение школьников в патриотическое воспитание.

Как мы видим, в основном деятельность патриотических организаций военно-спортивной направленности осуществляется через непосредственное взаимодействие с их участниками в очной форме. Наиболее масштабные и массовые проводимые мероприятия — это военно-спортивные и военно-туристические игры и состязания как общероссийского, так и регионального и местного значения. Например, Всероссийская военно-спортивная игра «Победа» (оба региона), военно-спортивная игра «Вперед, „Юнармия“!» (Новосибирская область), военно-спортивная игра «Орленок — Кузбасс-2019» (Кемеровская об-

ласть), ежегодная областная зимняя военно-спортивная игра «Во славу Отечества» (Новосибирская область), районная военно-туристическая игра «Орленок» (Новосибирская область, г. Куйбышев), военно-спортивная игра «Меридиан надежды» (Кемеровская область, Прокопьевский район).

Производится регулярная организация выездных профильных смен. В Новосибирской области это профильные смены: «Поколение смелых», «Юный десантник», «Юный патриот», «Сибирский рубеж: герои вчера, сегодня, завтра!». В Кемеровской области профильная смена «Юнармии» в оздоровительно-образовательном центре «Сибирская сказка», профильная смена в военно-патриотическом центре «Авангард», профильные смены «Разведчик», «Юный пограничник». Смены организуются, как правило, с помощью отделений движения «Юнармия» при содействии региональных и местных органов власти, активную поддержку оказывают региональные военно-спортивные и военно-патриотические организации, объединения ветеранов вооруженных сил и участников военных конфликтов. С привлечением последних организуются «Уроки мужества», встречи участников клубов с ветеранами боевых действий, военной и правоохранительной служб, представителями вооруженных сил как в рамках прохождения смен, так и в рамках внеучебной деятельности в образовательных учреждениях.

Не менее значимым аспектом остается участие в проведении национальных праздников и торжеств, посвященных историческим памятным датам: шествие в составе «Бессмертного полка» в День Победы, проведение Вахт Памяти юнармейских отрядов, участие в акции «Свеча Памяти», патриотических мероприятиях и фестивалях: «Парк Победы», городской смотр строя и песни «Аты-баты» (Новосибирская область), Эстафета Памяти «Кузбасс — фронту!», «Герои тыла Кузбасса», духовно-патриотическая акция «Георгиевский парад. Дети победителей» (Кемеровская область). Сюда же можно отнести проведение субботников на памятниках, мемориалах, обелисках в память о погибших воинах, помощь в их благоустройстве.

Нельзя не отметить, что данные объединения активно «осваивают» ресурсы сети Интернет, используя их для двух основных задач. Во-первых, создание интернет-площадок организаций в виде официального сайта, официального сообщества в социальных сетях или страницы в мессенджерах с целью более широкого освещения результатов своей деятельности, повышения собственной узнаваемости и привлечения новых участников.

Во-вторых, патриотические организации стали прибегать к формам работы с участниками в виртуальном формате: дистанционный вариант конкурса «Диктант Победы», онлайн-акции «Свеча Памяти», «Лица Победы», «Сад Памяти» и др. [14 ; 26] В числе собственно региональных меро-

приятий проводятся профильные областные онлайн-смены движения «Юнармия», виртуальные экскурсии по истории родного города и сибирских дивизий в годы Великой Отечественной войны и др. Коронавирусная пандемия дополнительно стимулировала этот процесс — необходимо помнить, что основной упор в работе исследуемых обществ делался на непосредственной, контактной работе с детьми, что не всегда возможно в силу эпидемиологических ограничений.

Заключение

В ходе изучения патриотических организаций Кемеровской и Новосибирской областей можно прийти к нескольким выводам. Во-первых, патриотическое движение в регионе, как и в России в целом, пользуется большой государственной поддержкой, патриотические объединения функционируют в тесном взаимодействии с государством, а основные направления деятельности закреплены в федеральных и региональных программах. В регионах имеется развитая сеть всероссийских патриотических военизированных организаций, а в Новосибирской области еще и координационные структуры в рамках областного патриотического движения. Практика создания координационного центра является положительным нововведением и может быть распространена и в других регионах. Однако авторам хотелось бы предостеречь от чрезмерной централизации и бюрократизации деятельности данных объединений молодежного патриотического движения, так как это может подорвать инициативу на местах и интерес рядовых граждан к участию в нем.

Во-вторых, основным вектором деятельности патриотических организаций остается сочетание военно-спортивной подготовки и изучение истории страны и региона, прежде всего военной, поэтому значительную часть из их числа составляют военно-спортивные, военно-исторические, спортивно-патриотические клубы, центры допризывной подготовки, а также поисковые отряды. Необходимо отметить, что в Кемеровской области доля подобных объединений выше, чем в Новосибирской. В то же время упор на военную подготовку в ущерб остальным направлениям (историко-культурологическое, правовое, экологическое и др.) в перспективе может привести к отдельным негативным тенденциям, например к снижению уровня гражданско-правовой культуры будущих граждан. Более активное развитие различных направлений патриотического воспитания позволит глубже раскрыть значимость патриотизма как социальной ценности, развить понимание у молодежи важности активного участия в общественно-политической жизни страны.

В-третьих, основными формами реализации целей патриотического воспитания остаются очные массовые мероприятия нескольких направлений: военно-спортивные игры, состязания и иные подобные им мероприятия, профильные смены в рамках военно-патриотических организаций, участие в торжественных и праздничных меро-

приятиях, посвященных национальным праздникам и памятным датам. Антипандемийные ограничения последних лет создали определенные препятствия к реализации этих форм, но не исключили их из практики. Сеть Интернет также активно используется патриотическими объединениями для своей деятельности, но, очевидно, играет вспомогательную роль и в обозримом бу-

дущем не заменит «очные» формы активности. Тем не менее «виртуальные» формы активности пригодны для обширного спектра направлений патриотического воспитания, а не только для военно-спортивного, и позволяют значительно разнообразить используемый движением в данной сфере инструментарий.

Список источников

1. Лутвинов В. И. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления // *Studia Humanitatis*. 2013. № 2. С. 18—27.
2. Манецкая С. В., Томилина С. Н. Современный патриотизм: сущность и проблемы // *Научный журнал КубГАУ*. 2015. № 110. С. 1329—1339.
3. Кудрина Е. Л., Шевцова М. М. К вопросу о патриотическом воспитании детей и молодежи // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 33. С. 185—193.
4. Зауторова Э. В., Рейма О. Я. Патриотизм как социальное явление и интегративное качество личности // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2018. № 1 (41). С. 131—136.
5. *Pedagogical technology for identifying the level of patriotism formation in senior school students within actualisation of social commitment and initiative* / S.A. Alieva, M.K. Bilalov, R.D. Gadzhiev, R.V. Radzhabova, D.A. Salmanova // *Journal of Social Studies Education Research*. 2018. No. 2. P. 329—348. DOI:10.17499/jsser.92763.
6. Gangl K., Torgler B., Kirchler E. Patriotism's Impact on Cooperation with the State: An Experimental Study on Tax Compliance // *Polit Psychol*. 2016. No. 37 (6). P. 867—881.
7. Dauce F., Huerou A., Rousselet K. The Diversities of Patriotism in the Contemporary World // *Critique international*. 2013. No. 58. P. 9—17.
8. Мартынов М. Ю., Фадеева Л. А., Габеркорн А. И. Патриотизм как политический дискурс в современной России // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 2. С. 109—121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08
9. Мазарил С. А. Смыслы патриотизма — исторические трансформации // *Социологические исследования*. 2016. № 1. С. 142—151.
10. Елкин С. М., Косова А. А. О содержании понятий «патриотизм» и «патриотическое воспитание» // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2017. № 1 (99). С. 14—16.
11. Ипполитова Н. В. Патриотическое воспитание учащейся молодежи в современных условиях // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки*. 2016. Т. 8, № 4. С. 9—15. DOI: 10.14529/ped160401.
12. Тихонова В. А., Хугаев Б. М. Патриотизм как ценностная основа политической культуры российского общества // *Культура и образование*. 2017. № 4. С. 5—9.
13. Афонина Г. В. Детская общественная организация, как ресурс развития практики патриотического воспитания детей и подростков // *Инновационная наука*. 2016. № 3. С. 112—114.
14. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 14.12.2021).
15. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016—2020 годы»: постановление Правительства Рос. Федерации от 30 дек. 2015 г. № 1493 // сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 19.12.2021).
16. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации в Новосибирской области на 2015—2020 годы» // Министерство образования Новосибирской области. URL: http://do.nios.ru/sites/do.nios.ru/files/gp_nso_patriot.vosp._grazhdan_2015—2020.pdf (дата обращения: 22.12.2021).
17. Об утверждении Межведомственного плана мероприятий по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016—2020 годы» на территории Кемеровской области // Архив документов Кемеровской области. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444896658> (дата обращения: 19.12.2021).
18. Военно-патриотическое воспитание в школах Новосибирского района — ключевой аспект реализации национального проекта «Образование» // Сайт Управления образования Новосибирского района. URL: <http://edunor.ru/2021/10/11/voenno-patrioticheskoe-vospitanie-v-shkolah-novosibirskogo-rajona-klyuchevoj-aspekt-realizaczi-nacziionalnogo-proekta-obrazovanie/> (дата обращения: 22.12.2021).
19. Патриотическое воспитание. // Сайт Управления образования администрации г. Кемерово. URL: https://kem-edu.ucoz.ru/index/struktura_upravlenija_obrazovanija/0-4 (дата обращения: 19.12.2021).
20. ЮНАРМИЯ в Кузбассе: сб. метод. рекомендаций / под ред. Л. Г. Мироновой. Кемерово, 2018. 100 с.
21. В Новосибирском педагогическом колледже издается альманах, посвященный истории волонтерского и юнармейского движения // Новосибирская областная общественная организация ветеранов-пенсионеров войны, труда, военной службы и правоохранительных органов. URL: <https://27272.ru/novosti/28239/> (дата обращения: 21.12.2021).
22. Страница Новосибирского регионального отделения ДОСААФ. URL: <https://vk.com/dosaafnso> (дата обращения: 19.12.2021).
23. Региональное отделение ДОСААФ России Кемеровской области — Кузбасса. Структура подразделения. URL: <http://www.dosaaf42region.ru/index.php/about/faqs> (дата обращения: 19.12.2021).
24. Новосибирское региональное отделение «Поискового движения России» // Поисковое движение России. URL: <http://rf-poisk.ru> (дата обращения: 28.12.2021).

25. Сводный поисковый отряд Кемеровской области «Земляк». URL: https://zemlyak-kem.ucoz.ru/index/o_nas/0-4 (дата обращения: 28.12.2021).
26. Реестр школьных музеев // Центр детско-юношеского туризма, краеведения и организации отдыха и оздоровления детей. URL: <https://fcdtk.ru/museums> (дата обращения: 24.12.2021).
27. Музеи образовательных организаций Кемеровской области // ГАОУ ДОД КО «Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий». URL: <http://www.kuztur42.narod.ru/muzei.htm> (дата обращения: 24.12.2021).
28. Об итогах паспортизации 2020 : приказ № 445-В от 21 дек. 2020 г. // Методический отдел МБУ ДО ДДТ Краснозерского района. URL: <http://imc.kra.edu54.ru/p130aa1.html> (дата обращения: 24.12.2021).

References

1. Lutovinov V.I. Sovremennyyi rossiiskii patriotizm: sushchnost', osobennosti, osnovnye napravleniya [Modern Russian patriotism: essence, features, main directions], *Studia Humanitatis*, 2013, № 2. S. 18—27.
2. Manetskaya S.V., Tomilina S.N. Sovremennyyi patriotizm: sushchnost' i problem [Modern Patriotism: the essence and problems], *Nauchnyi zhurnal KubGAU [Kubgau Scientific Journal]*, 2015, no. 110, pp. 1329—1339.
3. Kudrina E.L., Shevtsova M.M. K voprosu o patrioticheskom vospitanii detei i molodezhi [On the issue of patriotic education of children and youth], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Journal of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 33, pp. 185—193.
4. Zautorova E.V., Reima O.Ya. Patriotizm kak sotsial'noe yavlenie i integrativnoe kachestvo lichnosti [Patriotism as a social phenomenon and an integrative quality of personality], *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction]*, 2018, no. 1 (41), pp. 131—136.
5. Alieva S.A., Bilalov M.K., Gadzhiev R.D., Radzhabova R.V., Salmanova D.A. Pedagogical technology for identifying the level of patriotism formation in senior school students within actualisation of social commitment and initiative, *Journal of Social Studies Education Research*, 2018, no. 2, pp. 329—348. DOI:10.17499/jsser.92763.
6. Gangl K., Torgler B., Kirchler E. Patriotism's Impact on Cooperation with the State: An Experimental Study on Tax Compliance, *Polit Psychol*, 2016, no. 37 (6), pp. 867—881.
7. Dauce F., Huerou A., Rousselet K. The Diversities of Patriotism in the Contemporary World, *Critique international*, 2013, no. 58, pp. 9—17.
8. Martynov M.Yu., Fadeeva L.A., Gaberkorn A.I. Patriotizm kak politicheskii diskurs v sovremennoi Rossii [Patriotism as a Political discourse in modern Russia], *Polis. Politicheskie issledovaniya [Policy. Political studies]*, 2020, no. 2, pp. 109—121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08.
9. Magaril S.A. Smysly patriotizma — istoricheskie transformatsii [The meanings of patriotism — historical transformations], *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 2016, no. 1, pp. 142—151.
10. Elkin S.M., Kosova A.A. O soderzhanii ponyatii "patriotizm" i "patrioticheskoe vospitanie" [About the content of the concept of "patriotism" and "patriotic education"], *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Novgorod State University]*, 2017, no. 1 (99), pp. 14—16.
11. Ippolitova N.V. Patrioticheskoe vospitanie uchashcheysya molodezhi v sovremennykh usloviyakh [Patriotic education of students in modern conditions], *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogical sciences]*, 2016, vol. 8, no. 4, pp. 9—15. DOI: 10.14529/ped160401.
12. Tikhonova V.A., Khugaev B.M. Patriotizm kak tsennostnaya osnova politicheskoi kul'tury rossiiskogo obshchestva [Patriotism as the value basis of the Political culture of Russian Society], *Kul'tura i obrazovanie [Culture and education]*, 2017, no. 4, pp. 5—9.
13. Afonina G.V. Detskaya obshchestvennaya organizatsiya, kak resurs razvitiya praktiki patrioticheskogo vospitaniya detei i podrostkov [Children's public organization as a resource for the development of the practice of patriotic education of children and adolescents], *Innovatsionnaya nauka [Innovative science]*, 2016, no. 3, pp. 112—114.
14. Informatsiya o zaregistrirovannykh nekommercheskikh organizatsiyakh [Information about registered non-profit organizations], *Site Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii*. Available at: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (accessed: 14.12.2021).
15. O gosudarstvennoi programme "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiiskoi Federatsii na 2016—2020 gody" [About the state program "Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016—2020"]: postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federatsii ot 30 dek. 2015 g. № 1493, *Sait Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii [Website of the Government of the Russian Federation]*. Available at: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUXzVKh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (accessed: 19.12.2021).
16. Gosudarstvennaya programma "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiiskoi Federatsii v Novosibirskoi oblasti na 2015—2020 gody" [The state program "Patriotic education of citizens of the Russian Federation in the Novosibirsk region for 2015—2020"], *Ministerstvo obrazovaniya Novosibirskoi oblasti [Ministry of Education of the Novosibirsk Region]*. Available at: http://do.nios.ru/sites/do.nios.ru/files/gp_nso_patriot.vosp._grazhdan_2015—2020.pdf (accessed: 22.12.2021).
17. Ob utverzhdenii Mezhdedomstvennogo plana meropriyati po realizatsii gosudarstvennoi programmy "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiiskoi Federatsii na 2016—2020 gody" na territorii Kemerovskoi oblasti [About approval of the interdepartmental plan of measures to implement the state program "Patriotic education of citizens of the Russian Federation in 2016-2020 years" in the Kemerovo region], *Arkhiv dokumentov Kemerovskaya oblast [Archive of documents of the Kemerovo region]*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/444896658> (accessed: 19.12.2021).
18. Voenno-patrioticheskoe vospitanie v shkolakh Novosibirskogo raiona — klyuchevoi aspekt realizatsii natsional'nogo proekta "Obrazovanie" [Military-patriotic education in schools of the Novosibirsk region is a key aspect of the implementation of the national project "Education"], *Site Upravleniya obrazovaniya Novosibirskogo raiona [Website of the Novosibirsk district Education Department]*. Available at: <http://edunor.ru/2021/10/11/voenno-patrioticheskoe-vospitanie-v-shkolah-novosibirskogo-raiona-klyuchevoj-aspekt-realizatsii-natsionalnogo-proekta-obrazovanie/> (accessed: 22.12.2021).
19. Patrioticheskoe vospitanie [Patriotic education], *Site Upravleniya obrazovaniya administratsii g. Kemerovo [Kemerovo Administration Department of Education website]*. Available at: https://kem-edu.ucoz.ru/index/struktura_upravleniya_obrazovaniya/0-4 (accessed: 19.12.2021).

20. Mironovoi L.G. (ed.) YuNARMIIYa v Kuzbasse [YuNARMIIYa in Kuzbass]: sb. metod. Rekomendatsii. Kemerovo, 2018, 100 p.
21. V Novosibirskom pedagogicheskom kolledzhe izdaetsya al'manakh, posvyashchennyi istorii volonterskogo i yun-armeiskogo dvizheniya [The Novosibirsk Pedagogical College publishes an almanac dedicated to the history of the volunteer and unarmist movement], *Novosibirskaya oblastnaya obshchestvennaya organizatsiya veteranov-pensionerov voiny, truda, voennoi sluzhby i pravookhranitel'nykh organov* [Novosibirsk Regional Public Organization of veterans-pensioners of war, labor, military service and law enforcement agencies]. Available at: <https://27272.ru/novosti/28239/> (accessed: 21.12.2021).
22. Stranitsa Novosibirskogo regional'nogo otdeleniya DOSAAF [Page of the Novosibirsk regional branch of Voluntary Society for the Assistance of the Army, Aviation and navy]. Available at: <https://vk.com/dosaafnso> (accessed: 19.12.2021).
23. Regional'noe otdelenie DOSAAF Rossii Kemerovskoi oblasti — Kuzbassa. Struktura podrazdeleniya [The regional branch of the Voluntary Society for the Assistance of the Army, Aviation and navy of Russia of the Kemerovo region — Kuzbass. Division structure]. Available at: <http://www.dosaaf42region.ru/index.php/about/faqs> (accessed: 19.12.2021).
24. Novosibirskoe regional'noe otdelenie "Poiskovogo dvizheniya Rossii" [Novosibirsk Regional Office "Search Movement of Russia"], *Poiskovoe dvizhenie Rossii* [Search movement of Russia]. Available at: <http://rf-poisk.ru> (accessed: 28.12.2021).
25. Svodnyi poiskovyi otryad Kemerovskoi oblasti "Zemlyak" [Consolidated search group of the Kemerovo region "Zemlyak"]. Available at: https://zemlyak-kem.ucoz.ru/index/o_nas/0-4 (accessed: 28.12.2021).
26. Reestr shkol'nykh muzeev [Register of school museums], *Tsentri detsko-yunosheskogo turizma, kraevedeniya i organizatsii otdykh i ozdorovleniya detei* [Center for youth tourism, regional studies and organization of recreation and health improvement of children]. Available at: <https://fedtk.ru/museums> (accessed: 24.12.2021).
27. Muzei obrazovatel'nykh organizatsii Kemerovskoi oblasti [Museums of educational organizations of the Kemerovo region], *GAOU DOD KO "Oblastnoi tsentr detskogo i yunosheskogo turizma i ekskursii"* [GAOU MO KO "Regional center of children's and youth tourism and excursions"]. Available at: <http://www.kuztur42.narod.ru/muzei.htm> (accessed: 24.12.2021).
28. Ob itogakh pasportizatsii 2020 [About the results of certification 2020]: prikaz № 445-V ot 21 dek. 2020 g., *Metodicheskii otdel MBU DO DDT Krasnozerskogo raiona* [Methodical department of MBOU DOD DDT Krasnogorsk district]. Available at: <http://imc.kra.edu54.ru/p130aa1.html> (accessed: 24.12.2021).

Информация об авторах

Качусов Дмитрий Анатольевич — аспирант, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация. E-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru

Казанцев Дмитрий Анатольевич — старший преподаватель, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация. E-mail: dimkazanchev@mail.ru

Information about the authors

Dmitry A. Kachusov — Post-Graduate Student, Altai State University, Barnaul, Russian Federation. E-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru

Dmitry A. Kazantsev — Senior Lecturer, Altai State University, Barnaul, Russian Federation. E-mail: dimkazanchev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.03.2022; одобрена после рецензирования 21.04.2022; принята к публикации 12.07.2022.

The article was submitted 03.03.2022; approved after reviewing 21.04.2022; accepted for publication 12.07.2022.

ЖЕНСКАЯ ЗАНЯТОСТЬ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Евгения Леонидовна Ситникова

Вятский государственный университет, Киров, Российская Федерация
evgsitnikova@yandex.ru

Аннотация. Целью представленной статьи выступил анализ женской занятости в советской, а затем и в современной России. Данный анализ необходим для оценки полноты использования человеческого капитала женщин в трудовой деятельности, что, в свою очередь, может стать одним из оснований в оценке положения женщины в современном российском обществе. Источниками информации для проведенного анализа выступили официальные статистические данные, а также статьи из советских центральных газет («Правда», «Известия», «Комсомольская Правда», «Труд»), в которых с идеологических позиций прослеживалась государственная политика в отношении женщин-тружениц. Исследовательский акцент ставился как на некоторых социокультурных особенностях советского, а затем и российского общества, определяющих занятость женщин, так и на экономической его составляющей. В результате проведенного анализа делается вывод о сохраняющейся гендерной дискриминации в трудовой сфере, приводящей к «недоиспользованию» человеческого капитала женщин.

Ключевые слова: женщины, труд, человеческий капитал, занятость, образование, гендерная дискриминация

Для цитирования: Ситникова Е. Л. Женская занятость в России: исторические и современные аспекты // Развитие территорий. 2022. № 3. С. 63—70. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-63-70.

State and civil society, ideology and politics

Original article

WOMEN'S EMPLOYMENT IN RUSSIA: HISTORICAL AND MODERN ASPECTS

Evgeniya L. Sitnikova

Vyatka State University. Kirov, Russian Federation, evgsitnikova@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article was to analyze women's employment in Soviet and then modern Russia. This analysis is necessary to assess the completeness of the use of women's human capital in labor activity, which, in turn, may become one of the bases for assessing the position of women in the co-modern Russian society. The sources of information for the analysis were official statistical data, and articles from Soviet central newspapers ("Pravda", "Izvestiya", "Komsomolskaya Pravda", "Trud"), in which the state policy towards women workers was followed from ideological positions. The research emphasis was placed both on some socio-cultural features of Soviet and then Russian society, which determine the employment of women, and on its economic component. As a result of the analysis, it is concluded that there is persistent gender discrimination in the labor sphere, leading to the "underutilization" of women's human capital.

Keywords: women, labor, human capital, employment, education, gender discrimination

For citation: Sitnikova E.L. Women's Employment in Russia: Historical and Modern Aspects. Territory Development. 2022;(3):63—70. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-63-70.

Конкурентоспособность как общественной системы в целом, так и ее экономической составляющей «определяется величиной человеческого капитала, которым обладает конкретное государство» [1, с. 80]. Говоря о человеческом капитале, отметим, что в общем понимании он представляет собой некую сумму знаний, умений, компетенций, социальных контактов и т. п., которыми человек пользуется для удовлетворения своих потребностей на протяжении всей жизни. В свою очередь, важной составляющей человеческого капитала выступает его профессиональная часть, оказывающая непосредственное влияние на развитие экономики, на производительность труда, на потенциал для проявления адаптационных стратегий в быстро меняющихся социально-

экономических реалиях. Общеизвестно, что развитие человеческого капитала и возможности его использования зависят от множества факторов, среди которых особое место занимает гендерный. Существование традиционно «женских» и «мужских» профессий, наличие гендерной дискриминации в оплате труда, недостаточная представленность женщин в политике и т. п. — все это факты, свидетельствующие о барьерах для раскрытия человеческого капитала женщинами в профессиональной деятельности. Они являются подтверждением сложившейся и социально воспроизводимой дискриминации занятости женщин на рынке труда. Вместе с тем в проводимых исследованиях отмечается, что «раскрепощение женского человеческого потенциала оказывает

сильное воздействие на производительность труда» [2, с. 17].

Целью статьи выступил анализ женской занятости в советской, а затем и в современной России.

Объект анализа — занятость женщин в советском государстве и в современной России.

Условной точкой отчета проводимого анализа выступил период Великой Отечественной войны. Именно в это время в современной истории произошёл серьёзный гендерный сдвиг в экономике народного хозяйства в сторону женщин. Стоит отметить, что сам процесс включения советских женщин в экономику массово начался в конце 20-х гг. прошлого столетия, продолжая свое развитие и в 1930-е гг. При этом зачастую женщины занимались неквалифицированным или низкоквалифицированным трудом. Так, Венди З. Голдман, характеризуя занятость женщин в Московской области в 1930 г., отмечает, что «среди тех, кто работал по найму, 70 % занимались неквалифицированным трудом, чаще всего в качестве прислуги, 20 % работали вне сферы индустрии, и только 10 % работавших по найму женщин были заняты в промышленном производстве» [3, с. 30]. К 1936 г. наблюдалась следующая структура присутствия женщин в сферах народного хозяйства: здравоохранение (72 % от числа всех работающих в отрасли), просвещение (56 %), крупная промышленность (39 %), «прочие учреждения» (31 %) [4].

Война внесла большие изменения в источники и формы обеспечения промышленности рабочей силой. Среднегодовая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве страны в 1941 г. составляла 27,3 млн человек, в 1942 г. — 18,4 млн человек (наименьший за весь период войны показатель), в 1945 г. — вновь 27,3 млн человек [5]. В связи с оттоком мужчин из производства произошло ускоренное включение женщин практически по все сферы народного хозяйства. В первые дни войны газета «Известия» писала: «Все советские патриотки должны считать себя мобилизованными на трудовой фронт» [6, с. 1]. Уже на первом этапе войны доля женщин среди занятых в народном хозяйстве страны в целом превысила 57 % [7]. Женщины осваивали новые профессии, женщины-домохозяйки — новый вид занятости, пожилые — возвращались к трудовой деятельности. Особенно значительный рост доли работающих женщин был в сельском хозяйстве (с 30 % в 1940 г. до 57 % в 1945 г.) и на транспорте (с 21 % в 1940 г. до 40 % в 1945 г.) [8]. По отдельным профессиям увеличение доли женщин среди рабочих и служащих в промышленности превышало 4—5 раз [9]. В некоторых отраслях народного хозяйства доля женщин была доминирующей еще до войны и оставалась таковой (главным образом здравоохранение и просвещение).

Освоение новых профессий женщинами осуществлялось в критических исторических условиях. Женщины в этот период времени начали повсеместно осваивать так называемые «мужские»

профессии. Хотя движение по освоению «мужских» профессий зародилось еще в довоенный период, однако массовый характер приобрело именно в военные годы. Женщины становились металлургами, механизаторами, шахтерами, лесорубами, осваивали оружейное дело и т. п. Отдельно стоит отметить физически очень тяжелые условия женского труда на тот период времени. Труд был не механизирован либо слабо механизирован, что требовало порой колоссальных физических усилий. Естественным образом это обстоятельство негативно влияло на здоровье женщин.

Женщин призывали включаться в трудовую деятельность с идеологических позиций, приводя личные примеры женщин-тружениц. Так, в газете «Комсомольская правда» приводится пример самоотверженного труда одной из работниц: «...Маруся Кострикина, недавно ставшая комсомолкой, за 97 своих смен сделала 545 гектаров условной пахоты...В большом соревновании трактористок нашей страны мы не уступим первенства» [10, с. 3].

В годы войны женщин стали активнее выдвигать и на руководящие должности. Иллюстративными в данном случае будут строки из статей в газете «Правда»: «...Горком партии рекомендовал 25 женщин на должности председателей областных и крупных заводских комитетов профсоюза. И здесь выдвижение женщин полностью оправдало себя...» [11, с. 3], «...колхозниц, оправдавших доверие, показавших свои способности на новом деле, надо беречь, закреплять на руководящей работе» [12, с. 1].

Таким образом, человеческий капитал советских женщин в сфере трудовой деятельности существенно возрос за военный период. Можно заключить, что с социально-культурных позиций война еще серьезнее укоренила в общественном сознании понимание женского труда как труда, равного с мужским. Это понимание постепенно вошло в систему ценностей советских женщин [13].

В послевоенный период времени удельный вес женщин в численности рабочих и служащих к 1950 г. несколько сократился и составил 47 %, а к 1955 г. уменьшился еще на 2 % [14]. Вместе с тем, по сравнению с довоенным временем (на 1 января 1940 г.), удельный вес женщин в численности рабочих и служащих к 1950 г. увеличился на 9 % [14]. Согласно статистическим данным, существенный прирост (на 10 % и более) за рассматриваемые 10 лет (с 1940 по 1950 г.) наблюдался в таких отраслях, как сельское хозяйство (на 12 %), транспорт и связь (на 10 %), торговля, заготовки, материально-техническое снабжение (на 14 %), общественное питание (на 13 %), строительство (на 10 %), аппарат органов государственного и хозяйственного управления и общественных организаций, кредитные и страховые учреждения (на 10 %) [14]. Гибель мужчин на полях сражений, их инвалидизация стали объективными факторами, препятствующими сокращению численности женщин в экономике народного хозяйства в послевоенный период времени.

К 1960 г. среднегодовая численность женщин (рабочих и служащих), занятых в народном хо-

зяйстве СССР, составляла 47 % [15] (такой же показатель наблюдался и в 1950 г.) (рис. 1).

Рис. 1. Динамика численности женщин-работчих и служащих в общей численности рабочих и служащих отдельных отраслей народного хозяйства (1955—1960 гг.), % [15]
Dynamics of the number of female workers and employees in the total number of workers and employees of individual sectors of the national economy (1955—1960), % [15]

Статистические данные наглядно демонстрируют отрасли народного хозяйства, где наблюдался перевес в сторону женщин: здравоохранение, общественное питание, просвещение, кредитные и страховые учреждения, связь.

Таким образом, в послевоенный период женщины-труженицы составляли чуть менее половины всех работников Советского Союза, были заняты как в производственной, так и непроизводственных сферах экономики, демонстрировали возрастающий уровень образования, особенно в непроизводственных сферах экономики. Уже в этот период четко выделяются «женские» сферы занятости.

Стоит отметить, что важной характеристикой, влияющей на качество человеческого капитала в профессиональной деятельности, является уровень образования работника. Поэтому далее проанализируем этот параметр.

Женщин со средним специальным образованием в общей структуре занятых в 1960 г. было на 37 % больше, чем мужчин [15]. В разрезе групп специальностей женщин со средним профессиональным образованием было больше всего среди статистиков, кадровиков, товароведов, медицинских работников, педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников. Численность женщин-специалистов с высшим образованием на 1 декабря 1961 г., занятых в народном хозяйстве, составляла 53 %. Количество женщин с высшим образованием, превышавшим количество мужчин, наблюдалось среди экономистов, экономистов-статистиков, товароведов (59 %), врачей (без стоматологов) (74 %), педаго-

гов, библиотечных и культурно-просветительных работников (67 %) [15].

В период так называемого «застоя», наступившего с момента прихода к власти Л. И. Брежнева в 1964 г. и длившегося вплоть до 1987 г., тенденция к росту числа образованных женщин сохранилась. В этот период фактором роста человеческого капитала в профессиональной деятельности стало увеличение в общей численности населения женщин со средним и высшим образованием. Так, «доля женщин в общей численности специалистов с высшим и средним образованием превосходила соответствующий показатель у мужчин и постоянно увеличивалась...» [13, с. 78]. Хотя особый приоритет в идеологической пропаганде профессий в этот период времени отдавался и рабочим специальностям. Так, в публикуемых статьях в газете «Правда» в 1960—1970-е гг. акцент ставился на том, что интеллигентные люди в Советском Союзе — это простые работники [16]. Советская идеология стала в большей степени фокусировать внимание на необходимости и важности профессионального образования. Развивающаяся экономика страны остро нуждалась в квалифицированных специалистах. Так, исследователи отмечают, что с середины 1960-х гг. пресса публикует статьи, посвященные важности получения среднего и высшего образования [16]. Подобная политика быстро нашла свое воплощение в профессионально-квалификационной структуре советских тружениц. Образование воспринималось женщинами как реально работающий социальный лифт, гарант социального успеха.

В это время наблюдается тенденция увеличения численности женщин среди учащихся средних специальных и высших учебных заведений. Так, на протяжении 1960-х гг. в статистических данных зафиксирован рост женщин в составе как высших учебных заведений (с 43 % в 1960—1961 гг. до 46 % в 1967—1968 гг.), так и средних специальных (с 47 % в 1960—1961 гг. до 52 % в 1967—1968 гг. [17] «Женскими» направлениями

подготовки в вузовской среде в этот период времени были экономика и право, здравоохранение, физическая культура и спорт, просвещение, искусство, кинематография [17] (рис. 2). В средних специальных учреждениях «женскими» можно было назвать эти же самые направления подготовки, но только с более выраженной гендерной диспропорцией в пользу женщин.

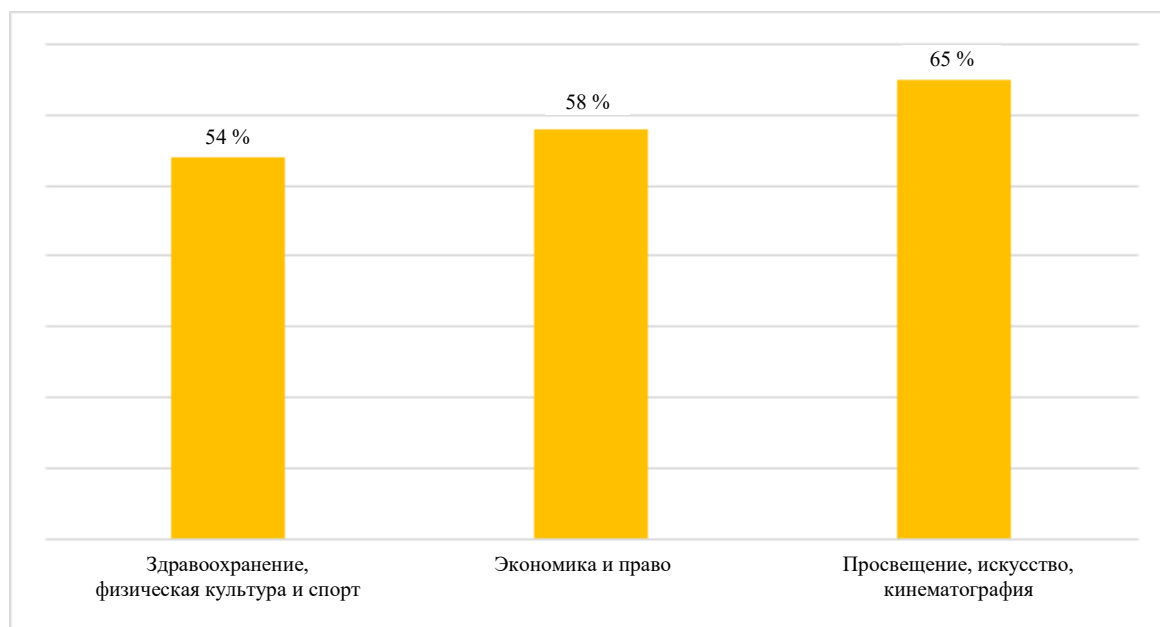

Рис. 2. Направления подготовки в вузах СССР с преобладанием в контингенте учащихся женщин, 1967—1968 учебный год, % [17]
Directions of training in universities of the USSR with a predominance in the contingent of female students, 1967—1968 academic year, % [17]

Наблюдалась устойчивая тенденция закрепления в советском обществе «мужских» и «женских» профессий, которая и определяла формирование человеческого капитала женщин-тружениц в профессиональной деятельности. Труд, занятость являлись одними из высших ценностей советского человека-гражданина. Именно в трудовой деятельности, по мнению советских идеологов, должна была происходить реализация талантов человека, при этом акцент ставился на самоотверженном труде, выполнении и перевыполнении пятилетних планов: «А передовики производства, героини нашего времени! Разве не завидна их судьба? ...Бывшая ткачиха фабрики „Шуйский пролетарий“... выросла до заместителя директора фабрики, секретаря горкома КПСС» [18, с. 3].

В 1970-х гг. численность женщин, включенных в народное хозяйство, продолжала расти к 1977 г. и достигла 51 %. Наибольший процент женщин в общей численности рабочих и служащих в 1977 г. был в торговле и общественном питании — 84 %, в здравоохранении, физкультуре и социальном обеспечении — 83 %, в народном образовании и культуре — 73 % [19]. На протяжении 1970-х гг. количество женщин-учащихся в вузах и средних специальных учреждениях было примерно таким же, как и в 1960-е гг. Популярными среди женщин были практически те же

самые направления подготовки, что и десятилетие ранее (экономика и право, здравоохранение, просвещение). Вместе с тем можно отметить, что на 5 % увеличилось количество женщин, обучающихся по направлениям подготовки «промышленность и строительство, транспорт и связь» (до 40 % в 1977/1978 учебном году), на 7 % «сельское хозяйство» (до 34 % в 1977/1978 учебном году) в вузах [19].

В целом же можно отметить, что в СССР к 1970 г. более 95 млн человек имели высшее и среднее (полное или неполное) образование. Вместе с тем прослойка населения, имевшая законченное высшее образование, была небольшой и составляла 4,2 %, а среднее специальное 6,8 %. Среди работающего населения эти значения были несколько выше — 6,5 и 10,5 % соответственно [20]. Большая часть трудящихся женщин имели либо начальное среднее образование, либо общее (полное и неполное).

Отметим, что фактором, сдерживающим использование профессионального капитала женщин, являлось неравномерное распределение домашних обязанностей в семье, которое сохранялось, несмотря на включение женщин в трудовую деятельность. Исследования, проведенные в 1970-х гг., свидетельствуют о том, что вклад мужчины в работу по дому составлял 24 % от

общего объема (при этом женщина не была домохозяйкой) [21]. Усугублялось это обстоятельство слабой механизацией работы по ведению домашнего хозяйства.

В период перестройки в 1980-х гг. численность женщин, включенных в народное хозяйство, существенно не изменилась. В 1987 г. она составила 50,6 % [22]. Наибольший процент женщин в общей численности рабочих и служащих в 1987 г. был в кредитовании и государственном страховании — 87 %, в торговле и общественном питании — 82 %, в здравоохранении, физкультуре и социальном обеспечении — 81 %, в народном образовании — 75 %, в культуре — 73 % [22]. От женщины-труженицы так же, как и ранее, требовалось самоотверженно трудиться, выполнять и перевыполнять поставленные перед ней профессиональные задачи. Государственные гарантии женской занятости, обеспеченные советским государством, преподносились как величайшее достижение в противовес гендерной дискриминации в сфере труда, существовавшей в западных странах [23].

К 1987 г. доля женщин с высшим и средним специальным образованием в Советском Союзе практически за полвека увеличилась на четверть (с 36 % в 1940 г. до 61 % в 1987 г.) [22]. Согласно переписи населения 1989 г., за 30 лет (с 1959 по 1989 гг.) количество женщин, имеющих высшее образование и трудящихся в сфере народного хозяйства, увеличилось более чем на 11 % [24]. Количество женщин, имеющих среднее полное образование и занятых в экономике, за 30 лет увеличилось более чем на 48 % [24]. В целом данные переписи 1989 г. свидетельствовали о том, что уровень образования среди занятых в экономике выше у женщин. Что касается высшего образования, то его уровень среди всех работающих приблизился к 22 %, т. е. по сравнению с 1970 г. увеличился более чем на 15 %. При этом рост образования среди женщин не имел прямой зависимости с ростом деловой квалификации, что было связано с семейными обстоятельствами, рождением детей, трудностями быта, недостатками в системе дошкольного образования [25]. Данный факт определял более низкую оплату женского труда. Кроме того, исследования, проведенные в конце 1980-х гг., фиксируют по-прежнему большое число женщин, занятых тяжелым физическим трудом, на вредных производствах, в условиях слабой механизации труда, перманентных переработок [25]. К концу 1980-х гг. по-прежнему большой удельный вес женщин приходился на народное образование, здравоохранение, физическую культуру, социальное обеспечение, торговлю, общественное питание [25]. При этом свыше половины от всех работающих женщин были заняты в отраслях материального производства [26]. Вместе с тем четко наметились тенденции увеличения численности женщин в отраслях нематериального производства [26].

После распада СССР в новейшей истории нашей страны уровень образования женщин, за-

нятых в экономике, неуклонно возрастал [27], что, конечно же, с положительной точки зрения влияло на их профессионализм. Изменение уровня доступности профессионального образования и его качества в современной России по сравнению с периодом СССР оставим за скобками данного исследования.

В 1990-х гг. в связи с серьезными структурными изменениями в экономике страны происходят и изменения на рынке труда, связанные с безработицей. Одной из проблем российской безработицы стала ее феминизация [21]. Женщины стали более уязвимой частью экономически активного населения страны, что опять же было связано с гендерной дискриминацией женщин на рынке труда. Кроме того, в этот период времени, как и в советский, отмечался низкий технический уровень современного производства, что вело к тому, что основная масса женщин были заняты неквалифицированным трудом [26]. При этом число работниц малоквалифицированного труда более чем в 2 раза превышало аналогичный уровень у мужчин [26].

В дальнейшем указанные выше тенденции относительно уровня образования и ниш занятости женщин продолжили свое развитие. К 2020 г. уровень высшего образования среди работающих женщин достиг 40,5 % против 30,6 % у мужчин [28]. Всего в 2020 г. доля занятых в экономике страны женщин составила 48,7 % [28]. Согласно статистическим данным, числовое преимущество женщин наблюдается в таких видах экономической деятельности, как «торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания», «образование», «деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» [28].

В представленной статье в ретроспективе отражены изменения и специфика женской занятости в нашей стране. Отметим, что рост профессионализма среди трудящихся женщин далеко не всегда приводил к уменьшению гендерной дискриминации в трудовой деятельности, о чем свидетельствуют многочисленные исследования [2 ; 25 ; 27 ; 29 ; 30 и др.].

Распределение женщин в экономике нашей страны носит крайне неравномерный характер, уходящий корнями в советское прошлое. На текущий момент в структуре экономики России можно выделить традиционно «феминные» сферы женской занятости (образование, торговля, медицина, предоставление социальных услуг), которые до сих пор являются наименее оплачиваемыми сферами [31]. Как ни парадоксально, но усугубляют ситуацию и закрепленные в трудовом законодательстве права женщин. Так, исследователи отмечают, что наличие льгот для женщин (например, отпуск по уходу за детьми до трех лет) также могут выступать причиной гендерной дискриминации, снижая конкурентоспособность женщин на рынке труда [31].

Подводя итог отметим, что на рынке труда России наблюдается «недоиспользование» человеческого капитала женщин трудоспособного возраста, что связано с множеством факторов, находящихся в плоскости как профессиональной сферы, так и в плоскостях, не связанных с трудовой деятельностью женщин (ценностные установки, социально-экономические условия и пр.). Основой гендерной дискриминации в труде, на наш взгляд, являются негласные ценности, преобладающие в российском обществе, связанные с тем, что именно женщины преимущественно должны заниматься воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства. Распределение обя-

занностей между супругами в большинстве своем по-прежнему носит неравномерный характер. Кроме того, отношение многих работодателей к женщинам до сих пор носит порой черты скрытой или явной гендерной дискриминации, что отражается в отборе кандидатов на вакантную должность, в определении уровня оплаты труда, продвижении по карьерной лестнице и т. д. Таким образом, описанные обстоятельства определяют степень использования человеческого капитала женщин в профессиональной деятельности, а также специфику их занятости, являясь сдерживающим фактором для развития экономики России.

Список источников

1. *Медведева О. В.* Человеческий капитал: понятие, структура и основные характеристики // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2019. № 7 (41). С. 80—86.
2. *Шведова Н. А.* Развитие человеческого капитала и гендерное равенство: умная гендерная политика // *Женщина в российском обществе*. 2015. № 3/4 (76/77). С. 17—30.
3. *Голдман В. З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917—1937 гг.) / [пер. с англ. В. Ю. Любовской]. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 358 с.
4. *Морозова О. М., Трошина Т. И., Ялозина Е. А.* Труд как свобода, труд как бремя: о ранних страницах женской занятости в России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18, № 2. С. 374—411. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-2-374-411.
5. *Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.* : стат. сб. М. : Информ.-издат. центр, 1990.
6. *Советские патриотки* // *Известия*. 1941. 29 июня. № 152 (7528). С. 1.
7. *Боффа Дж.* История Советского Союза : в 2 т. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941—1964 гг. : пер. с итал. М. : Международные отношения, 1994. 632 с.
8. *Великая Отечественная война*. Юбилейный статистический сборник : стат. сб. / Росстат. М., 2015. 190 с.
9. *Воробьева О. Д., Топилин А. В., Максимова А. С.* Население и трудовые ресурсы в период Великой Отечественной войны // *Великая Победа Советского народа: социально-политические и демографические аспекты* / отв. ред. С. В. Рязанцев, В. И. Иванов. М. : Экон-Информ, 2020. С. 244—271.
10. *Гармаш Д.* «Молодые трактористки! Работайте как Даша Гармаш!» // *Комсомольская правда*. 30 марта 1943. № 74 (5476) С. 3.
11. *Карпова Н.* Женщины на руководящей работе // *Правда*. 1941. 10 окт. № 281. С. 3.
12. *Смелее* выдвигать женщин на руководящую работу в колхозах // *Правда*. 1942. 6 февр. № 37. С. 1.
13. *Барсукова С. Ю.* Модели успеха женщин советского и постсоветского периодов: идеологическое мифотворчество // *Социологические исследования*. 2001. № 2. С. 75—82.
14. *Народное хозяйство СССР в 1956 г.* : стат. сб. М. : Государственное статистическое издательство, 1956.
15. *Народное хозяйство СССР в 1961 году* : стат. ежегодник. М. : Госстатиздат ЦСУ СССР, 1962.
16. *Черняева К. О., Сорокина Н. В.* Дискурс профессиональных династий в советском медиапространстве (на примере газеты «Правда» 1960—1970 гг.) // *Гуманитарий Юга России*. 2019. Т. 8, № 6. С. 254—267. DOI: 10.23683/2227-8656.2019.6.17.
17. *Народное хозяйство СССР в 1967 году* : стат. ежегодник. М. : Статистика, 1968.
18. *Пухова З.* У нас, женщин, счастливые судьбы // *Труд*. 14 августа 1975. № 189 (16624). С. 3.
19. *Народное хозяйство СССР в 1977 году* : стат. ежегодник. М. : Статистика, 1977.
20. *Болдырев В. А.* Итоги переписи населения СССР. М. : Статистика, 1974. 84 с.
21. *Тенденции социокультурного развития России. 1960—1990-е гг.* / Рос. ин-т культурологии ; отв. ред. И. А. Бутенко, К. Э. Разлогов. М. : ПАИМС, 1996. 507 с.
22. *Народное хозяйство СССР в 1987 году* : стат. ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1988.
23. *Бойков В.* «Женщиной года» становятся и так... // *Труд*. 1983. 1 апр. № 75. С. 3.
24. *Болдырев В. А.* Итоги переписи населения СССР. М. : Финансы и статистика, 1990.
25. *Женщины в СССР 1990*. М. : Финансы и статистика, 1990. 63 с.
26. *Хоткина З. А.* Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М., 1992. 204 с.
27. *Хаджалова Х. М., Савзиханова С. Э.* Качество человеческого капитала: гендерный аспект // *Креативная экономика*. 2018. Т. 12, № 4. С. 481—490. DOI: 10.18334/ce.12.4.39056.
28. *Труд и занятость в России. 2021* : стат. сб. / Росстат. М., 2021. 177 с.
29. *Силласте Г. Г., Кожамжарова Г. Ж.* Социальная дискриминация женщин как предмет социологического анализа // *Социологические исследования*. 1997. № 12. С. 112—120.
30. *Силласте Г. Г.* От решения женского вопроса к новому гендерному порядку: движение в модусах социально-го времени // *Гуманитарий Юга*. 2017. Т. 6, № 5. С. 48—62. DOI 10.23683/2227-8656.2017.5.3.
31. *Бинефельд М., Четвернина Т. Я., Лакунина Л. Д.* Российские реформы и положение женщин на рынке труда и в обществе // *Журнал исследований социальной политики*. 2007. Т. 5, № 3. С. 387—404.

References

1. Medvedeva O.V. Chelovecheskij kapital: ponjatie, struktura i osnovnye harakteristiki [Human capital: concept, structure and main characteristics], *Innovacionnaja jekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Innovative economy: prospects for development and improvement], 2019, no. 7 (41), pp. 80—86.
2. Shvedova N.A. Razvitie chelovecheskogo kapitala i gendernoe ravenstvo: umnaja gendernaja politika [Human capital development and gender equality: smart gender policy], *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [A woman in Russian society], 2015, no. 3/4 (76/77), pp. 17—30.
3. Goldman V.Z. Zhenshchiny u prokhodnoi. Gendernye otnosheniya v sovetskoi industrii (1917—1937 gg.) [Women at the entrance. Gender relations in Soviet Industry (1917-1937)]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Fond "Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina", 2010, 358 p.
4. Morozova O.M., Troshina T.I., Yalozina E.A. Trud kak svoboda, trud kak breyma: o rannikh stranitsakh zhenskoi zanyatosti v Rossii [The works of root freedom, the work of root brema: in the early countries, women's studies in Russia], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 374—411. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-2-374-411.
5. Narodnoe khozyaistvo SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine 1941—1945 gg. [The national economy of the USSR in the Great Patriotic War of 1941-1945]: stat. sb. Moscow, Inform.-izdat. tsentr, 1990.
6. Sovetskie patriotki [Soviet patriots], *Izvestiya*, 1941, 29 iyun., no. 152 (7528), pp. 1.
7. Boffa Dzh. Istoriya Sovetskogo Soyuza [History of the Soviet Union], 2 vol. Vol. 2. *Ot Otechestvennoi voiny do polozheniya vtoroi mirovoi derzhavy. Stalin i Khrushchev. 1941—1964 gg.* [Ot Otechestvennoi voiny do polozheniya vtoroi mirovoi derzhavy. Stalin i Khrushchev. 1941—1964 gg.] Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994, 632 p. (in Russ.)
8. Velikaya Otechestvennaya voina. Yubileinyi statisticheskii sbornik [The Great Patriotic War. Anniversary statistical collection]: stat. sb. Moscow, 2015, 190 p.
9. Vorob'eva O.D., Topilin A.V., Maksimova A.S., Naselenie i trudovye resursy v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Population and labor resources during the Great Patriotic War], *Velikaya Pobeda Sovetskogo naroda: sotsial'no-politicheskie i demograficheskie aspekty* [The Great Victory of the Soviet People: socio-political and demographic aspects], ed. S.V. Ryazantsev, V.I. Ivanov. Moscow, Ekon-Inform, 2020, pp. 244—271.
10. Garmash D. "Molodye traktoristki! Rabotaite kak Dasha Garmash!" ["Young tractor drivers! Work like Dasha Garmash!"]. *Komsomol'skaya Pravda*, 30 mart 1943, no. 74 (5476), pp. 3.
11. Karpova N. Zhenshchiny na rukovodyashchei rabote [Women in leadership positions], *Pravda*, 1941, 10 okt., no. 281, p. 3.
12. Smelee vydvigat' zhenshchin na rukovodyashchuyu rabotu v kolkhozakh [Courage to put women in leadership positions on collective farms!], *Pravda*, 1942, 6 fevr., no. 37, p. 1.
13. Barsukova S.Yu. Modeli uspekha zhenshchin sovetskogo i postsovetskogo periodov: ideologicheskoe mifotvorchestvo [Models of success of women of the Soviet and post-Soviet periods: ideological myth-creation], *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2001, no. 2, pp. 75—82.
14. Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1956 g. [The national economy of the USSR in 1956]: stat. sb. Moscow, Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo, 1956.
15. Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1961 godu [The national economy of the USSR in 1961]: stat. ezhegodnik. Moscow, Gosstatizdat TsSU SSSR, 1962.
16. Chernyaeva K.O., Sorokina N.V. Diskurs professional'nykh dinastii v sovetskom mediaprostranstve (na primere gazety "Pravda" 1960—1970 gg.) [The Discourse of professional dynasties in the Soviet Media Space (on the example of the newspaper Pravda 1960-1970)], *Gumanitarii Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], 2019, vol. 8, no. 6, pp. 254—267. DOI: 10.23683/2227-8656.2019.6.17.
17. Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1967 godu [The national economy of the USSR in 1967]: stat. ezhegodnik. Moscow, Statistika, 1968.
18. Pukhova Z. U nas, zhenshchin, schastlivye sud'by [Our women have happy destinies], *Trud*, 14 avg., 1975, no. 189 (16624), p. 3.
19. Narodnoe khozyaistvo CCCP v 1977 godu [The national economy of the Central Republic in 1977]: stat. ezhegodnik. Moscow, Statistika, 1977.
20. Boldyrev V.A. Itogi perepisi naseleniya SSSR [Results of the USSR population census]. Moscow, Statistika, 1974, 84 p.
21. Butenko I.A., Razlogov K.E. (ed.) Tendentsii sotsiokul'turnogo razvitiya Rossii. 1960—1990-e gg. [Trends in the socio-cultural development of Russia. 1960—1990-e gg.] Moscow, PAIMS, 1996, 507 p.
22. Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1987 godu [The national economy of the USSR in 1987]: stat. ezhegodnik. Moscow, Finansy i statistika, 1988.
23. Boikov V. "Zhenshchinoi goda" stanovyatsya i tak ["Women of the Year" becomes], *Trud*, 1983, 1 apr., no. 75, p. 3.
24. Boldyrev V.A. Itogi perepisi naseleniya SSSR [Results of the USSR population census]. Moscow, Finansy i statistika, 1990.
25. Zhenshchiny v SSSR 1990 [Women in the USSR 1990]. Moscow, Finansy i statistika, 1990, 63 p.
26. Khotkina Z.A. Zhenshchiny i sotsial'naya politika (gendernyi aspekt) [Women and social policy (gender aspect)]. Moscow, 1992, 204 p.
27. Khadzhalova Kh.M., Savzikhanova S.E. Kachestvo chelovecheskogo kapitala: gendernyi aspekt [Quality of human capital: gender aspect], *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy], 2018, vol. 12, no. 4, pp. 481—490. DOI: 10.18334/ce.12.4.39056.
28. Trud i zanyatost' v Rossii. 2021 [Labor and employment in Russia. 2021]: stat. sb. Moscow, 2021. 177 p.
29. Sillaste G.G., Kozhamzharaeva G.Zh. Sotsial'naya diskriminatsiya zhenshchin kak predmet sotsiologicheskogo analiza [Social discrimination of women as a subject of sociological analysis], *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1997, no. 12, pp. 112—120.
30. Sillaste G.G. Ot resheniya zhenskogo voprosa k novomu gendernomu poryadku: dvizhenie v modusakh sotsial'nogo vremeni [From solving the women's issue to a new gender order: movement in the modes of social time], *Gumanitarii Yuga* [Humanities of the South], 2017, vol. 6, no. 5, pp. 48—62. DOI 10.23683/2227-8656.2017.5.3.

31. Binefel'd M., Chetvernina T.Ya., Lakunina L.D. Rossiiskie reformy i polozhenie zhenshchin na rynke truda i v obshchestve [Russian reforms and the position of women in the labor market and in society], *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [Journal of Social Policy Research], 2007, vol. 5, no. 3, pp. 387—404.

Информация об авторе

Ситникова Евгения Леонидовна — кандидат социологических наук, доцент, Вятский государственный университет, Киров, Российская Федерация. E-mail: evgsitnikova@yandex.ru

Information about the author

Evgeniya L. Sitnikova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation. E-mail: evgsitnikova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.05.2022; одобрена после рецензирования 27.06.2022; принята к публикации 12.07.2022.

The article was submitted 17.05.2022; approved after reviewing 27.06.2022; accepted for publication 12.07.2022.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

PROBLEMS OF ECONOMIC DEVELOPMENT AND MANAGEMENT

Развитие территорий. 2022. № 3. С. 71—79.
Territory Development. 2022;(3):71—79.

Проблемы развития экономики и управления

Научная статья

УДК 336.5

DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-71-79

АКТУАРНАЯ ОЦЕНКА ПЕНСИОННЫХ ПРАВ В ДОБРОВОЛЬНОМ ПЕНСИОННОМ СТРАХОВАНИИ

Татьяна Геннадьевна Синявская¹, Александра Александровна Трегубова^{2✉}, Магомед Зияутдинович Музаев³

^{1, 2} Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

³ Грозненский государственный нефтяной технический университет им. академика М. Д. Миллионщикова, Грозный, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Трегубова Александра Александровна, alexandra_a_t@mail.ru

Аннотация. В статье с помощью актуарных методов на основе официальных статистических данных для России и Ростовской области оценена величина нетто-премии, которую необходимо уплачивать для получения пенсии, соответствующей среднему размеру, и величина потенциальной пенсии, которую можно ожидать при условии равенства нетто-премий взносам, уплачиваемым в Пенсионный фонд России. Актуарная оценка осуществлена для мужчин и женщин, проживающих в городской и сельской местности, а также без учета поселенческого аспекта. Показано, что для рано начинающих трудовую деятельность индивидов программы добровольного пенсионного страхования являются более перспективным способом накопления будущей пенсии, чем обязательное пенсионное страхование. Обоснована необходимость использования региональных таблиц смертности и ожидаемой продолжительности жизни при внедрении программ добровольного пенсионного страхования.

Ключевые слова: пенсионное страхование, актуарные расчеты, пенсионная реформа, нетто-премия, пенсии

Для цитирования: Синявская Т. Г., Трегубова А. А., Музаев М. З. Актуарная оценка пенсионных прав в добровольном пенсионном страховании // Развитие территорий. 2022. № 3. С. 71—79. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-71-79.

Problems of economic development and management

Original article

ACTUARIAL VALUATION OF PENSION RIGHTS IN VOLUNTARY PENSION INSURANCE

Tatyana G. Sinyavskaya¹, Aleksandra A. Tregubova^{2✉}, Magomed Z. Muzayev³

^{1, 2} Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

³ Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov, Grozny, Russian Federation

Corresponding author: Aleksandra A. Tregubova, alexandra_a_t@mail.ru

Abstract. Using actuarial methods on the basis of official statistical data for Russia and Rostov Oblast, the paper estimates the amount of net premium that must be paid to receive a pension corresponding to the average size, and the amount of potential pension that can be expected if the net premiums equal the contributions paid to the Pension Fund of Russia. An actuarial estimate was made for men and women living in urban and rural areas, without considering the settlement aspect. It is shown that voluntary pension insurance programs are a more promising way of accumulating future pensions for individuals starting their labor activity early than compulsory pension insurance. The necessity of using regional tables of mortality and life expectancy when introducing voluntary pension insurance programs has been substantiated.

Keywords: pension insurance, actuarial calculations, pension reform, net premium, pensions

For citation: Sinyavskaya T.G., Tregubova A.A., Muzayev M.Z. Actuarial Valuation of Pension Rights in Voluntary Pension Insurance. *Territory Development*. 2022;(3):71—79. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-71-79.

Введение

Добровольное пенсионное страхование представляет собой особую разновидность страхования жизни, при котором индивид при дожитии до определенного возраста или срока начинает получать выплаты с равной частотой, которые продолжают пожизненно либо некоторое время. Частота получения пенсий может быть разной, например ежемесячной или ежегодной. Размер пенсий зависит от срока страхования и характеристик смертности и продолжительности жизни населения данного региона, а также от применяемой для расчетов процентной ставки. Добровольное пенсионное страхование может рассматриваться как часть национальной пенсионной системы, а принципы формирования пенсионных накоплений, присущие добровольному пенсионному страхованию, могут быть использованы для оценки эффективности существующей пенсионной системы.

Российская Федерация обладает обширной территорией, и ее регионы могут иметь существенные различия в демографической ситуации. Поэтому для обоснования актуарных расчетов в пенсионном страховании требуется сравнение результатов расчетов тарифов и пенсий, вычисленных для России и одного из ее регионов. В данном исследовании использованы данные по Ростовской области.

Обзор литературы

Среди исследований зарубежных авторов, посвященных проблемам реформирования пенсионных систем, старения населения, можно выделить работы Н. Oksanen [1], P. R. Orszag и J. E. Stiglitz [2], Т. М. Andersen и J. Bhattacharya [3]. Основные направления реформирования пенсионной системы России исследованы в работах В. Д. Роик [4; 5], Е. А. Мамий и А. В. Новикова [6]. Т. М. Малевой и О. В. Синявской [7; 8] проведен подробный анализ изменений в российском пенсионном законодательстве, определены обусловившие эти изменения факторы.

Вопросы актуарного обоснования формируемых пенсионных прав в условиях пенсионных реформ подробно освещены в работах А. К. Соловьева [9—12]. Так, в работе [9] выделены клю-

чевые проблемы обязательного пенсионного страхования с точки зрения актуарных требований, с акцентом на несоответствие тарифной политике, определяемой в большей степени интересами работодателей в части снижения «налогового бремени», требуемым объемам пенсионных прав будущих пенсионеров. Необходимость актуарного обоснования в условиях старения населения, порядок формирования страховых пенсионных прав в системе обязательного пенсионного страхования России обозначена в работе [11]. В относительно недавнем исследовании [12] проведен анализ экономического механизма и особенностей формирования пенсионных прав застрахованных лиц в различных условиях занятости с учетом наличия в системе обязательного пенсионного страхования как распределительной, так и накопительной составляющих. В исследовании Е. Л. Якушева [13] обоснована необходимость актуарной оценки рисков в пенсионном страховании, выделены факторы, влияющие на эффективность пенсионной системы России.

Материалы и методы

Расчеты были проведены на основе данных таблиц смертности населения России и Ростовской области за 2017 г. Данный год выбран для расчетов, поскольку в 2018 г. на законодательном уровне, согласно Федеральному закону от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий», было принято решение о постепенном повышении возраста выхода на пенсию.

Для обеспечения сопоставимости расчеты были проведены согласно «Методике расчета страховых тарифов по видам страхования, относящимся к страхованию жизни» по следующим принципам.

Поскольку в системе пенсионного обеспечения в России взносы в Пенсионный фонд производятся работодателями за работающих индивидов с начала их трудовой деятельности до выхода на пенсию, то при расчете нетто-премии была использована следующая формула ожидаемой стоимости страхового обеспечения, приведенной на начало действия договора страхования:

$${}_n\ddot{m} \sum_{t=x+n}^w \frac{l_t}{l_x} v^{t-x} - \beta(m)v^n \frac{l_{x+n}}{l_x} = \alpha(m) \frac{N_{x+n}}{D_x} - \beta(m) \frac{D_{x+n}}{D_x} \approx \sum_{t=x+n}^w \frac{l_t}{l_x} v^{t-x} - \frac{(m-1)}{2m} \frac{l_{x+n}}{l_x} v^n = \frac{N_{x+n}}{D_x} - \frac{(m-1)}{2m} \frac{D_{x+n}}{D_x},$$

где ${}_n\ddot{m}$ — единовременная нетто-премия, современная стоимость немедленного аннуитета пренумерандо (выплата производится в начале периода) при страховании на дожитие до срока, установленного договором страхования, с выплатой страхового обеспечения в виде пожизненной ренты (пенсии), отсроченной на n лет, выплачиваемой m раз в году, при первой выплате по достижении возраста $(x+n)$ лет;

$\alpha(m)$ и $\beta(m)$ — коэффициенты, определяемые как:

$$\alpha(m) = \frac{ch\delta - 1}{m^2(ch\frac{\delta}{m} - 1)} = \frac{e^{\delta} + e^{-\delta} - 2}{m^2(e^{\delta/m} + e^{-\delta/m} - 2)} \approx 1 + \frac{(m^2 - 1)\delta^2}{12m^2},$$

$$\beta(m) = \frac{e^{\delta} - 1 - me^{\delta/m} + m}{2m^2 \left(ch \frac{\delta}{m} - 1 \right)} = \frac{2e^{\delta} - 2 - 2me^{\delta/m} + 2m}{2m^2 (e^{\delta/m} + e^{-\delta/m} - 2)} \approx \frac{m-1}{2m} + \frac{(m^2-1)\delta}{6m^2},$$

$$\delta = \ln(1+i);$$

l_x — показатель таблицы смертности, характеризующий число лиц из наблюдаемой совокупности, доживших до возраста x лет ($x = 0, 1, 2, \dots, w$, где w — предельный возраст таблицы смертности);

D_x, N_x — коммутационные функции, специальные функции, введенные для упрощения записи актуарных формул и снижения трудоемкости расчетов, проводимых вручную;

v — дисконтирующий множитель за 1 год, определяемый в соответствии с формулой $v = \frac{1}{1+i}$, показывает, какая сумма должна быть инвестирована в начале года с эффективной процентной ставкой i для получения в конце года денежной суммы в размере 1.

В связи с тем, что полученная величина нетто-премии является единовременной, а выплаты в Пенсионный фонд производятся, по сути, в рассрочку, т. е. ежемесячно, для получения ежемесячной нетто-премии был использован коэффициент рассрочки:

$$P^{(m)} = R \cdot \frac{a_{\overline{n}|i} \cdot a_{\overline{m}|i}}{a_{\overline{n+m}|i}}$$

где $P^{(m)}$ — нетто-премия, выплачиваемая с частотой m раз в год (здесь $m = 12$);

R — ежегодная пенсионная выплата (обязательство страховщика);

$a_{\overline{n}|i}$ — современная стоимость немедленного аннуитета пренумерандо, выплачиваемого m раз в год в течение срока, установленного договором страхования (n лет), определяется по формуле (обязательство страхователя):

$$a_{\overline{n}|i} = \frac{N_x - N_{x+n} - \frac{m-1}{2m} (D_x - D_{x+n})}{D_x}.$$

Таким образом, были рассчитаны ежемесячные нетто-ставки, позволяющие получить величину нетто-премии. Для получения нетто-премии была использована целевая величина пенсии, равная среднему размеру назначенных пенсий.

При расчетах использовался действующий пенсионный возраст (65 лет для мужчин и 60 лет

для женщин) в качестве возраста начала пенсионных выплат.

При расчетах использованы данные Росстата и Ростовстата о среднемесячной начисленной заработной плате в Российской Федерации (39 167 руб.) и Ростовской области (28 499,6 руб.) в 2017 г., а также о среднем размере назначенных пенсий в 2017 г. в России (12 425,6 руб.) и Ростовской области (12 135 руб.).

В качестве ставки дисконтирования была использована процентная ставка по накопительному счету: вкладу без ограничений срока и суммы, с суммой счета от 3 000 руб. По вкладам, открытым до 17 апреля 2022 г., ставка составляет 3 %, по вкладам, открытым с 18 апреля 2022 г. до 25 мая 2022 г. начисляются проценты по ставке 10 %, с 26 мая 2022 г. ставка составит 9 %.

Результаты

В табл. 1—3 представлены результаты расчетов нетто-премий по страхованию пенсий для городского и сельского населения вместе, отдельно для городского и отдельно для сельского населения, для мужчин и женщин Ростовской области и Российской Федерации, в возрастах начала трудовой деятельности 15 лет, 18—25 лет, 30, 35, 40, 45—48 лет. Выбор возрастов обусловлен началом трудовой деятельности для большей части населения, а также необходимостью проиллюстрировать скорость изменения нетто-премий. Граничный возраст в 48 лет, как и в предыдущем случае, обусловлен тем, что величина нетто-ставки становится выше единицы.

Таблица 1

Величина нетто-премий для получения пенсии, равной средней начисленной в 2017 г., в зависимости от возраста начала трудовой деятельности, все население, руб.

Value of net premiums for the pension equal to the average accrued in 2017, according to the age of the beginning of labor activity, all population, rub.

Возраст	Российская Федерация		Ростовская область	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
15	787,01	2 229,40	799,37	2 182,64
18	1 031,43	2 912,75	1 046,51	2 851,00
19	1 129,44	3 185,84	1 145,48	3 117,96
20	1 237,16	3 485,51	1 254,19	3 410,75
21	1 355,63	3 814,53	1 373,67	3 732,04
22	1 486,00	4 176,01	1 505,05	4 084,89
23	1 629,57	4 573,44	1 649,62	4 472,73
24	1 787,79	5 010,72	1 808,83	4 899,35

Возраст	Российская Федерация		Ростовская область	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
25	1 962,28	5 492,23	1 984,31	5 369,02
30	3 151,83	8 760,65	3 177,96	8 555,05
35	5 150,61	14 239,67	5 175,17	13 890,99
40	8 613,12	23 852,24	8 626,92	23 250,68
45	14 902,68	42 107,13	14 894,97	41 014,18
46	16 728,15	47 647,22	16 714,46	46 400,88
47	18 825,38	54 164,37	18 804,62	52 738,04
48	21 247,40	61 907,47	21 219,58	60 266,16

Таблица 2

Величина нетто-премий для получения пенсии, равной средней начисленной в 2018 г., в зависимости от возраста начала трудовой деятельности, городское население, руб.
Value of net premiums for the pension, equal to the average accrued in 2018, dependent on the age of the beginning of labor activity, urban population, rub.

Возраст	Российская Федерация		Ростовская область	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
15	797,54	2 245,11	801,73	2 197,29
18	1 044,72	2 932,77	1 049,28	2 869,94
19	1 143,80	3 207,54	1 148,40	3 138,57
20	1 252,67	3 509,03	1 257,28	3 433,20
21	1 372,38	3 840,03	1 376,95	3 756,47
22	1 504,08	4 203,66	1 508,56	4 111,47
23	1 649,10	4 603,42	1 653,38	4 501,68
24	1 808,87	5 043,20	1 812,82	4 930,87
25	1 985,06	5 527,44	1 988,54	5 403,35
30	3 185,90	8 813,56	3 183,88	8 607,93
35	5 202,79	14 320,47	5 184,29	13 974,89
40	8 694,26	23 978,48	8 642,62	23 390,25
45	15 029,32	42 314,64	14 933,80	41 266,90
46	16 866,78	47 878,60	16 761,89	46 685,84
47	18 977,31	54 423,38	18 862,57	53 059,65
48	21 414,29	62 198,67	21 290,92	60 629,55

Таблица 3

Величина нетто-премий для получения пенсии, равной средней начисленной в 2018 г., в зависимости от возраста начала трудовой деятельности, сельское население, руб.
Value of net premiums for the pension, equal to the average accrued in 2018, depending on the age of the beginning of labor activity, rural population, rub.

Возраст	Российская Федерация		Ростовская область	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
15	759,62	2 181,40	792,84	2 150,84
18	996,94	2 851,72	1 038,64	2 809,79
19	1 092,23	3 119,75	1 137,11	3 073,06
20	1 197,03	3 413,93	1 245,28	3 361,91
21	1 312,37	3 737,03	1 364,16	3 678,97
22	1 439,39	4 092,12	1 494,87	4 027,22
23	1 579,36	4 482,68	1 638,72	4 410,00
24	1 733,72	4 912,56	1 797,22	4 831,09
25	1 904,03	5 386,08	1 971,97	5 294,71
30	3 065,82	8 602,82	3 160,52	8 441,49
35	5 020,16	14 000,80	5 148,80	13 711,34
40	8 411,57	23 481,20	8 584,02	22 952,31
45	14 589,44	41 497,65	14 801,50	40 472,18
46	16 385,25	46 967,15	16 603,13	45 789,19
47	18 449,47	53 402,40	18 671,79	52 046,80
48	20 834,06	61 050,00	21 059,98	59 483,93

В таблицах показана разница в значениях нетто-премий для Ростовской области и Российской Федерации, которая в целом крайне незначительна, особенно для молодых возрастов начала

трудовой деятельности. Так, для женщин 15 лет она составляет 46,8 руб., 20 лет — 74,8 руб., 24 года — 111,4 руб., 48 лет — 1 641 рубль. Для мужчин различия еще ниже. Это свидетельствует

о возможности использования выводов, полученных на основании расчетов, проведенных для Ростовской области, для Российской Федерации в целом в том, что касается основных тенденций.

Как видим, премии для женщин выше в аналогичных возрастах по сравнению с премиями для мужчин. При этом, как видно на рисунках, разрыв

в величине премий женщин и мужчин меньше для населения Ростовской области (на 7—10 п.п. ниже по сравнению с Российской Федерацией), наиболее близки в величине расхождений премии для городского населения Российской Федерации и Ростовской области (различия на 5—7 п.п.) (рис. 1—3).

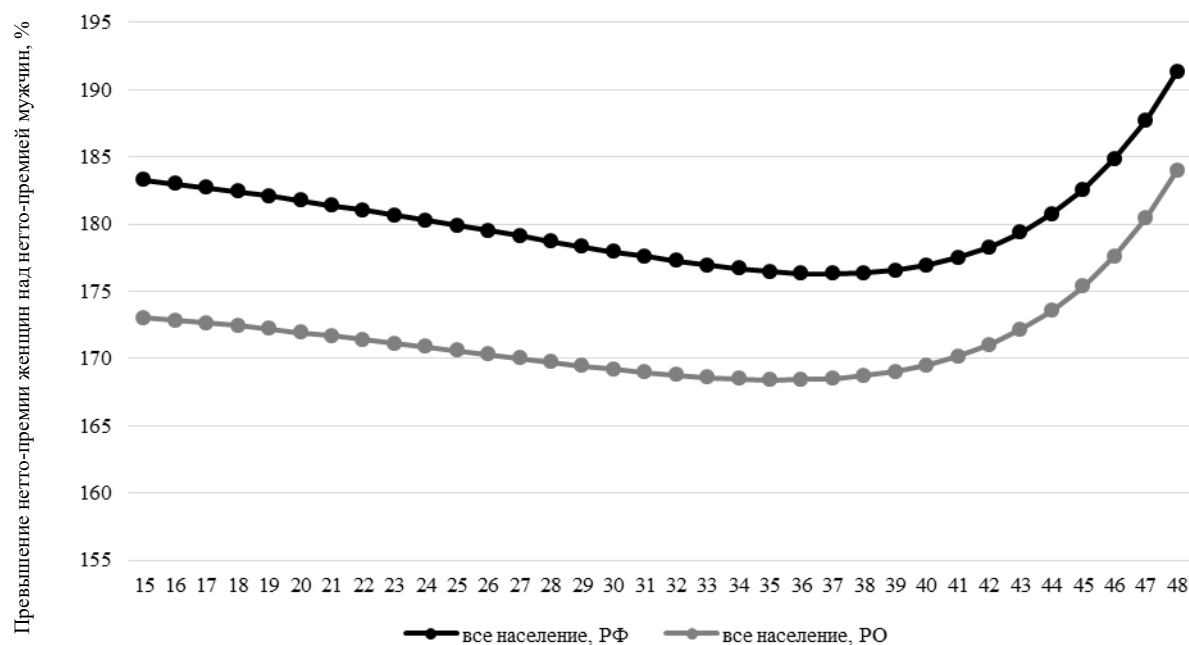

Рис. 1. Превышение нетто-премии женщин над нетто-премией мужчин, все население, Российская Федерация и Ростовская область, %
Excess of net premium of women over the net premium of men, all population, Russian Federation and Rostov Oblast, %

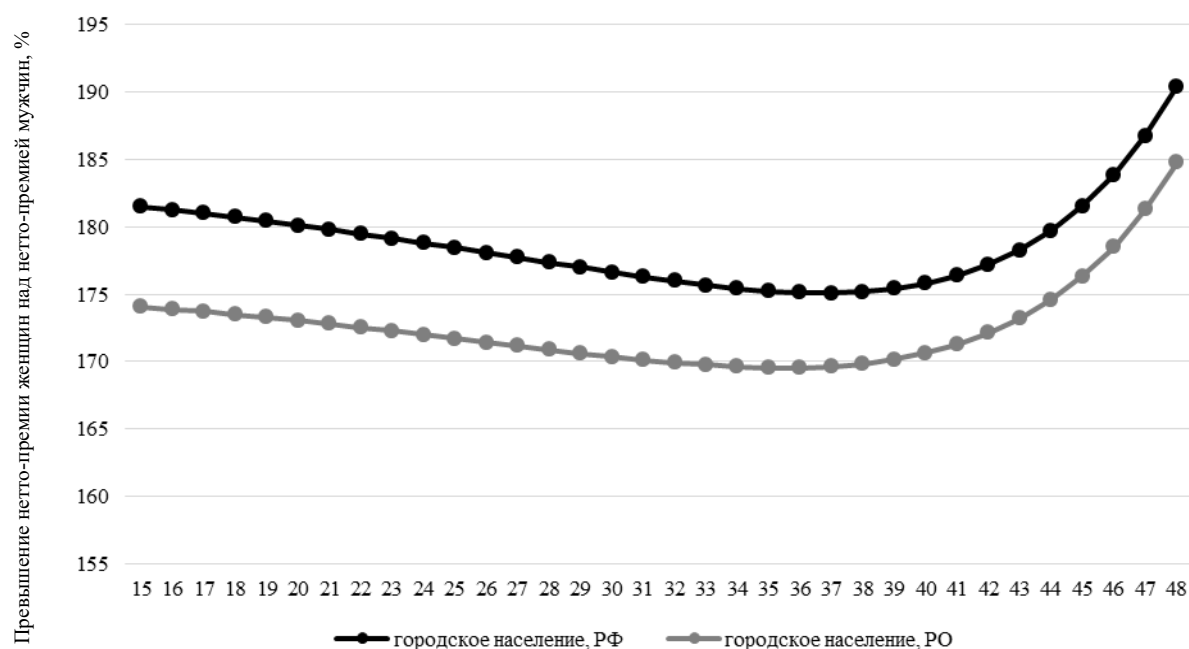

Рис. 2. Превышение нетто-премии женщин над нетто-премией мужчин, городское население, Российская Федерация и Ростовская область, %
Excess of net premium of women over the net premium of men, urban population, Russian Federation and Rostov Oblast, %

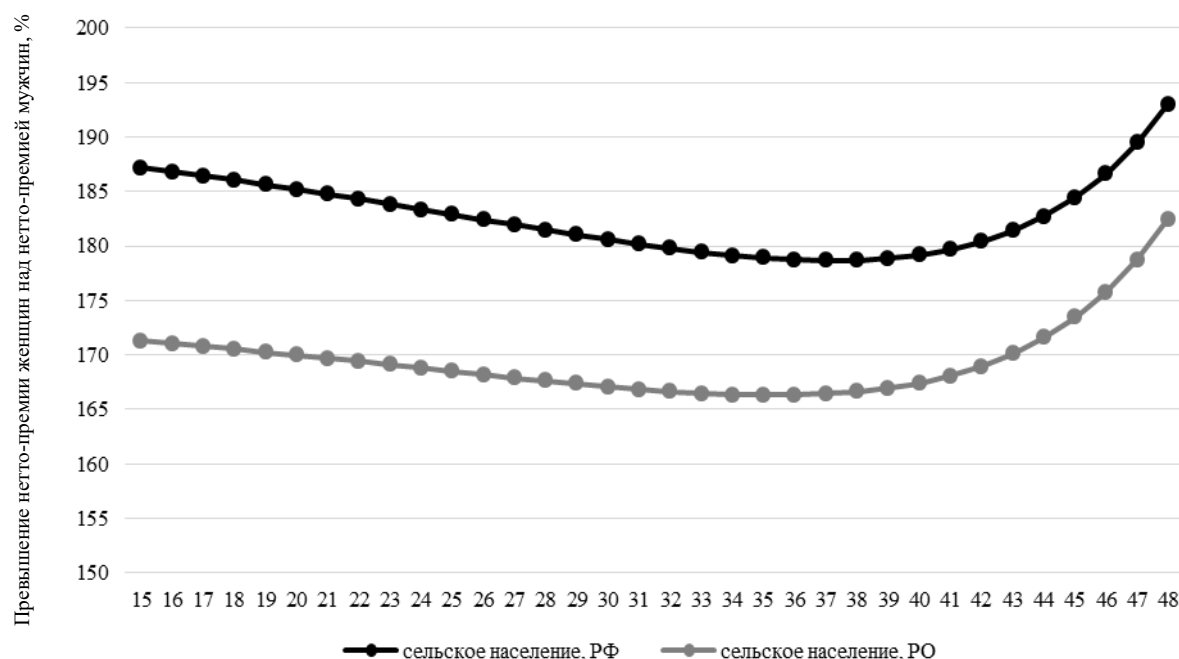

Рис. 3. Превышение нетто-премии женщин над нетто-премией мужчин, сельское население, Российская Федерация и Ростовская область, %
Excess of net premium of women over the net premium of men, rural population, Russian Federation and Rostov Oblast, %

На основании нетто-премий женщин и мужчин по уровню заработной платы (средняя и МРОТ) были рассчитаны значения потенциальной пенсии для мужчин и женщин России в це-

лом и конкретно Ростовской области, для городского и сельского населения при разном возрасте начала трудовой деятельности (табл. 4—6).

Таблица 4

Величина потенциальной пенсии, рассчитанной для России и Ростовской области при разном возрасте начала трудовой деятельности, все население, 2017 г., руб.

The value of the potential pension calculated for Russia and the Rostov Oblast at different ages of employment, all population, 2017, rub.

Население	Пол	Уровень заработной платы	Возраст начала трудовой деятельности, лет			
			15	18	22	24
Россия	Мужчины	Средняя	136 044,00	103 805,60	72 051,07	59 888,52
		МРОТ	26 050,75	19 877,50	13 796,90	11 467,92
	Женщины	Средняя	48 025,56	36 758,39	25 638,87	21 367,81
		МРОТ	9 196,30	7 038,78	4 909,53	4 091,67
Ростовская область	Мужчины	Средняя	95 181,58	72 703,65	50 553,39	42 063,30
		МРОТ	25 048,14	19 132,81	13 303,71	11 069,44
	Женщины	Средняя	34 859,31	26 687,30	18 626,04	15 529,70
		МРОТ	9 173,63	7 023,07	4 901,66	4 086,82

Таблица 5

Величина потенциальной пенсии, рассчитанной для России и Ростовской области при разном возрасте начала трудовой деятельности, городское население, 2017 г., руб.

The value of potential pension calculated for Russia and the Rostov Oblast at different ages of employment, urban population, 2017, rub.

Население	Пол	Уровень заработной платы	Возраст начала трудовой деятельности, лет			
			15	18	22	24
Россия	Мужчины	Средняя	134 248,28	102 484,96	71 184,93	59 190,55
		МРОТ	25 706,90	19 624,61	13 631,04	11 334,26
	Женщины	Средняя	47 689,52	36 507,53	25 470,23	21 230,19
		МРОТ	9 131,96	6 990,75	4 877,24	4 065,32

Население	Пол	Уровень заработной платы	Возраст начала трудовой деятельности, лет			
			15	18	22	24
Ростовская область	Мужчины	Средняя	94 901,12	72 512,09	50 435,73	41 970,66
		МРОТ	24 974,33	19 082,40	13 272,75	11 045,07
	Женщины	Средняя	34 626,88	26 511,17	18 505,62	15 430,40
		МРОТ	9 112,46	6 976,72	4 869,97	4 060,69

Таблица 6

Величина потенциальной пенсии, рассчитанной для России и Ростовской области при разном возрасте начала трудовой деятельности, сельское население, 2017 г., руб.

The value of the potential pension calculated for Russia and the Rostov Oblast at different ages of employment, rural population, 2017, rub.

Население	Пол	Уровень заработной платы	Возраст начала трудовой деятельности, лет			
			15	18	22	24
Россия	Мужчины	Средняя	140 949,76	107 396,98	74 384,61	61 756,47
		МРОТ	26 990,15	20 565,20	14 243,74	11 825,61
	Женщины	Средняя	49 082,22	37 545,13	26 164,49	21 794,76
		МРОТ	9 398,64	7 189,43	5 010,18	4 173,43
Ростовская область	Мужчины	Средняя	95 965,71	73 254,89	50 897,69	42 335,13
		МРОТ	25 254,49	19 277,87	13 394,32	11 140,98
	Женщины	Средняя	35 374,69	27 078,71	18 892,80	15 749,10
		МРОТ	9 309,26	7 126,08	4 971,86	4 144,56

Различия в величине потенциальной пенсии мужчин и женщин, рассчитанной для России и Ростовской области, можно видеть на рис. 4, 5. Как видим, размер потенциальной пенсии мужчин выше по сравнению с пенсиями женщин

в аналогичных возрастах, разрыв для населения Российской Федерации опять существеннее (например, для населения в целом премии мужчин по России были выше на 183 %, по Ростовской области — на 173 %).

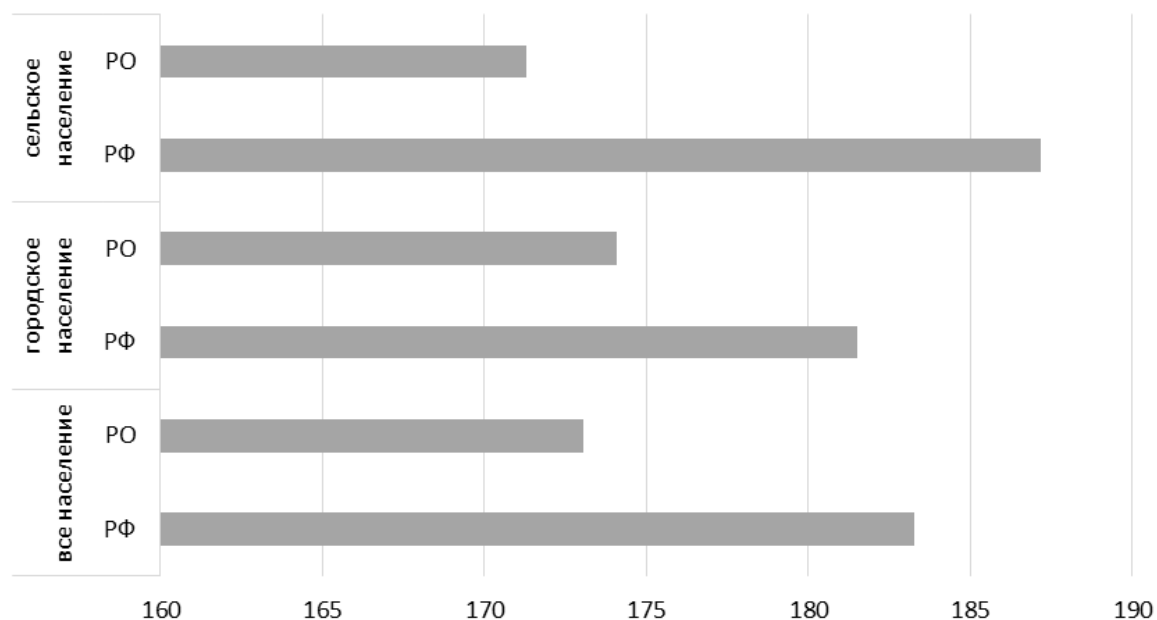

Рис. 4. Превышение потенциального размера пенсии мужчин над пенсией женщин при текущем размере пенсионных взносов со средней заработной платы или МРОТ, Российская Федерация и Ростовская область, %

Excess of men's potential pension over women's pension at the current amount of pension contributions from the average wage or minimum wage, Russian Federation and Rostov Oblast, %

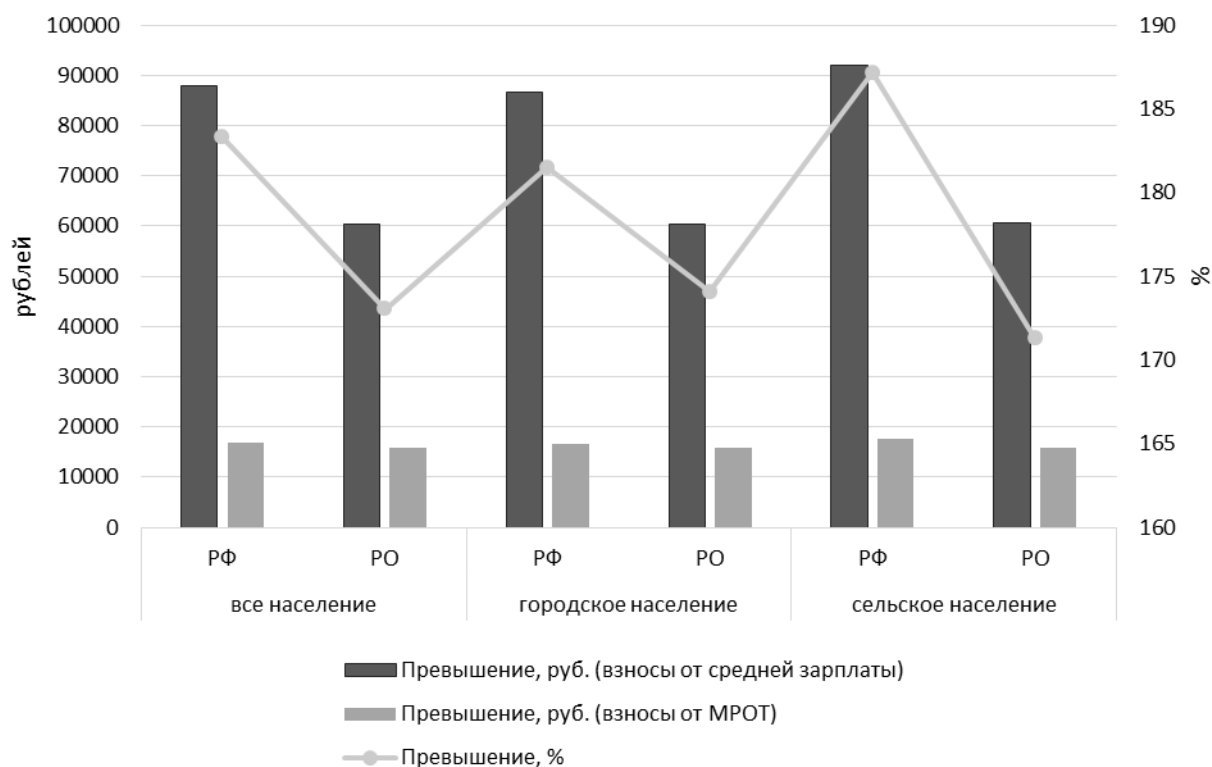

Рис. 5. Превышение потенциального размера пенсии мужчин над пенсией женщин при текущем размере пенсионных взносов со средней заработной платы или МРОТ, Российская Федерация и Ростовская область в абсолютных и относительных величинах
Excess of the potential amount of men's pension over women's pension at the current amount of pension contributions from the average wage or minimum wage, Russian Federation and Rostov Oblast in absolute and relative values

Как видно, различия в значениях для Российской Федерации и Ростовской области при прочих равных невелики. Это дает возможность экстраполировать выявленные на примере Ростовской области закономерности на Российскую Федерацию в целом. Однако следует понимать, что тенденции в Российской Федерации в целом являются в значительной мере усредненными, тогда как демографическая обстановка в отдельных регионах может отличаться. Поэтому представляется возможным рекомендовать при внедрении программ корпоративного страхования использовать региональные таблицы смертности и ожидаемой продолжительности жизни, как в наибольшей степени соответствующие порядку вымирания населения данного региона, без усреднения по стране в целом.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что для индивидов, рано начинающих свою трудовую деятельность, программы добровольного пенсионного страхования, реализуемые, например, посредством корпоративного страхования, могут быть более перспективным способом накопления будущей пенсии, нежели обязательное пенсионное страхование в его современном виде. Для тех же, кто поздно начинает трудовую деятельность, накопить достойную пенсию таким образом не удастся, однако можно использовать такую возможность для повышения размера будущей пенсии. При этом рекомендуется использовать региональные таблицы смертности и ожидаемой продолжительности жизни как позволяющие провести адекватную актуарную оценку будущих обязательств и выплат.

Список источников

1. Oksanen H. Pension Reforms: Key Issues Illustrated with an Actuarial Model. European Economy — Economic Papers 2008—2015, 174, Directorate General Economic and Financial Affairs (DG ECFIN) // European Commission. 2002.
2. Orszag P. R., Stiglitz J. E. Rethinking Pension Reform: Ten Myths About Social Security Systems. New ideas about old age security / ed. by Holzmann R. and Stiglitz J., The World Bank. 2001.
3. Andersen T. M., Bhattacharya J. Why mandate young borrowers to contribute to their retirement accounts? // ISU General Staff Papers, Iowa State University / Department of Economics. 2021.
4. Поик В. Д. Архитектура пенсионных институтов России: состояние и перспективы // Журнал НЭА. 2015. № 3. С. 184—188.
5. Поик В. Д. Пенсионный возраст и модернизация пенсионных систем: отечественный и зарубежный опыт : моногр. М. : Юрайт, 2020. 336 с.

6. Мамий Е. А., Новиков А. В. Актуальные проблемы реформирования пенсионной системы Российской Федерации // Финансы и кредит. 2014. № 19. С. 26—32.
7. Малева Т. М., Синявская О. В. Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы. Аналитический доклад / Независимый институт социальной политики. М. : Поматур, 2005.
8. Малева Т. М., Синявская О. В. Повышение пенсионного возраста: pro et contra // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 8. С. 117—137.
9. Соловьев А. К. Актуарное обоснование перспектив развития обязательного пенсионного страхования // Уровень жизни населения регионов России. 2006. № 3 (97). С. 22—32.
10. Соловьев А. К. Актуарный анализ условий формирования досрочных пенсий по старости // Экономическая наука современной России. 2017. № 2 (77). С. 46—65.
11. Соловьев А. К. Трансформация принципов формирования страховых пенсионных прав в условиях повышения пенсионного возраста // Экономика и управление. 2019. № 9 (167). С. 67—79.
12. Соловьев А. К. Проблемы формирования пенсионных прав в условиях пенсионной реформы // Экономические стратегии. 2020. № 6 (172). С. 38—45.
13. Якушев Е. Л. Актуарное обоснование совершенствования пенсионных систем // ЭКО. 2012. № 4. С. 40—55.

References

1. Oksanen H. Pension Reforms: Key Issues Illustrated with an Actuarial Model, *European Economy — Economic Papers 2008—2015*, 174, Directorate General Economic and Financial Affairs (DG ECFIN), European Commission, 2002.
2. Orszag P.R., Stiglitz J.E., Holzmann R. [ed.] *Rethinking Pension Reform: Ten Myths About Social Security Systems. New ideas about old age security*, The World Bank, 2001.
3. Andersen T.M., Bhattacharya J. Why mandate young borrowers to contribute to their retirement accounts?, *ISU General Staff Papers*, Iowa State University, Department of Economics, 2021.
4. Roik V.D. Arhitektura pensionnykh institutov Rossii: sostojanie i perspektivy [Architecture of pension institutions in Russia: status and prospects], *Zhurnal NJeA [Journal of NJeA]*, 2015, no. 3, pp. 184—188.
5. Roik V.D. Pensionnyj vozrast i modernizacija pensionnykh sistem: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt [Retirement age and modernization of the pension system: domestic and foreign experience]: monogr. Moscow, Jurajt, 2020, 336 p.
6. Mamij E.A., Novikov A.V. Aktual'nye problemy reformirovanija pensionnoj sistemy Rossijskoj Federacii [Actual problems of reforming the pension system of the Russian Federation], *Finansy i kredit [Finance and credit]*, 2014, no. 19, pp. 26—32.
7. Maleva T.M., Sinjavskaja O.V. Pensionnaja reforma v Rossii: istorija, rezul'taty, perspektivy. Analiticheskij doklad [Pension reform in Russia: history, results, prospects. Analytical report]. Moscow, Pomatur, 2005.
8. Maleva T.M., Sinjavskaja O.V. Povyshenie pensionnogo vozrasta: pro et contra [Raising the retirement age: pros and cons], *Zhurnal novoj jekonomicheskoy associacii [Journal of the New Economic Association]*, 2010, no. 8, pp. 117—137.
9. Solov'ev A.K. Aktuarnoe obosnovanie perspektiv razvitiya objazatel'nogo pensionnogo strahovanija [Actuarial justification of the prospects for the development of compulsory pension insurance], *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii [The standard of living of the population of the regions of Russia]*, 2006, no. 3 (97), pp. 22—32.
10. Solov'ev A.K. Aktuarnyj analiz uslovij formirovanija dosrochnnykh pensij po starosti [Actuarial analysis of the conditions for the formation of early retirement pensions], *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii [Economic Science of modern Russia]*, 2017, no. 2 (77), pp. 46—65.
11. Solov'ev A.K. Transformacija principov formirovanija strahovykh pensionnykh prav v uslovijah povyshenija pensionnogo vozrasta [Transformation of the principles of formation of insurance pension rights in the conditions of increasing the retirement age], *Jekonomika i upravlenie [Economics and Management]*, 2019, no. 9 (167), pp. 67—79.
12. Solov'ev A.K. Problemy formirovanija pensionnykh prav v uslovijah pensionnoj reform [Problems of pension rights formation in the conditions of pension reform], *Jekonomicheskie strategii [Economic strategies]*, 2020, no. 6 (172), pp. 38—45.
13. Jakushev E.L. Aktuarnoe obosnovanie sovershenstvovanija pensionnykh sistem [Actuarial justification for improving pension systems], *JeKO [ECO]*, 2012, no. 4, pp. 40—55.

Информация об авторах

Синявская Татьяна Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация. E-mail: sin-ta@yandex.ru

Трегубова Александра Александровна — кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация. E-mail: alexandra_a_t@mail.ru

Музаев Магомед Зияутдинович — кандидат экономических наук, старший преподаватель, Грозненский государственный нефтяной технический университет ГГНТУ им. академика М. Д. Миллионщикова, Грозный, Российская Федерация. E-mail: maga_muzaev@mail.ru

Information about the authors

Tatyana G. Sinyavskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation. E-mail: sin-ta@yandex.ru

Aleksandra A. Tregubova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation. E-mail: alexandra_a_t@mail.ru

Magomed Z. Muzaev — Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer, Grozny State Oil Technical University, GGNTU named after Academician M.D. Millionshchikov, Grozny, Russian Federation. E-mail: maga_muzaev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.06.2022; одобрена после рецензирования 06.07.2022; принята к публикации 12.07.2022.

The article was submitted 26.06.2022; approved after reviewing 06.07.2022; accepted for publication 12.07.2022.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ РЕПУТАЦИОННЫХ РИСКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Александр Михайлович Выжитович¹, Наталья Владимировна Кельзина²

^{1,2} Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация

¹ vam_70@mail.ru

² kelzina2000@mail.ru

Аннотация. В статье представлена актуальная проблема недооценки риска потери репутации участников инвестиционных проектов. Определены место и роль репутационного риска, которую он играет во влиянии на успех реализации инвестиционного проекта с точки зрения кредитных организаций и их клиентов как участников инвестиционных процессов. Авторы рассматривают методические аспекты оценки репутационного риска организации в результате невыполнения Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», невыполнения договорных обязательств участниками проекта, повлекшего судебные и иные последствия. Предложено использование авторской схемы в виде колеса баланса интересов в управлении инвестиционными процессами.

Ключевые слова: достоверность, репутационный риск, деловая репутация, контроль, проверка, инвестиционный проект, риск, «колесо баланса»

Благодарности: статья подготовлена в рамках исследования по приоритетному направлению 5.6.1.5 (проект 5.6.1.5. (0260-2021-0002) «Интеграция и взаимодействие мезоэкономических систем и рынков в России и ее восточных регионах: методология, анализ, прогнозирование») плана НИР ИЭОПП СО РАН 2022 г.

Для цитирования: Выжитович А. М., Кельзина Н. В. Развитие системы контроля репутационных рисков финансирования инвестиционных проектов // Развитие территорий. 2022. № 3. С. 80—86. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-80-86.

Problems of economic development and management

Original article

DEVELOPMENT OF THE REPUTATIONAL RISK CONTROL SYSTEM OF FINANCING INVESTMENT PROJECTS

Alexander M. Vyzhitovich¹, Natalia V. Kelzina²

^{1,2} Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation

¹ vam_70@mail.ru

² kelzina2000@mail.ru

Abstract. The article presents the actual problem of underestimating the risk of losing the reputation of participants in investment projects. The place and role of reputational risk, which it plays in influencing the success of an investment project from the point of view of credit institutions and their clients as participants in investment processes, are determined. The authors consider methodological aspects of assessing the reputational risk of an organization as a result of non-compliance with Federal Law No. 115-FL "On Countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism", non-fulfillment of contractual obligations by project participants, which entailed judicial and other consequences. The use of the author's scheme in the form of a wheel of balance of interests in the management of investment processes is proposed.

Keywords: reliability, reputational risk, business reputation, control, verification, investment project, risk, "balance wheel"

Acknowledgments: the article was prepared as part of the research on priority area 5.6.1.5 (Project 5.6.1.5. (0260-2021-0002) "Integration and interaction of mesoeconomical systems and markets in Russia and its Eastern regions: methodology, analysis, forecasting") of the research plan of the Institute of Economics and Industrial Production Organization of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences 2022.

For citation: Vyzhitovich A.M., Kelzina N.V. Development of the Reputational Risk Control System of Financing Investment Projects. Territory Development. 2022;(3):80—86. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2022-3-80-86.

Рассматриваемая тема является весьма актуальной, так как разработка и реализация инвестиционных проектов — очень распространенная практика современного бизнеса. Каждый участ-

ник данного типа проектов заинтересован в его успешной реализации. Как правило, в инвестиционных проектах поставлены глобальные цели и задачи, для их осуществления необходимы денежные средства. Так как речь идет о значительных суммах, компании привлекают инвесторов

(другие экономические субъекты, государство и др.), которые предоставляют свои денежные ресурсы, чтобы далее получить экономические и социальные выгоды с данного проекта.

Целью исследования выступает разработка авторского подхода к оценке репутационного риска участников инвестиционного проекта во взаимосвязи с другими индикаторами удовлетворенности достижения планируемых результатов.

Чтобы привлечь как можно больше инвесторов, экономический субъект должен вызывать у них доверие, т. е. речь идет о деловой репутации организации. Термин «деловая репутация» в общем понимании можно отнести к человеческим качествам. В экономическом понимании репутация — это некий критерий доверия к конкретному экономическому субъекту, т. е. сложившееся мнение о компании, проявляющееся в оценке особо значимых показателей. Потеря или «загрязнение» деловой репутации и есть репутационный риск в своем проявлении.

Рассмотрим понятие «репутационный риск», представленное в научной литературе.

В своем исследовании Ю. К. Ким рассматривает репутационный риск как риск возникновения у кредитной организации потери деловой репутации вследствие воздействия внутренних и внешних факторов, в том числе в результате ее неспособности эффективно управлять финансовыми и иными видами рисков, а также противодействовать легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, что может повлечь за собой как незначительные, так и глобальные финансовые потери, потерю конкурентной силы, а также вызвать риск ликвидности и в конечном итоге полную потерю стоимости кредитной организации [1]. Е. С. Лулудова объясняет термин «репутационный риск (риск потери деловой репутации)» как риск возникновения у организации убытков вследствие неблагоприятного восприятия имиджа компании клиентами, контрагентами, акционерами (участниками), деловыми партнерами, регулирующими органами и пр. [2]

По мнению одного из предпринимателей России, М. Х. Ходорковского, репутационный риск является возможностью негативной рекламы, общественного мнения или неконтролируемых событий, которые могут отрицательно повлиять на «лицо» компании и тем самым повлиять на ее

доходы. Репутационный риск может наступить неожиданно и поменять всю корпоративную среду организации [3].

С позиции Банка России как регулятора на финансовых рынках риск потери деловой репутации кредитной организации (репутационный риск) — это риск возникновения у кредитной организации убытков вследствие влияния в том числе таких факторов, как: несоблюдение нормативных требований и обычаев делового оборота; неспособность эффективно противодействовать легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а также иной противоправной деятельности; недостатки в управлении банковскими рисками кредитной организации; недостатки кадровой политики при подборе и расстановке кадров; возникновение конфликта интересов с учредителями (участниками), клиентами и контрагентами, а также другими заинтересованными лицами; опубликование негативной информации о кредитной организации или ее служащих, учредителях (участниках), членах органов управления, аффилированных лицах, дочерних и зависимых организациях в средствах массовой информации (письмо Банка России от 30 июня 2005 г. № 92-Т «Об организации управления правовым риском и риском потери деловой репутации в кредитных организациях и банковских группах»).

Управление репутационным риском предлагает минимизацию возможных потерь, сохранение деловой репутации организации перед деловыми партнерами, органами государственной власти и местного управления, банками и т. д. Следовательно, деловая репутация — это совокупность определенных качеств и оценок, с которыми их носитель представляется перед заинтересованными пользователями информации.

В исследуемой теме рассмотрим оба понятия, так как при рассмотрении взаимоотношений организации и коммерческого банка важна репутация обоих контрагентов.

Организации, в которой готовится определенный инвестиционный проект, необходимы денежные ресурсы для его осуществления, поэтому для потенциальных инвесторов должна быть представлена полная и достоверная информация о проекте. В реализации инвестиционных проектов принимают участие разные организации (табл. 1).

Таблица 1

Лица, заинтересованные в репутации участников инвестиционных проектов
Persons interested in the reputation of participants in investment projects

Участники инвестиционных проектов	Характеристика заинтересованности
Координатор (инициатор) инвестиционного проекта	Интерес данного участника заключается в доведении до реализации начатого инвестиционного проекта
Владелец (заказчик) проекта	Достижение целевых показателей от реализации проекта
Проектная группа	Нацелены на обеспечение успешной реализации проекта
Менеджмент проекта	Интерес заключается в достижении запланированных показателей, поставленных владельцем проекта
Администратор проекта	Заинтересован в качественном выполнении обязанностей участников инвестиционного проекта

Участники инвестиционных проектов	Характеристика заинтересованности
Подрядчики проекта	Деятельность концентрируется на своевременной и качественной поставке запланированных ресурсов для проекта и исполнении работ
Потребитель результатов проекта	Приобрести продукт высокого качества
Консультант проекта	Имеет денежный интерес, т. е. вознаграждение за консультационные услуги
Инвесторы	Нацелены на получение возврата вложенных средств
Страховые компании	Интерес — обеспечить снижение рисков проекта
Кураторы проектов от власти	Заинтересованы в повышении налоговых поступлений и уровня зарплат населения

Анализ научной литературы по теме исследования относительно репутационных рисков и подходов к их оценке применительно к участникам инвестиционных проектов показал следующее. Основное внимание уделено общим вопросам идентификации и оценки рисков, способам управления ими [3—12].

В своем исследовании И. С. Важенина, С. А. Пестриков, Т. Р. Шарипов раскрывают рискообразующие факторы, проводят их ранжирование, представляют алгоритмы управления репутационными рисками [13].

В области использования информационных моделей управления репутационными рисками Э. Гриффин предлагает создание адекватной информационной инфраструктуры, позволяющей идентифицировать рискообразующие репутационные факторы [14].

Г. Даулинг рассматривает такой инструмент, как кризисные коммуникации с применением мер по ограничению ущерба репутации компании [15].

И. В. Митрофанова с коллегами называют причину репутационных рисков привлечением в проект компаний с сомнительной репутацией. Важной задачей по снижению неопределенности конечного эффекта от реализации территориального комплексного мегапроекта становится выявление еще на предпроектной стадии возможных коррупционных рисков, учет репутационных рисков, устранение риска низких компетенций [16].

Изучение литературы показало, что управление репутационными рисками рассматривается в основном в отношении интересов одной компании или одного банка. Подходы, при которых сопоставляется оценка деловой репутации банка и участников инвестиционного проекта в результате их взаимодействия, не конкретизированы в литературе. Оценки выполнения целевых показателей деятельности, в том числе по инвестиционным проектам, формируют у экспертов и членов органов управления разную степень удовлетворенности, что может приводить к необходимости формирования баланса интересов. Формы представления такого баланса интересов научным сообществам не предлагаются.

В ходе исследования дополнительно были выявлены риски, существенно влияющие на результаты реализации инвестиционных проектов, изучение которых недостаточно показано в научных публикациях. К ним относятся репутационные риски участников инвестиционных проектов в результате несоблюдения Федерального закона

от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее — Федеральный закон № 115-ФЗ) и возникающих претензий контрольно-надзорных органов, а также невыполнения договорных обязательств с судебными и иными последствиями по причине приостановки обслуживания в кредитных организациях.

В настоящее время большое количество банковских операций подпадают под контроль в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма (далее — ПОД/ФТ). Все операции, которые подлежат обязательному контролю в данной сфере, прописаны в нормативных документах, например в Федеральном законе № 115-ФЗ.

Юридические лица, разрабатывающие инвестиционные проекты заинтересованы в том, чтобы не быть вовлеченными в сомнительные операции, напоминающие легализацию преступных доходов. Ведь одна из основных задач на этапах реализации — обеспечить проект доверием лиц, которые в дальнейшем могут выступить в роли инвесторов. Банки, в свою очередь, должны проверять подозрительные операции незамедлительно. Иначе они рискуют потерять доверие Банка России, тем самым поставив под удар собственную дальнейшую деятельность.

Таким образом, можно сказать, что в сфере ПОД/ФТ взаимная работа организаций и банков является основным критерием недопущения возникновения противозаконных операций.

Нарушение Федерального закона № 115-ФЗ несет за собой ряд серьезных санкций. Данные о проверках, количестве возбужденных дел и иную информацию, касающуюся отмывания денег и финансирования терроризма, можно найти на официальном сайте Росфинмониторинга. В отчете за 2020 г. Федеральной службой по финансовому мониторингу была представлена следующая информация, касающаяся легализации денег и финансирования терроризма.

Нарушения обязательных требований нормативной базы о ПОД/ФТ были выявлены в 98 % проверок. По итогам рассмотренных дел 2020 г. и оставшихся с 2019 г. были наложены 134 административных наказания, из них штрафы — 32, предупреждения — 92. Данная информация свидетельствует о наличии фактов, существенно влияющих на репутацию компаний и их должностных лиц, что может также коснуться участ-

ников инвестиционных проектов при недооценке значимости соблюдения Федерального закона № 115-ФЗ.

В итоге возникает потребность в гармоничном сочетании выполнения требований законодательства и потребности в улучшении экономических показателей за счет лояльности к контрагентам/клиентам.

В истории развития общества и экономики стран существует представление о «колесе жизни» и «колесе баланса».

Разработку самой первой концепции «колесо жизни» приписывают Полу Дж. Майеру, который основал Институт успеха и мотивации [17].

Как отмечают специалисты в сфере коучинга, используя «колесо жизни» для оценки степени удовлетворенности каждым сегментом, можно увидеть, какой из них нужно развивать. Завершенное колесо в основном выглядит неровным. Клиент может прописать выбранные в результате дальнейшей сессии цели и действия по теме той области, в которой уровень наиболее низкий [18].

В рамках исследования было составлено «колесо баланса» для участников инвестиционных отношений: коммерческого банка и отдельной организации как его делового партнера, реализующих совместно инвестиционный проект (рис. 1, 2).

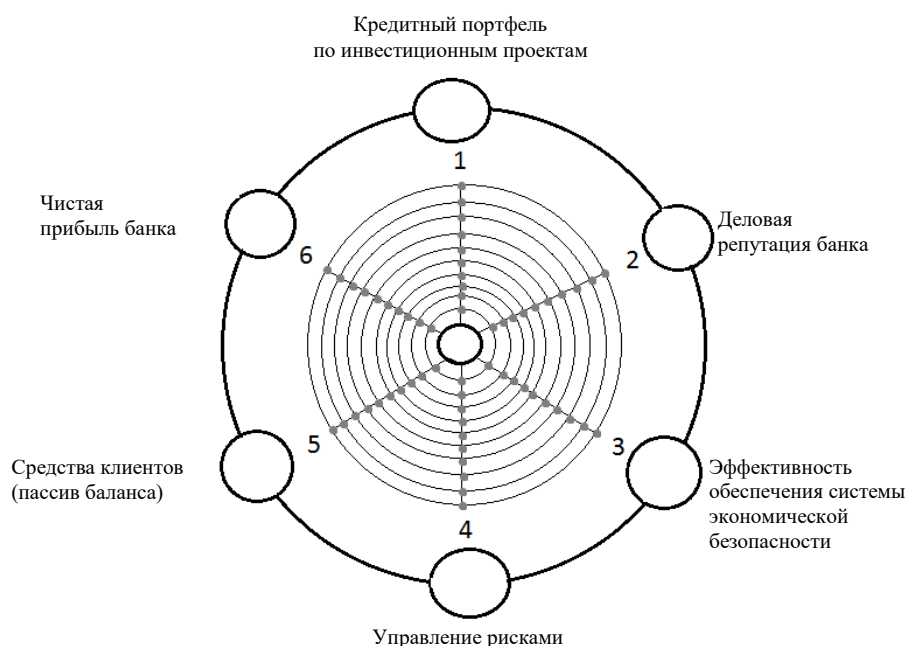

Рис. 1. «Колесо баланса» коммерческого банка
“Balance wheel” of a commercial bank

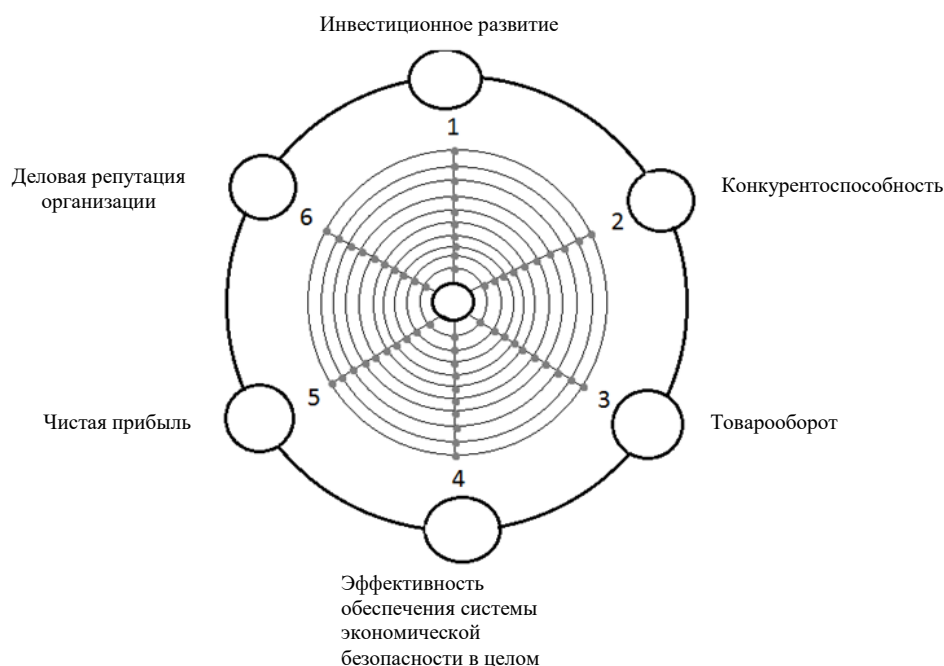

Рис. 2. «Колесо баланса» коммерческой организации
“Balance wheel” of a commercial organization

Методический подход авторов основывается на том, что все элементы «колеса баланса» оцениваются с точки зрения удовлетворенности участников инвестиционного проекта по балльной оценке от 1 до 10. Максимальная оценка соответствует точке на круге наибольшего диаметра. Данные оценки могут быть получены с помощью анкетирования компетентных экспер-

тов. После этого точки соединяются линиями для получения полной картины отклонений от оптимальных значений (рис. 3, 4). Можно установить порог значения элемента, ниже которого положение может быть критичным, например 5. Это рекомендуется закрепить во внутренних документах по управлению рисками участников инвестиционных процессов.

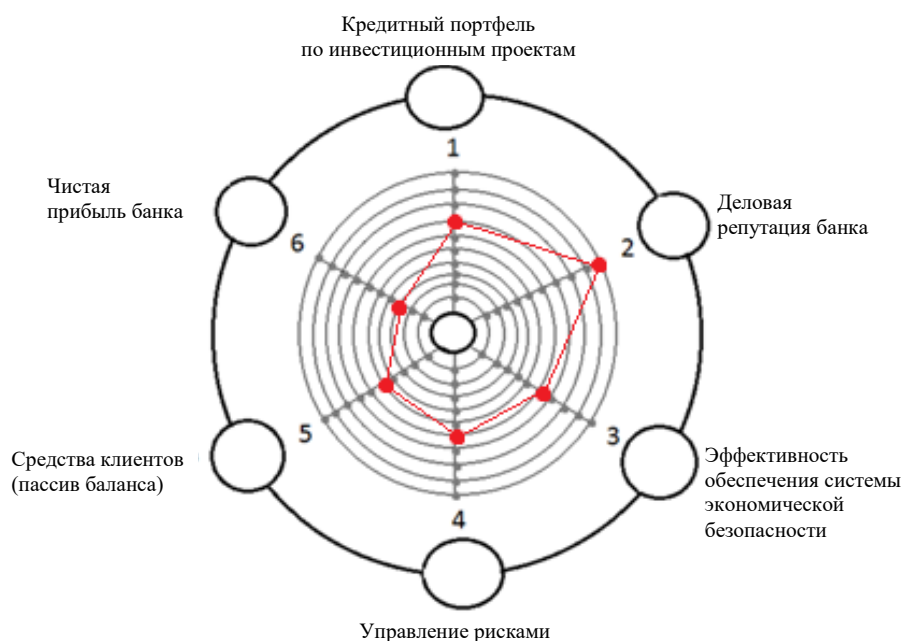

Рис. 3. Оценка коммерческого банка
Evaluation of a commercial bank

На основании анализа с использованием «колеса баланса» можно делать некоторые выводы о положении коммерческого банка как с управ-

ленческой стороны, так и со стороны его финансового и делового статуса.

Рис. 4. Оценка коммерческой организации — клиента банка
Evaluation of the commercial organization — the bank's client

Данный инструментарий может использоваться органами управления и контроля в банках и участников инвестиционного проекта — коммерческих организаций для принятия управленческих решений по управлению риском потери деловой репутации. Аналогично данный подход может быть использован и для управления другими рисками. На основе «колеса баланса» можно выполнить разработку плана мероприятий по улучшению работы в тех направлениях, которые получили низкие оценки. В идеале необходимо стремиться к максимальной оценке (10) для формирования колеса правильной формы. Представление оценки организации в форме «колеса баланса» в отчетах по мониторингу рисков, в отчетах о самооценке системы внутреннего контроля и управления рисками, а также в других документах позволяет, по нашему мнению, быстро и точно оценить сильные и слабые стороны организации и определить соответствующие направления работы.

Таким образом, развитие системы контроля репутационных рисков может быть выполнено в

направлении совершенствования механизмов выявления рисков через анализ ситуации по выполнению законодательства о финансовом мониторинге, методического инструментария по их оценке, формированию классификатора/перечня способов управления рисками деловой репутации в зависимости от полученной оценки в порядке первоначальной экспертизы проекта и его мониторинга. Предложенный в статье авторский подход оценки репутационных рисков «колесо баланса» позволяет получать оценки степени удовлетворенности деловой репутацией банка и его клиентов как участников инвестиционных проектов. Это может использоваться при принятии решений для разрешения конфликтов, развития отношений по различным способам финансирования проектов. Кроме того, использование предложенного подхода в управлении инвестиционными процессами может применяться в порядке мониторинга, в контрольных и экспертных мероприятиях.

Список источников

1. Ким Ю. К. Репутационные риски в сфере банковских услуг // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2012. № 2 (10). С. 24.
2. Лулудова Е. С. Управление финансовыми и нефинансовыми рисками // Достойный труд — основа стабильного общества : сб. тр. конф. / Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург, 2016. С. 167—175.
3. Вяцкова Н. Концептуальные и научные подходы управлению рисками предприятий // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2014. № 6. С. 54—57.
4. Барикаев Е. Н. Управление предпринимательскими рисками в системе экономической безопасности. М. : Юнити-Дана, 2018. С. 75.
5. Астраханцева И. А., Коюпченко И. Н. Финансовая аналитика риск-менеджмента: обобщение и развитие опыта // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 5. С. 55—67.
6. Бурыкин А. Д., Костоева Е. Х. Организация риск-менеджмента на предприятии // Вестник научных конференций. 2016. № 4. С. 27—31.
7. Капустина Н. В. Инновационный подход к управлению рисками на предприятиях // Экономика, социология и право. 2014. № 3. С. 54.
8. Киселева И. А. Риск-менеджмент в бизнесе // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 13. С. 62—65.
9. Алехина О. А. Инвестиционная деятельность предприятий // Аллея науки : науч.-практ. электрон. журн. 2018. № 3. С. 75. URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/12January/INVESTICIONNAYa%20DEYaTELNOST%20PREDPRIYaTIY.pdf (дата обращения: 30.01.2022).
10. Чепкасов В. В. Инвестиции: понятие и основные виды // Аллея науки : науч.-практ. электрон. журн. 2019. № 5 (21). С. 9. URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/4636May20183/INVESTICIIP%20PONYaTIE%20I%20OSNOVNYE%20VIDY.pdf (дата обращения: 30.01.2022).
11. Завьялова Е. Н. Оценка рисков инвестиционного проекта // Вестник ТГАСУ. 2019. № 12. С. 12.
12. Комаров Н. М., Мохов А. И. Особенности инновационного проектирования с применением инфографического моделирования // Наукосзнание. 2017. № 4. С. 37.
13. Важенина И. С., Пестриков С. А., Шаритов Т. Р. Риски деловой репутации: идентификация и оценка // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 17 (224). С. 2—11.
14. Гриффин Э. Управление репутационными рисками: Стратегический подход : пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. 237 с.
15. Даулинг Г. Репутация фирмы: создание, управление и оценка эффективности : пер. с англ. М. : Консалтинговая группа «ИМИДЖ-контакт» : Инфра-М, 2004. 336 с.
16. Российские территориальные мегапроекты: риски реализации в условиях неопределенности / И. В. Митрофанова, Н. П. Иванов, И. А. Митрофанова, А. Н. Жуков // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2016. № 16 (195). С. 104—113.
17. Лихвиненко А. Колесо жизненного баланса Пола Дж. Майера. 2017. URL: <https://gilber.one/koleso-balansa.html> (дата обращения: 30.01.2022).
18. Головкова С. И. Инструменты коучинга: колесо баланса (часть 1). 2018. URL: <https://www.nlpspb.ru/page10296330.html> (дата обращения: 30.01.2022).

References

1. Kim Yu.K. Reputatsionnye riski v sfere bankovskikh uslug [Reputational risks in banking services], *Chelovecheskii kapital i professional'noe obrazovanie* [Human capital and professional education], 2012, no. 2 (10), p. 24.

2. Luludova E.S. Upravlenie finansovymi i nefinansovymi riskami [Financial and non-financial risk management], *Dostoinyi trud — osnova stabil'nogo obshchestva* [Decent work is the foundation of a stable society]: sb. tr. konf. Ekaterinburg, 2016, pp. 167—175.
3. Vyatskova N. Kontseptual'nye i nauchnye podkhody upravleniyu riskami predpriyatii [Conceptual and scientific approaches to enterprise risk management], *RISK: Resursy, informatsiya, snabzhenie, konkurentsia* [RISK: Resources, information, supply, competition], 2014, no. 6, pp. 54—57.
4. Barikaev E.N. Upravlenie predprinimatel'skimi riskami v sisteme ekonomicheskoi bezopasnosti [Business risk management in the economic security system]. Moscow, Yuniti-Dana, 2018, p. 75.
5. Astrakhantseva I.A., Koyupchenko I.N. Finansovaya analitika risk-menedzhmenta: obobshchenie i razvitie opyta [Financial analysis of risk management: generalization and development of experience], *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial analytics: problems and solutions], 2015, no. 5, pp. 55—67.
6. Burykin A.D., Kostoeva E.Kh. Organizatsiya risk-menedzhmenta na predpriyatii [Organization of risk management at the enterprise], *Vestnik nauchnykh konferentsii* [Vestnik of scientific conferences], 2016, no. 4, pp. 27—31.
7. Kapustina N.V. Innovatsionnyi podkhod k upravleniyu riskami na predpriyatiyakh [Innovative approach to enterprise risk management], *Ekonomika, sotsiologiya i pravo* [Economics, Sociology and Law], 2014, no. 3, p. 54.
8. Kiseleva I.A. Risk-menedzhment v biznese [Risk management in business], *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Problems of modern science and education], 2017, no. 13, pp. 62—65.
9. Alekhina O.A. Investitsionnaya deyatel'nost' predpriyatii [Investment activity of enterprises], *Alleya nauki : nauch.-prakt. elektron. Zhurn* [Alley of Science : scientific-practical. Electron. Journal], 2018, no. 3, pp. 75. Available at: https://alley-science.ru/domains_data/files/12January/INVESTICIONNAYa%20DEYaTELNOST%20PREDPRIYaTIY.pdf (accessed: 30.01.2022).
10. Chepkasov V.V. Investitsii: ponyatie i osnovnye vidy [Investments: concepts and main types], *Alleya nauki : nauch.-prakt. elektron. Zhurn* [Alley of Science : scientific-practical. Electron. Journal], 2019, no. 5 (21), p. 9. Available at: https://alley-science.ru/domains_data/files/4636May20183/INVESTICII%20PONYaTIE%20I%20OSNOVNYE%20VIDY.pdf (accessed: 30.01.2022).
11. Zav'yalova E.N. Otsenka riskov investitsionnogo proekta [Risk assessment of an investment project], *Vestnik TGASU*, 2019, no. 12, p. 12.
12. Komarov N.M., Mokhov A.I. Osobennosti innovatsionnogo proektirovaniya s primeneniem infograficheskogo modelirovaniya [Features of innovative design using information graphic modeling], *Naukoznaniye* [Naukoznaniye], 2017, no. 4, p. 37.
13. Vazhenina I.S., Pestrikov S.A., Sharipov T.R. Riski delovoi reputatsii: identifikatsiya i otsenka [Business reputation risks: identification and assessment], *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 2011, no. 17 (224), pp. 2—11.
14. Griffin E. Upravlenie reputatsionnymi riskami: Strategicheskii podkhod [Reputation risk management: A strategic approach]. Moscow, Al'pina Biznes Buks, 2009, 237 p. (In Russ.)
15. Dauling G. Reputatsiya firmy: sozдание, upravlenie i otsenka effektivnosti [Company reputation: creation, management and performance evaluation]. Moscow, Konsaltingovaya gruppa "IMIDZh-kontakt", Infra-M, 2004, 336 p. (In Russ.)
16. Mitrofanova I.V., Ivanov N.P., Mitrofanova I.A., Zhukov A.N. Rossiiskie territorial'nye megaproekty: riski realizatsii v usloviyakh neopredelennosti [Russian Territorial Megaprojects: Risks of Implementation under the Conditions of Uncertainty], *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Technical University], 2016, no. 16 (195), pp. 104—113.
17. Likhvinenko A. Koleso zhiznennogo balansa Pola Dzh. Maiera [The Wheel of Life Balance by Paul J. Major], 2017. Available at: <https://gilber.one/koleso-balansa.html> (accessed: 30.01.2022).
18. Golovkova S.I. Instrumenty kouchinga: koleso balansa (chast' 1) [Coaching Tools: Balance Wheel (Part'1)], 2018. Available at: <https://www.nlpspb.ru/page10296330.html> (accessed: 30.01.2022).

Сведения об авторах

Выжитович Александр Михайлович — кандидат экономических наук, доцент, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: vam_70@mail.ru

Кельзина Наталья Владимировна — студент, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kelzina2000@mail.ru

Information about the authors

Alexander M. Vyzhitovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: vam_70@mail.ru

Natalia V. Kelzina — Student, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kelzina2000@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 06.04.2022; принята к публикации 12.07.2022.

The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 06.04.2022; accepted for publication 12.07.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белоусов Виталий Андреевич — старший преподаватель, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация. E-mail: va_belousov@guu.ru

Белоусова Мария Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация. E-mail: mn_belousova@guu.ru

Быкадоров Игорь Александрович — кандидат физико-математических наук, доцент, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: bykadorov-ia@ranepa.ru

Выжитович Александр Михайлович — кандидат экономических наук, доцент, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: vam_70@mail.ru

Исмайллова Юлия Николаевна — кандидат экономических наук, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ismaylova-yn@ranepa.ru

Казанцев Дмитрий Анатольевич — старший преподаватель, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация. E-mail: dimkazanchev@mail.ru

Карелин Илья Николаевич — старший преподаватель, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: karelin@corp.nstu.ru

Качусов Дмитрий Анатольевич — аспирант, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация. E-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru

Кельзина Наталья Владимировна — студент, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kelzina2000@mail.ru

Коломак Евгения Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru

Макарова Надежда Николаевна — доктор экономических наук, профессор, Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Волгоград, Российская Федерация. E-mail: yamg@mail.ru

Музаев Магомед Зияутдинович — кандидат экономических наук, старший преподаватель, Грозненский государственный нефтяной технический университет ГНТУ им. академика М. Д. Миллионщикова, Грозный, Российская Федерация. E-mail: maga_muzaev@mail.ru

Пудова Марина Владимировна — кандидат физико-математических наук, доцент, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: pudova-mv@ranepa.ru

Синявская Татьяна Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация. E-mail: sin-ta@yandex.ru

Ситникова Евгения Леонидовна — кандидат социологических наук, доцент, Вятский государственный университет, Киров, Российская Федерация. E-mail: evgsitnikova@yandex.ru

Сумская Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru

Суркова Виктория Валерьевна — старший преподаватель, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация. E-mail: vikusik_34@mail.ru

Тимофеева Галина Владимировна — доктор экономических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: gv.timofeeva@igsu.ru

Трегубова Александра Александровна — кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация. E-mail: alexandra_a_t@mail.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Vitaliy A. Belousov — Senior Lecturer, The State University of Management, Moscow, Russian Federation. E-mail: va_belousov@guu.ru

Mariya N. Belousova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, The State University of Management, Moscow, Russian Federation. E-mail: mn_belousova@guu.ru

Igor A. Bykadorov — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: bykadorov-ia@ranepa.ru

Alexander M. Vyzhitovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: vam_70@mail.ru

Yuliya N. Ismayilova — Candidate of Economic Sciences, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ismayilova-yn@ranepa.ru

Dmitry A. Kazantsev — Senior Lecturer, Altai State University, Barnaul, Russian Federation. E-mail: dimkazanchev@mail.ru

Ilya N. Karelin — Senior Lecturer, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: karelin@corp.nstu.ru

Dmitry A. Kachusov — Post-Graduate Student, Altai State University, Barnaul, Russian Federation. E-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru

Natalia V. Kelzina — Student, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kelzina2000@mail.ru

Evgeniya A. Kolomak — Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru

Nadezhda N. Makarova — Doctor of Economics, Professor, Volgograd Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, Volgograd, Russian Federation. E-mail: yamg@mail.ru

Magomed Z. Muzaev — Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer, Grozny State Oil Technical University, GGNTU named after Academician M.D. Millionshchikov, Grozny, Russian Federation. E-mail: maga_muzaev@mail.ru

Marina V. Pudova — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: pudova-mv@ranepa.ru

Tatyana G. Sinyavskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation. E-mail: sin-ta@yandex.ru

Evgeniya L. Sitnikova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation. E-mail: evgsitnikova@yandex.ru

Tatiana V. Sumskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru

Viktoria V. Surkova — Senior Lecturer, Volgograd Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation. E-mail: vikusik_34@mail.ru

Galina V. Timofeeva — Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: timoff62@mail.ru

Aleksandra A. Tregubova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation. E-mail: alexandra_a_t@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Общие положения

Редакция журнала «Развитие территорий» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим направлениям:

- Актуальные вопросы государственного и муниципального управления.
- Государство и гражданское общество, идеология и политика.
- Право и юридические науки.
- Экономические исследования.
- Проблемы развития экономики и управления.
- Информационные системы и процессы.
- Бизнес-информатика.
- Территория: факты, оценки, перспективы.
- Страницы истории.
- Научный поиск и предложения.

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: rasv_ter@siu.ranepa.ru.

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен представить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

Плата за публикацию статьи, равно как иные сборы, с авторов не взимается. Гонорар за статьи не выплачивается.

2. Порядок приема и отбора рукописей

Редакционная коллегия журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов.

При поступлении статьи в редакцию проводится ее проверка на соответствие тематике журнала и требованиям к оформлению. В случае несоответствия автору дается краткий ответ с отказом в публикации.

При соответствии статьи требованиям проводится ее проверка на отсутствие некорректных заимствований (плагиат). При наличии в тексте статьи более 25 % заимствованных фрагментов она не рецензируется, а автору дается краткий ответ с отказом в публикации.

В случае соответствия статьи всем перечисленным требованиям она направляется на научное рецензирование. Все статьи, принятые в редакцию, обязательно проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования (автор и рецензент не известны друг другу). Рецензирование статей осуществляют не только члены редакционного совета и редакционной коллегии, но и приглашенные эксперты — признанные специалисты в той научной области, которой соответствует тематика статьи. Выбор рецензента осуществляется редакционной коллегией.

Рекомендации рецензентов являются основанием для принятия редакционной коллегией решения об опубликовании статьи.

Статьи, получившие отрицательную оценку рецензентов, отклоняются. Отклоненные статьи авторам не высылаются, с авторами не обсуждаются и повторно не рассматриваются.

Если редакционной коллегией принято решение «Рекомендовать к публикации с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков», то автору высылаются вопросы и/или предложения рецензента и устанавливается срок для устранения указанных недостатков либо аргументированного отклоне-

ния выдвинутых замечаний (в течение 10 рабочих дней). В случае возникновения серьезных противоречий между автором и рецензентом редакционная коллегия имеет право направить статью на дополнительное рецензирование.

Срок хранения рецензий в редакции — 3 года.

Окончательное решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционно-экспертным советом журнала. Автор информируется о принятом решении.

Решение редакционной коллегии о допуске статьи или отказе в публикации направляется автору по электронной почте. В случае положительного решения в письме указываются сроки публикации.

Рукописи статей, рекомендованных к публикации, подвергаются редакционной обработке, которая включает литературное редактирование, корректуру, техническое редактирование. Редакция не ставит в известность авторов об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер и не затрагивающих содержание статьи. При необходимости замечания редактора согласуются с автором.

3. Требования к публикациям

Основные сведения об авторе. На русском и английском языках приводят: имя, отчество, фамилию автора (полностью). Наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна).

Также указываются электронный адрес автора (e-mail); открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии). Адрес организации (учреждения), где работает или учится автор, может быть указан в полной форме. Электронный адрес автора приводят без слова «e-mail», после электронного адреса точку не ставят. ORCID приводят в форме электронного адреса в сети Интернет. В конце ORCID точку не ставят. Наименование организации (учреждения), её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

Содержание статьи: оригинальность текста, актуальность проблемы, четкая формулировка темы статьи, соответствие содержания статьи заявленной в названии теме, высокий научный уровень (признанные в науке методы исследования, корректность статистического анализа, обоснованность полученных данных, аргументированные выводы, логичность и полнота раскрытия темы), научный, научно-публицистический стиль изложения, терминологическая точность.

Структура статьи: введение (обоснование актуальности исследования, постановка проблемы, обзор литературы по тематике исследования); определение целей и задач; методы (описание научного инструментария исследования); результаты (представление основных фактических данных, обсуждение, интерпретация полученных данных, предложения по практическому применению и/или дальнейшему исследованию); заключение (выводы, подведение итогов статьи без повторения уже использовавшихся формулировок).

Аннотация: объем — от 100 до 150 слов, представляется на русском и английском языках. В аннотации необходимо отразить актуальность темы исследования, постановку проблемы, основные результаты и выводы. Аннотация должна отражать логику изложения материала в статье, лаконично и точно излагать основные идеи и выводы исследования.

Ключевые слова: объем — от 6 до 12 слов, должны отражать специфику темы статьи, объекта или результатов исследования на русском и английском языках.

4. Правила оформления научной статьи

Общие требования. Рукопись статьи оформляется в редакторе Microsoft Office Word и прикрепляется в формате *.doc, *.docx. Поля сверху, снизу, слева и справа — 2 см. Выравнивание по ширине. Абзацный отступ — 0,5 см. Межстрочный интервал полуторный. Переносы включены.

Шрифт представляемой в редакцию статьи — Times New Roman. Размер шрифта — 14 пт. В верхнем левом углу листа должен стоять УДК. Ниже по центру полужирным шрифтом прописными буквами печатается название статьи (на русском и английском языках). Далее фамилия автора, инициалы, строкой ниже — полное название организации, e-mail. Ниже через строку помещается аннотация и ключевые слова. Далее этот блок повторяется на английском языке. Еще через строку помещают основной текст статьи. (См. пример структуры статьи.)

Список источников. Размещается непосредственно после основного текста статьи. В список включают библиографические записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Записи нумеруют и располагают в порядке цитирования источников. При этом сначала следуют источники на русском языке, после них — на иностранном языке. В список литературы не включаются нормативные правовые акты (законы, указы, постановления, стандарты и др.). Идентифицирующие сведения (наименование, номер, дата и др.) о такого рода документах приводятся в тексте при их первом упоминании. Список приводят в двух вариантах: на русском языке, оформленном в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка», и в романском алфавите, оформленном в соответствии с требованиями международной библиографической и реферативной базы Scopus. Фамилии авторов статей на английском языке представляются в международной системе транслитерации Британского Института Стандартов (www.translit.ru, меню Варианты, пункт BSI). Английские источники оста-

ются без изменений, русскоязычные источники транслитерируются с помощью программы Translit (www.translit.ru, меню Варианты, пункт BSI) (см. пример пристатейного списка).

Дополнительные сведения. На последней странице на русском и английском языках приводятся: фамилия, полные имя и отчество (при наличии последнего), ученая степень и звание (при наличии), официальное название организации, должность, полный адрес организации (с указанием почтового индекса), служебный e-mail, номер служебного и контактного (мобильный, по возможности) телефонов.

5. Оформление отдельных элементов текста

Аббревиатуры. В тексте без расшифровки допустимо использовать только общепринятые аббревиатуры. К ним относятся пять общепринятых сокращений: *т. е.*, *и т. д.*, *и т. п.*, *и др.*, *и пр.*, а также *в.*, *вв.*, *г.*, *гг.* (при датах), *г.*, *д.*, *обл.*, *с.* (при географических названиях), *гл.*, *ч.*, *п.*, *подп.*, *разд.*, *рис.*, *с.*, *см.*, *ср.*, *табл.* (при ссылках и сопоставлении), *руб.* (рубль), *долл.* (доллар) и некоторые другие.

Не допускается использовать сокращения: *т. о.* — таким образом, *т. н.* — так называемый и *т. к.* — так как.

Помимо общепринятых аббревиатур в работах могут применяться авторские сокращения. При этом после их первого упоминания в тексте необходимо в скобках указать аббревиатуру, например средства вычислительной техники (СВТ).

Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночную подпись. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносится в подрисуночную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт, головка таблицы выделяется жирным шрифтом.

Размеры рисунков и таблиц — не более 80 × 80 мм (на одну колонку), 170 × 170 мм (на две колонки) в начале или конце полосы. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте *после* ссылки на них.

Формулы. Простые внутристроочные и одностроочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многостроочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 70 мм.

Буква «ё» употребляется только в целях смысловоразличения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При косвенном цитировании (парафраз, или пересказ, — передача своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа «По данным британских ученых...», «В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

Ссылки. На весь заимствованный материал (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.) даются ссылки на источники.

В журнале приняты затекстовые библиографические ссылки. Они входят в пристатейный список источников. Библиографические записи источников в пристатейном списке нумеруются, оформляются по ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка» с обязательным указанием *общего количества страниц*.

Связь между текстом и цитируемым источником устанавливают посредством отсылки, которую оформляют в виде заключенных в квадратные скобки порядкового номера источника и через запятую номера страницы. Если приводят прямую цитату, то в отсылке указывают порядковый номер и *конкретную страницу* цитаты. Если приводят косвенную цитату, то в отсылке указывают порядковый номер и *постраничную пагинацию*, в пределах которой изложен упоминаемый материал. Если в тексте речь идет в целом об издании, в отсылке указывают только порядковый номер источника. Если текст цитируется не по первоисточнику, то отсылку следует начинать словами «Цит. по:». Например: [Цит. по: 9, с. 24—25] (см. примеры оформления затекстовых ссылок).

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК

В тексте отсылки оформляются следующим образом:

При прямом цитировании

Как отмечал Н. А. Бердяев, «идею прогресса нельзя смешивать, как это достаточно уже разъяснено, с идеей эволюции» [10, с. 222].

При парафразе, или пересказе

Так, Н. А. Бердяев раскрывает метафизическую сущность прогресса, отмечая связь идеи о прогрессе с мессианской идеей религиозных верований [10, с. 222—223].

При ссылке целиком на весь источник

В контексте рассматриваемой проблемы нельзя обойти вниманием известную работу Н. А. Бердяева [10].

При цитировании не по первоисточнику

Ж. Р. Колесникова, осмысливая свою эпоху, писал о процессе «истощения творческих сил человека в результате отрыва его от духовного центра жизни и исключительное обращение к периферии жизни...» [Цит. по: 23, с. 75].

Описание источника в затекстовой ссылке:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990. 269 с.

23. Колесникова Ж. Р. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и русская религиозная философия начала XX века : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 163 с.

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конев Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.

2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.

3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.

4. Harris T. L., Whalen P. T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed. South-Western Educational Pub, 2006. 304 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitija zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU)* [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]. Minsk: BGU, 2018, pp. 294—297.

2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — sovery starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser], Moscow: Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.

3. Braslavets L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism], 2009, no. 1, pp. 125—132.

4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed., South-Western Educational Pub, 2006, 304 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Развитие территорий. 2021. № 4 (26). С. 79—84.
Territory Development. 2021;(4):79—84.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

²Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация

¹kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

²ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Международное гуманитарное сотрудничество как фактор развития приграничных территорий // Развитие территорий. 2021. № 4 (26). С. 79—84. DOI: 10.32324/2412-8945-2021-4-79-84.

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

INTERNATIONAL HUMANITARIAN COOPERATION AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF FRONTIER ZONE

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

²Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation

¹kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

²ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I. S., Petrov I. P. International humanitarian cooperation as a factor of development of frontier zone. *Territory Development*. 2021;(4):79—84. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2021-4-79-84.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — master's student, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2000; одобрена после рецензирования 00.00.2000; принята к публикации 00.00.2000.

The article was submitted 00.00.2000; approved after reviewing 00.00.2000; accepted for publication 00.00.2000.

